

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.26794/2226-7867

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67071
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-67071
of 15, September, 2016

Периодичность издания – 6 номеров в год

Publication frequency – 6 issues per year

Учредитель: Финансовый университет

Founder: Financial University

Журнал включен во вторую категорию Перечня рецензируемых научных изданий ВАК (К2) по научным специальностям: 5.4.2. Экономическая социология (социологические науки). 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки). 5.5.1. История и теория политики (политические науки). 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки). 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки). 5.5.4. Международные отношения (политические науки). 5.7.2. История философии (философские науки). 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки). 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки).

A journal included in the second category of the List of VAC's peer-reviewed scientific publications (K2) on specialties: 5.4.2. Economic sociology (sociological sciences). 5.4.4. Social structure, social institutions and processes (social sciences). 5.5.1. History and theory of politics (political sciences). 5.5.2. Political institutions, processes, technologies (political sciences). 5.5.3. Public administration and sectoral policies (political sciences). 5.5.4. International Relations (Political Sciences). 5.7.2. History of philosophy (philosophical sciences). 5.7.7. Social and political philosophy (philosophical sciences). 5.7.8. Philosophical anthropology, philosophy of culture (philosophical sciences).

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 44090 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 44090 in the consolidated
catalogue "The Press of Russia"

Vol. 14, No. 3, 2024

GUMANITARNYE NAUKI. VESTNIK FINANSOVOGO UNIVERSITETA (HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES. BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ШАТИЛОВ А.Б., кандидат политических наук, профессор, декан факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Алексеев С.В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель», Москва, Россия

Байчунь Ч., доктор философских наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений, Пекин, Китай

Борисов Н.А., доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии, начальник Управления по научной работе, РГУ, Москва, Россия

Бродовская Е.В., доктор политических наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Долгополов Н.М., заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций, Москва, Россия

Елишев С.О., доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии социологического факультета, МГУ, Москва, Россия

Кафтан В.В., доктор философских наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Лукьянов Ф.А., председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», Москва, Россия

Маматов М.А., кандидат исторических наук, доктор философских наук, профессор кафедры философии Ферганского госуниверситета, Республика Узбекистан

Мацузато К., доктор права, профессор, Токийский университет, Токио, Япония

Мамедзаде И., доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана, Баку, Азербайджан

Маттес Й., профессор коммуникации, декан факультета массовых коммуникаций, Венский университет, Вена, Австрия

Музашвили Д.З., кандидат философских наук, заместитель декана кафедры психологии и развития человеческого капитала факультета социальных наук и массовых коммуникаций по научной работе, Финансовый университет, Москва, Россия

Осипова Н.Г., доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета, заведующая кафедрой современной социологии социологического факультета МГУ, Москва, Россия

Островский А.В., доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН), Москва, Россия

Пляйс Я.А., заместитель главного редактора, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Москва, Россия

Полевая М.В., доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии и развития человеческого капитала факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Расторгуев С.В., доктор политических наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Силласте Г.Г., доктор философских наук, профессор кафедры социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Симонов К.В., кандидат политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Трюэль Ж.-Л., доктор экономических наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странах СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12, Париж, Франция

Фёдоров В.В., кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Москва, Россия

Цуй Чжэн. кандидат политических наук, профессор, директор Китайской академии открытой экономики Ляонинского университета, Шэньян, Китай

Цыганков П.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, заместитель заведующего кафедрой международных отношений и интеграционных процессов, МГУ, Москва, Россия

Шаповалов В.Л., кандидат исторических наук, заместитель директора Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет; доцент кафедры политологии, МПГУ; доцент кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Шрейдер В.Ф., доктор политических наук, депутат Государственной Думы VI–VII созыва

Уилкокс К., доктор политических наук, заслуженный профессор Кафедры управления Университета Джорджтаун, Вашингтон, США

Эскиндаров М.А., доктор экономических наук, профессор, президент, научный руководитель, Финансовый университет, Москва, Россия

Южно А.С., кандидат юридических наук, заместитель руководителя Аппарата по взаимодействию с органами государственной власти и правовым вопросам Общественной палаты Российской Федерации, Директор программы Executive MPA, ИГСУ РАНХиГС, Москва, Россия

EDITOR-IN-CHIEF

SHATILOV A.B., Cand. of Political Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Alekseev S.V., D. Sc. of History, Professor at the Department of History and Historical Archival Studies of the Moscow State Institute of Culture, Chairman of the Historical and Educational Society "Radetel", Moscow, Russia

Baichun Ch., D. Sc. of Philosophy, Professor, Beijing Normal University, Director of the Cultural Center for Sino-Russian Relations, Beijing, China

Borisov N.A., D. Sc. of Political Science, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Head of the Research Department, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Brodovskaya E.V., D. Sc. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Director of the Center for Political Studies, Financial University, Moscow, Russia

Dolgopolov N.M., Deputy Editor-in-Chief of Rossiyskaya Gazeta, member of the Journalists' Union of the Russian Federation, member of the Writers' Union of Moscow and the Interregional Union of Writers' Organizations, Moscow, Russia

Elishev S.O., D. Sc. of Sociology, Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Zubets A.N., D. Sc. in Economics, Director of the Center for Socio-Economic Research of the Financial University, Moscow, Russia

Kaftan V.V., D. Sc. of Philosophy, Deputy Head for Research of the Department of Mass Communications, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Lukyanov F.A., Chairman of the Presidium of the Council on Foreign and Defense Policy (SVOP), Editor-in-Chief of "Russia in Global Affairs" magazine, Moscow, Russia

Mamatov M.A., Cand. of Historical Sciences, D. of Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophy, Fergana State University, Republic of Uzbekistan

Matsuzato K., D. Sc. of Laws, Professor, University of Tokyo, Tokyo, Japan

Mammadzade I., D. Sc. of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan

Matthes J., D. Sc. of Political Sciences, Professor of Communication Science, Chair of the Department of Communication, University of Vienna, Vienna, Austria

Muzashvili D.Z., Cand. of Philosophical Sciences, Deputy Dean for Research of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Osipova N.G., D. Sc. of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Modern Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Ostrovsky A.V., D. Sc. in Economics, Professor, Deputy Director of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russia

Plyays Ya.A., Deputy Editor-in-Chief, D. Sc. of History, Doctor of Political Sciences, Chairman of the Professors' Club of the Financial University, Moscow, Russia

Polevaya M.V., D. Sc. in Economics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Human Capital Development, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Rastorguev S.V., D. Sc. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Sillaste G.G., D. Sc. of Philosophical Sciences, Scientific Supervisor of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Simonov K.V., Cand. of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Truel J.-L., D. Sc. in Economics, Consultant on the development of international relations in the Russian Federation and the CIS countries, Vice-President of the Association of Economists Le Cercle Kondratieff ("Kondratieff Circle"), Professor at the Paris-12 University, Paris, France

Fedorov V.V., Cand. of Political Sciences, General Director of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM), Moscow, Russia

Cui Zheng, Cui Zheng, Cand. of Political Sciences, Professor, Director of the Chinese Academy of Open Economy, Liaoning University, Shenyang, China

Tsygankov P.A., D. Sc. of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Deputy Head of the Department of International Relations and Integration Processes, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Shapovalov V.L., Cand. of Historical Sciences, Deputy Director of the Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Politology, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Comparative Politology, MGIMO MFA of Russia, Moscow, Russia

Shreider V.F., D. Sc. of Political Sciences, Deputy of the State Duma of the VI-VII convocation

Wilcox K., D. Sc. of Political Sciences, Distinguished Professor at the Department of Government, Georgetown University, Washington, USA

Eskindarov M.A., D. Sc. in Economics, Professor, President and Scientific Chairman of the Financial University, Financial University, Moscow, Russia

Yukhno A.S., Cand. Sci. of Law, Deputy Head of the Apparatus for Interaction with Government Authorities and Legal Affairs at the Civic Chamber of the Russian Federation, Director of the Executive MPA Program, IGSU RANEPА, Moscow, Russia

**ТЕМА НОМЕРА: ЦИФРОВИЗАЦИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО:
ВРЕМЯ БОЛЬШИХ ИНФОРМАЦИОННЫХ «ИГР»**

<i>Тюриков А.Г.</i> Дискурсивные механизмы конструирования «экзистенциального Другого» в отношениях кризиса доверия между Россией и Западом	6
<i>Войнич К.С.</i> Влияние распространения недостоверной информации в социальных сетях на настроения студенческой молодежи	13
<i>Майорова М.А., Ерманалиева А.Р.</i> Информационная безопасность Исламской Республики Иран.	20
<i>Домбровская А.Ю., Буслаева М.В., Беляков А.В.</i> Информационное продвижение гуманитарных проектов ЕАЭС в 2023 – начале 2024 года	28
<i>Митина А.А.</i> Возрастание значимости аудиовизуального контента в условиях цифровой реальности	37

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

<i>Чепель С.Л.</i> Институционализация партийных систем в посткоммунистических странах Европы: факторы и проблемы.	44
<i>Толкачев С.А.</i> Либерализм против неолиберализма: социальный реванш «байденномики».	53
<i>Воеводина Е.В.</i> Методические подходы к исследованию доверия в трансформирующихся экономических отношениях	61
<i>Коломийцев С.Ю.</i> Технологический суверенитет как стимул развития отечественной науки.	69
<i>Родачин В.М.</i> Международный терроризм: проблемы определения, актуализации правовых основ противодействия	76
<i>Авдонина К.М., Смирнова Я.Н.</i> Риски и возможности использования искусственного интеллекта в профессии социолога.	85
<i>Волобуев А.В.</i> Фундаментализм: научный термин или пейоративный ярлык? О некоторых аспектах неакадемического применения термина	92

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Парма Р.В.</i> Факторы и стратегии демобилизации протестной активности российской молодежи.	99
<i>Притчин С.А., Соболев М.М., Агеев А.Э.</i> Борьба за влияние в Каспийском и Центральноазиатском регионах на современном этапе: транспортные коридоры	109
<i>Пу Г.</i> Расширение БРИКС: новые вызовы и пути оптимизации сотрудничества	118
<i>Соболева Е.О.</i> Восприятие специальной военной операции в современной отечественной студенческой среде и задачи российской власти по патриотическому воспитанию поколения Z	123
<i>Антонюк В.П., Иванова Я.С., Тюриков А.Г.</i> Сетевые инструменты формирования доверия в трансформирующихся современных экономических отношениях (на примере экономики совместного потребления в г. Москве)	128
<i>Адамская Л.В.</i> Государственное регулирование роста инвестиций и обновления основных фондов: применяемые налоговые инструменты.	137
<i>Рахим Тарги Х.</i> Экономика сопротивления: опыт Ирана и российская действительность.	143

ФИЛОСОФИЯ. ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРА

<i>Филатов Д.Л.</i> Русская церковь и государство в 80-е годы XX века.	148
<i>Маматов М.А.</i> Мой отец – узбек, советский солдат	154
<i>Третьяк А.Р.</i> Философия Спинозы между Ильенковым и Негри: бытие, действие и диалектика	159

**COVER STORY: DIGITALIZATION AND MODERN SOCIETY:
THE TIME OF BIG INFORMATION "GAMES"**

Tyurikov A.G. Discursive Mechanisms of Constructing the "Existential Other" in the Relations of Trust Crisis between Russia and the West 6

Voynich K.S. The Influence of the Dissemination of Fake Information on Social Networks on the Minds of Student Youth 13

Mayorova M.A., Ermanalieva A.R. Information Security of the Islamic Republic of Iran 20

Dombrovskaya A. Yu., Buslaeva M.V., Belyakov A.V. Informational Promotion of EAEU Humanitarian Projects in 2023 and Early 2024 28

Mitina A.A. The Growing Importance of Audiovisual Content in the Context of Digital Reality 37

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Chepel S.L. Institutionalisation of Party Systems in Post-Communist Countries of Europe: Factors and Problems 44

Tolkachev S.A. Liberalism Versus Neoliberalism: The Social Revanche of "Bidenomics" 53

Voevodina E.V. Methodological Approaches to the Study of Trust in Transforming Economic Relations 61

Kolomiitsev S. Yu. Technological Sovereignty as a Stimulus for the Development of Russian Science 69

Rodachin V.M. International Terrorism: Challenges in Defining and Updating Legal Frameworks for Counteraction 76

Avdonina K.M., Smirnova Ya.N. Risks and Opportunities of Using Artificial Intelligence in the Profession of Sociologist 85

Volobuev A.V. Fundamentalism: A Scientific Term or a Pejorative Label? On Some Aspects of the Non-Academic Use of the Term 92

CURRENT SOCIO-POLITICAL RESEARCH

Parma R.V. Factors and Strategies of Russian Youth's Protest Activity Demobilization .. 99

Pritchin S.A., Sobolev M.M., Ageev A.E. A Struggle for Influence in the Caspian and Central Asian Regions at the Present Stage: Transport Corridors 109

Pu G. BRICS Expansion: New Challenges and Ways to Optimize Cooperation .. 118

Soboleva E.O. The Perception of the Special Military Operation in the Modern Domestic Student Environment and the Tasks of the Russian Government for the Patriotic Education of Generation Z 123

Antonyuk V.P., Ivanova Ya.S., Tyurikov A.G. Network Tools for Building Trust in the Modern Transforming Economic Relations (Using the Example of the Sharing Economy in the city of Moscow) 128

Adamskaya L.V. State Regulation of Investment Growth and Renewal of Fixed Assets: Applicable Tax Instruments 137

Rakhim Targi. H. Resistance Economy: Iranian Experience and Russian Reality... 143

PHILOSOPHY. HISTORY. CULTURE

Filatov D.L. Russian Church and State in the 80s of the XX Century 148

Mamatov M.A. My father is an Uzbek, a Soviet Soldier 154

Tretiak A.R. Spinoza's Philosophy between Ilyenkov and Negri: Being, Action and Dialectics 159

**ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ.
ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

*Международный
научно-практический журнал*
Том 14, № 3 (69), 2024

Главный редактор –
А.Б. Шатилов

Заведующий редакцией
научных журналов –

В.А. Шадрин

Выпускающий редактор –
Ю.М. Анютин

Корректор – **Н.В. Колобова**

Верстка – **Е.А. Смирнова**

Переводчик – **И.А. Шелудешев**

Адрес редакции:

125993, Москва, ГСП-3,
Ленинградский пр-т, 53, к. 5.6
Тел.: **8 (499) 553-10-74**

(вн. 10-88)

E-mail: julia.an@mail.ru

[http://www.fa.ru/dep/jgn/](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

[about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

**Оформление подписки
в редакции**

по тел.: **8 (499) 553-10-71**

(вн. 10-80)

e-mail: sfmihajlova@fa.ru

С.Ф. Михайлова

Подписано в печать 16.10.2024

Формат 60 x 84 1/8.

Объем 21,25 п. л.

Заказ № 1226

Отпечатано в отделе полиграфии

Финансового университета

(Москва, Ленинградский пр-т,

д. 51)

© *Финансовый университет*

Editor-in-Chief – **A.B. Shatilov**

Head of Scientific Journals

Editorial Department –

V.A. Shadrin

Managing editor –

Yu.M. Anyutina

Proofreader – **N.V. Kolobova**

Design, make up – **E.A. Smirnova**

Translator – **I.A. Sheludeshv**

Editorial address:

53, Leningradsky prospekt, office 5.6

Moscow, 125993

tel.: **+7 (499) 553-10-74**

(internal 10-88)

E-mail: julia.an@mail.ru

[http://www.fa.ru/dep/jgn/](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

[about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Subscription in editorial office

tel.: **+7 (499) 553-10-71**

(internal 10-80)

e-mail: sfmihajlova@fa.ru

Signed for press on 16.10.2024

Format 60 x 84 1/8.

Size 21,25 printer sheets.

Order № 1226

Printed by Publishing House

of the Financial University

(51, Leningradsky prospekt,

Moscow)

© *Financial University*

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-6-12
УДК 316.422.6(045)

Дискурсивные механизмы конструирования «экзистенциального Другого» в отношениях кризиса доверия между Россией и Западом

А.Г. Тюриков

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье на основе дискурсивного анализа описываются механизмы формирования образа «экзистенциального Другого» при наличии кризиса доверия между Россией и Западом. Анализируются зарубежные, восточные и отечественные подходы к экзистенциализации кризиса в отношениях между РФ и западными странами. В рамках этого выделены и описаны ключевые дискурсивные механизмы: надуманности, конструирования нарративных миров, введения в политическую, социокультурную и экономическую повестку «темных интенциональных контекстов», а также механизм, направляющий дискурс в русло мифологик. Предложенный подход может быть использован в исследованиях экзистенциализации современного мирового кризиса.

Ключевые слова: доверие; кризис доверия; Другой; дискурсивные механизмы конструирования Другого; экзистенциализация мирового кризиса

Для цитирования: Тюриков А.Г. Дискурсивные механизмы конструирования «экзистенциального Другого» в отношениях кризиса доверия между Россией и Западом. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(3):6-12. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-6-12

ORIGINAL PAPER

Discursive Mechanisms of Constructing the “Existential Other” in the Relations of Trust Crisis between Russia and the West

A.G. Tyurikov

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

Based on the conducted discourse analysis, the article explores the mechanisms of constructing the image of an “existential other” during a crisis of trust between Russia and the West. It examines foreign, Eastern, and domestic perspectives on the existentialisation of the crisis in relations between the Russian Federation and Western nations. Within this context, key discursive mechanisms have been identified and described. They include fabrication, the creation of narrative worlds, the inclusion of “dark-intentioned contexts” in political, socio-cultural, and economic agendas, as well as a mechanism that directs discourse towards mainstream mythologies. This approach can be applied to studies of the existentialisation of modern-day crises.

Keywords: trust; crisis of trust; the Other; discursive mechanisms of constructing the Other; existentialization of the global crisis

For citation: Tyurikov A.G. Discursive mechanisms of constructing the “Existential Other” in the relations of trust crisis between Russia and the West. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(3):6-12. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-6-12

ВВЕДЕНИЕ

С одной стороны, в условиях отката глобализации поделить Землю между мирами невозможно, с другой — мы живем в эпоху «столкновения миров», формирования образа «экзистенциального Другого» в условиях кризиса доверия между Россией и Западом. Сложившаяся ситуация ставит перед исследователями задачу поиска уточнения и объяснения сущности и содержания экзистенциализации мирового кризиса.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ДРУГОЙ В ЗАПАДНОМ ДИСКУРСЕ

«Создание “экзистенциального Другого” и длительное поддержание присущих ему оппозиций — трудная задача»¹. Тем не менее с 2014 г. она успешно решается в антагонистическом дискурсе между Россией и Западом.

Мы придерживаемся тезиса об «экзистенциальном Другом» в логике концепта Ж. Делёза: «здесь Другой предстает не как субъект или объект, а совсем иначе — как возможный мир, как возможность некоего пугающего мира...» [1, с. 27]. «Экзистенциальный Другой» предполагает «культурного Другого», и если вопросы конструирования в дискурсах «экзистенциального Другого» остаются недостаточно изученными, то в исследованиях межкультурных коммуникаций и «культурного Другого» дискурс-анализ занял прочное место [2–4]. Наиболее интересными в контексте настоящей статьи представляется исследование «западного дискурса о культурном Другом» китайским социологом Ши-Сюй (Shi-Xu, который выделяет ряд его особенностей, отличий от «незападных дискурсов».

Во-первых, в западном дискурсе культурный Другой — «это как правило “мы”, которые говорят за “них”» [4, с. 132]. То есть западный дискурс склонен говорить от имени Другого и, как следствие, невосприимчив к «культурному Другому», он выдает свои представления о Другом за его сущность, руководствуясь пресуппозицией, что лучше понимает Другого, чем Другой самого себя. Поэтому Ши-Сюй замечает: «прочтение незападного Другого и разрешение незападному Другому говорить [за себя] должны все же стать нормальной частью западного дискурса» [4, с. 132]. «Говорить за других — это подлость», — замечает М. Фуко [5, с. 69]

Характерный для Запада «дискурс об экзотичности ... также [является] способом говорить за других»

[4, с. 188], ведь экзотичным Другой представляется именно Западу. Заметим, что это присутствует и в отношении Запада к России (русская зима, медведи на улицах городов и т.п.), более того, активно эксплуатируется в ситуации кризиса в отношениях России и Запада. Характерно, что Европа и сама становится объектом дискурса об экзотичности: гомосексуальные браки, гей-парады и т.п. являются «европейской экзотикой» для многих людей в России и не только.

Вторая особенность западного дискурса состоит в том, что «другое место» как правило представляется зоной напряженности или конфликта, которые нарушают некоторый основной «рациональный», «естественный» или «универсальный» порядок [4, 106]. При этом западный дискурс «априорно определяет и фиксирует Другое» каким-либо конкретным способом, позволяющим воспринимать и интерпретировать Другого в ракурсе «очевидной оппозиции рациональности и здравому смыслу» [4, 123].

Ши-Сюй подчеркивает, что в фокусе «западного дискурса о Другом» находятся противоречия, разногласия, несоответствия, антагонизмы, вследствие чего он является «мощным аппаратом ... предубеждения, дифференцирования и дискриминации, особенно относительно культурного Другого» [4, с. 8].

Все вышеуказанное позволяет осмыслить происходящее в антагонистическом дискурсе между Россией и Западом. Ведь европейский, американский и российский дискурсы являются разновидностями западного.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗАЦИЯ КРИЗИСА В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЗАПАДОМ

Приступая весной 2017 г. к анализу антагонистического дискурса между Россией и Западом [6], мы не предполагали, что он выведет нас на проблематику «экзистенциального Другого» (исследование реализовано совместно с А.Я. Большуновым, безвременно ушедшим из жизни в 2021 г.). Кризис в отношениях России и Запада начался во вполне реалистичном и прагматичном контексте угроз, интересов, геополитических амбиций и т.п. Но он быстро приобрел черты «столкновения миров» в традициях современных фэнтези: «русского мира» и «цивилизованного мира», представляющего коллективный Запад. Это «столкновение миров» мы называем экзистенциализацией кризиса в отношениях между Россией и Западом. Мы имеем в виду такую

¹ URL: <https://ria.ru/20160627/1452742863.html>

интерпретацию кризиса, которая объясняет его некоей экзистенциальной несовместимостью сторон (миров), когда их «виновность» объясняется фактом их существования, и неприемлемым становится само сосуществование России — для Запада и коллективного Запада — для России. Источником противостояния признаются некие интенции, изначально присущие сторонам, постулируется их экзистенциальная несовместимость, которая, якобы, присутствовала в отношениях между ними на протяжении всей истории. С 2016 г. НАТО утверждает, что «Россия представляет собой **непреодолимую экзистенциальную угрозу** для Соединенных Штатов, их союзников и международного порядка»². Генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг развил эту мысль в июне 2022 г.: «НАТО давно готовилось к такой вероятности (конфликт на Украине), не то, чтобы 24 февраля мы осознали, что Россия опасна»³.

В то же время В. Бондарь в статье с показательным названием «*Час решающей битвы между Русским миром и Западом уже близок*» указывает: «Пока на свете существует Россия и русские — как духовно целостный народ, западная цивилизация не может считать этот мир целиком подвластным себе» [7].

Происходящее в определенной мере объясняется тем, что и Запад, и Россия удручены и ожесточены вероломством друг друга. Ведь, с точки зрения Запада, он в 90-х «принял Россию» в круг «цивилизованного мира» (G8), и вдруг выяснилось, что ее цивилизационная принадлежность была маской, за которой скрывался Другой (даже Чужой). Поэтому первым символическим актом изоляции России было ее исключение из G8, а ее видимое равнодушие к этому обстоятельству стало для Запада *ошеломляющим прозрением*. С точки зрения нашей страны, все, что происходило в 90-х, было коварной инсценировкой, за которой стояло намерение Запада вычеркнуть Россию и русских из планов на будущее.

Но вклад России в западную цивилизацию слишком весом, поэтому ее трудно вывести «за скобки». Это обстоятельство ужесточает дискурс, поскольку стороны вынуждены убеждать себя, что имеют дело с Другим.

В ходе предыдущего исследования автора [7] были выявлены следующие дискурсивные механизмы:

1. Radotage (вздор), описанные А-Ж. Греймасом [8], вследствие которых антагонистический дискурс облекается в актантные модели (структуры), характерные для фэнтези. Именно то обстоятельство, что фабула антагонистического дискурса развертывается в логике фэнтези, ведет к экзистенциализации конфликта. Заметим, что о Другом (именно как об экзистенциально Другом) мы вряд ли можем сказать что-то, кроме вздора.

2. Конструирование «нарративных миров» (Умберто Эко). [9].

3. Введение в игру посредством «нарративных субстанций» (Ф. Анкерсмит) [10] («русский мир», «русская весна», «цивилизованный мир») на первый план дискурса, вследствие чего кризис окончательно конституируется как «противостояние миров».

4. Приобретение «нарративными субстанциями» очертаний концептов Ж. Делёза [1], эксплицирующих некие «метафизические основания» антагонизма и направляющих дискурс в русло своего рода мифологик. Вместе с этим, поскольку метафизика всегда притязает на онтологию, кризис в отношениях России и Запада окончательно конституируется как экзистенциальный.

Рассмотрим названные механизмы подробнее.

МЕХАНИЗМ НАДУМАННОСТИ И ВЗДОРА

А-Ж. Греймас различает две формы конструирования субъектов на месте актантов: *affabulation* (развитие интриги) и *radotage* (вздор) [8, с. 177]. Вздор — это не оценка содержания дискурса, а характеристика того способа, которым создаются дополнения к актантам (собственно субъект, объект и пр.). Этот механизм не связывает себя с условиями фактической и логической истины. Иначе говоря, место, именуемое актантом, становится чем-то вроде корзины, в которую может быть набросано что угодно. Понятно, что наполнение этой корзины качественными определениями мотивировано, но логически не опосредованно.

Приведем образцы *radotage* в антагонистическом дискурсе между Россией и Западом.

Примеры со стороны России:

«За что запад ненавидит Россию & Славян? ... Почему Запад **всегда, во все времена** пытался уничтожить самобытную русскую культуру и наш народ», — вопрошает российский патриот в статье

² URL: <https://argumenti.ru/world/2016/06/454043?ysclid=lv8u654cg518911696>

³ URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/06/2022/62bc951a9a79473a3735df35?ysclid=lt89chcu7m563656021&from=copyhttps://www.rbc.ru/politics/29/06/2022/62bc951a9a79473a3735df35?ysclid=lt89chcu7m563656021&from=copy>

с названием «Запад **никогда** не будет мирно жить рядом с Восточными народами...» [11]. «Российское государство давно должно было понять основополагающую истину о западных политиках и военных. ... Они **никогда** не признают свою ложь», — вещает российский эксперт В Михеев⁴. «Запад нас ненавидит, а мы испытываем к нему презрение», — заявляет «ученый-международник» С. Караганов [12].

Примеры вздора со стороны Запада:

«Россия уже **несколько столетий подряд неизменно** воплощает в жизнь *Drang nach Westen* и пару других *drang'ov*» (польский профессор Кшиштоф Ясевич) [13]. «Русские ... почти на **генетическом уровне** склонны и стремятся к обману, проникновению, ассимиляции, извлечению выгод и всему такому прочему. ... Нам есть от чего быть обеспокоенными» (бывший директор Национальной разведки США Джеймс Клэппер) [14].

Примечательно, что авторы этого вздора, имея высокий научный и экспертный статус, беззастенчиво прибегают к «лингвистике лжи» (слова «всегда», «никогда», «неизменно», «всё» и т.д.).

Характерно, что оппоненты антагонистического дискурса ссылаются на одни и те же факты, интерпретируя их в логике *radotage* зеркально противоположным образом (события 1812 г., Второй мировой войны и пр.).

В различных актантных ролях (функциях) в антагонистический дискурс вовлекаются:

- национальные лидеры в роли протагонистов и антагонистов (главных героев, символизирующих в конечном итоге Добро и Зло);
- военные и дипломаты, выступающие основными «помощниками» протагониста;
- «иностранные агенты» (в мифологии *radotage* — «нечистая сила»). Это типичный актант третьего порядка, позиция которого определяется как ангажированность. «Иностранцами агентами» становятся СМИ, хакеры, общественные организации (в США дело дошло до того, что иностранным агентом был объявлен Президент Д. Трамп!);
- экспертное сообщество — в специфической метапозиции его толкователей. Как известно, «сказка ложь, да в ней намек», который должен быть доведен до аудитории. Это делается «сказителями», роль которых играют эксперты;
- политики — в роли «воинств» протагониста и антагониста. Этим объясняется *остервенелость*,

с которой они участвуют в ток-шоу, различных дискуссиях и т.п. Их сценическая задача — демонстрация приверженности протагонисту/антагонисту, провозглашаемым ими ценностям, принципам, целям и т.д.;

- специальная актантная группа, связанная с производством и постановкой фейков (актеры);
- СМИ — в различных ролях (например, помощников протагониста или всяческой «нечисти»: иностранных агентств, фабрик фейков и т.п.). У них специфическая миссия — разыграть карту общественной поддержки протагониста и общественного неприятия антагониста на своей территории;

- собственники и руководители сетей и мессенджеров. Целью является обеспечение гегемонии своего дискурса. В антагонизм активно вовлекаются деятели культуры, поскольку она является сферой производства символической продукции;

- большой бизнес, который до последнего не втягивали в антагонистический дискурс, но объявленная коллективным Западом санкционная война изменила эту ситуацию. Фактически в антагонистическом дискурсе появляется новая сила — бизнес ставится в ситуацию самоопределения. Одним из основных инструментов вовлечения различных общественных групп и стран в антагонистический дискурс являются санкционные списки и меры.

Понятно, что дискурс развивается в логике интриги глобальной трансформации. Но надуманность, вздор захватывает сознание участников и приобретает автономное значение — становится предметом вторичных верований и политических убеждений.

НАРРАТИВНЫЕ МИРЫ УМБЕРТО ЭКО

В исследуемом антагонистическом дискурсе «нарративными мирами» являются «русский мир», «весь цивилизованный мир» (очерчивающий страны Запада), «многополярный мир» (доццихуа), «незападные страны» (как оборот, которым очерчивается альтернативное Западу пространство глобальной идентичности), мир «единой судьбы человечества» (провозглашен Циндаоской декларацией Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества).

Понятие «нарративных миров» в анализе дискурсов использует Умберто Эко, подчеркивая, что они выдают себя за логически возможные миры, но, в отличие от последних, «не “конструируются”, [а] только “называются”» [9, с. 404]. Важно,

⁴ URL: <https://politexpert.net/102199-mikheev-o-provokaciyakh-protiv-rf-zapad-nikогда-ne-priznaet-svoyu-lozh>

что Эко связывает миры наррации с актантной семантикой. «Нарративная структура сводится ... к чисто формальным позициям ... которые создают актантные роли» [9, с. 71].

Откуда появилось понятие «нарративный мир»? Разберемся в этом на примере «русского мира». У истоков его «доктрины» стоит П. Г. Щедровицкий, который претендует на нечто большее, чем нарратив. Ему очень хочется представить дело так, будто «русский мир» является чем-то «объективно существующим». Он ищет «признаки», «свойства», позволяющие формально определить объем понятия «русский». «Речь в моем тексте, — пишет Щедровицкий, — идет о тех, кто говорит и думает на русском языке, кто ... *действует* в русском языке»; «Русский Мир — сетевая структура больших и малых сообществ, думающих и говорящих на русском языке» [15].

Подчеркнем, что доктрина «русского мира» не тянет и на концепт Ж. Делёза. Если «русский мир» понимать как концепт, значит он должен быть сконституирован как логически возможный (осмысленный) мир, центрированный относительно лица (субъекта), которое собственно и является «русским». Таким образом, отсылки к языку недостаточно (напомним, концепт состоит «из трех неразделимых составляющих — возможный мир, существующее лицо и реальный язык, то есть речь» [1, с. 28]).

Сказанное о «русском мире» справедливо и относительно других «миров» исследуемого антагонистического дискурса.

«ТЕМНЫЕ ИНТЕНСИОНАЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ» И ИНТЕНСИОНАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ АНТАГОНИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Прежде всего, отметим, что с нарративными субстанциями мы имеем дело не только в обозначениях миров, — такие выражения, как «русская весна», «американская исключительность», «шанхайский дух» и т. п. также являются типичными нарративными субстанциями. Их значение не только в том, что они «объясняют» происходящее, но и в том, что они являются мощными инструментами вовлечения в антагонистический дискурс новых участников. Ведь люди вовлекаются в ситуацию именно тем смыслом, который она для них имеет, и он должен быть эксплицирован (сконструирован, изобретен) посредством нарративной субстанции.

Вообще нарративные субстанции играют ключевую роль в дискурсах, являясь местом их «сборки».

ЕЩЕ РАЗ ОБ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗАЦИИ КРИЗИСА В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЗАПАДОМ

Итак, в антагонистическом дискурсе, развивающемся в логике актантной структуры фэнтези, противоборствующими сторонами конструируются «жизненные миры, в которых оппозирующей стороне неизбежно отводится место антагониста, символа абсолютного Зла. Нарративные миры антагонистического дискурса — это не «общий мир», в котором стороны могут притязать на «свое место под Солнцем». Это миры, в которых противоположной стороне нет места — каждая пытается навязать другой свой концепт мира, свой нарратив.

Приведем еще несколько иллюстраций к тезису об экзистенциализации кризиса в отношениях России и Запада.

Осенью 2014 г. К. Ясевич пишет: «... *Главной целью идущей войны должно стать устойчивое снижение значения России* [речь идет о снижении роли России в международных отношениях — авт.] *и ее распад...*» [13]. Взгляды К. Ясевича могут казаться одиозными, но разве с 2014 г. не предпринимаются попытки реализации всех обозначенных экономических, политических, международных, спортивных и прочих аспектов экзистенциональной войны?

Не будет преувеличением сказать, что никаких идей в отношении России нет ни у США, ни у Евросоюза. Как и у России — применительно к Западу.

Есть, впрочем, и «хорошие новости». Например, Матье Слама пытается действительно осмыслить и рационализировать ситуацию, в которой мы оказались: «*Мне кажется, что происходящее сейчас между путинской Россией и западными странами носит куда более фундаментальный характер, чем просто конфликт интересов по сирийскому и украинскому вопросам. Думаю, что на заднем плане этого конфликта существует противостояние двух конкурирующих мировоззрений*» [16].

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Экзистенциализация кризиса в отношениях России и Запада, восприятие друг друга как экзистенциальных Других, связанное с противостоянием нарративных миров, ощущение тупика, безысходности ситуации является самым грозным аспектом исследуемого нами антагонистического дискурса.

Миры, конечно, противостояли друг другу и раньше, но каждый из них имел свой «ареал обитания». Сегодня, в условиях отката глобализации, поделить Землю между мирами невозможно, мы живем в эпоху «столкновения миров». Суть дела не в самих по себе «конкурирующих мировоззрениях» (М. Слама), а в том, что их отныне нельзя развести по разные стороны Земли. С этим обстоятельством проблема экзистенциального и культурного Другого приобретает новое содержание и актуальность.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under a state assignment to the Financial University.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? Пер. с фр. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя; 1998. 288 с.
2. Bloch L.-R. Who's afraid of being a friere? The analysis of communication through a key cultural frame. *Communication Theory*. 2003;(13):125–159.
3. Blommaert J. Different approaches to intercultural communication: A critical survey. URL: https://www.researchgate.net/publication/266557453_Approaches_to_intercultural_communication_A_critical_survey
4. Shi-Xu. A Cultural approach to discourse. New York: Palgrave Macmillan; 2005.
5. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис; 2002. 384 с.
6. Большунов А. Я., Большунова С. А., Тюриков А. Г. Межкультурная коммуникация: вызовы глобальной трансформации жизненных миров. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(6):6–10.
7. Бондарь В. Час решающей битвы между Русским миром и Западом уже близок. URL: <http://kolokolrussia.ru/geopolitika/chas-reshauschey-bitv-mejdu-russkim-mirom-i-zapadom-uje-blizok#hcq=zpg9eVq>
8. Греймас А.-Ж. Структурная семантика: М.: Академический Проект; 2004. 368 с.
9. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб.: Симпозиум; 2005. 502 с.
10. Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс; 2003. 360 с.
11. Тёркин В. Запад никогда не будет мирно жить рядом с Восточными народами. Шакалы маски не меняют, только декорации. URL: <https://cont.ws/@sledgehammer/244934>
12. Караганов С., Кобзев А. Запад нас ненавидит, а мы испытываем к нему презрение. URL: <https://globalaffairs.ru/pubcol/Zapad-nas-nenavidit-a-my-ispytyvaem-k-nemu-prezrenie-19526>
13. Jasiewicz K. Do Rzeczy. URL: <https://dorzeczy.pl/swiat/4324/Jak-wygrac-III-wojne-swiatowa.html>
14. Волкова А. На Западе раскрыли генетический код русских и вздрогнули. URL: <http://planet-today.ru/geopolitika/item/70746-na-zapade-raskryli-geneticheskij-kod-russkikh-i-vzdrognuli>
15. Щедровицкий П. Г. Кто и что стоит за доктриной русского мира. URL: <http://www.shkp.ru/lib/publications/30>
16. Boniface P. Reflexions sur la croisade idéologique de Poutine. URL: <https://blogs.mediapart.fr/pascalboniface/blog/010816/reflexions-sur-la-croisade-ideologique-de-poutine>

REFERENCES

1. Deleuze J., Guattari F. What is philosophy? Transl. from French Moscow: Institut eksperimental'noj sociologii, St. Petersburg: Aleteya; 1998. 288 p. (In Russ.).
2. Bloch L.-R. Who's afraid of being a friere? The analysis of communication through a key cultural frame. *Communication Theory*. 2003;(13):125–159.
3. Blommaert J. Different approaches to intercultural communication: A critical survey. URL: https://www.researchgate.net/publication/266557453_Approaches_to_intercultural_communication_A_critical_survey
4. Shi-Xu. A Cultural Approach to Discourse. New York: Palgrave Macmillan; 2005.

5. Foucault M. Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews. Moscow: Praxis; 2002. 384 p. (In Russ.).
6. Bolshunov A. Ya., Bolshunova S.A., Tyurikov A.G. Intercultural communication: challenges of global transformation of life worlds. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6):6–10. (In Russ.).
7. Bondar V. The hour of the decisive battle between the Russian world and the West is already close. URL: <http://kolokolrussia.ru/geopolitika/chas-reshauschey-bitv-mejdu-russkim-mirom-i-zapadom-ujeblizok#hcq=zpg9eVq> (In Russ.).
8. Greimas A.-J. Structural semantics: Moscow: Akademicheskij Proekt; 2004. 368 p. (In Russ.).
9. Eco U. The role of the reader. Research on the semiotics of the text. St. Petersburg: Symposium; 2005. 502 p. (In Russ.).
10. Ankersmith F. Narrative logic. Semantic analysis of the language of historians. Moscow: Idea Press; 2003. 360 p. (In Russ.).
11. Terkin V. The West will never live peacefully next to the Eastern peoples. Jackals don't change masks, just the scenery. URL: <https://cont.ws/@sledgehammer/244934> (In Russ.).
12. Karaganov S., Kobzev A. The West hates us, but we feel contempt for it. URL: <https://globalaffairs.ru/pubcol/Zapad-nas-nenavidit-a-my-ispytyvaem-k-nemu-prezrenie-19526> (In Russ.).
13. Jasiewicz K. To the point. URL: <https://dorzeczy.pl/swiat/4324/Jak-wygrac-III-wojne-swiatowa.html>. (In Polish).
14. Volkova A. In the West, they revealed the genetic code of Russians and shuddered. URL: <http://planet-today.ru/geopolitika/item/70746-na-zapade-raskryli-geneticheskij-kod-russkikh-i-vzdrognuli>
15. Shchedrovitsky P.G. Who and what stands behind the doctrine of the Russian world. URL: <http://www.shkp.ru/lib/publications/30>
16. Boniface P. Reflexions sur la croisade idéologique de Poutine URL: <https://blogs.mediapart.fr/pascalboniface/blog/010816/reflexions-sur-la-croisade-ideologique-de-poutine> (In French).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Александр Георгиевич Тюриков — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Alexandr G. Tyurikov — Dr. Sci. (Soc.), Prof., Chief Researcher of the Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-8388-9543>

agtyurikov@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.04.2024; принята к публикации 10.05.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 20.04.2024; accepted for publication on 10.05.2024

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-13-19
УДК 159.9.072(045)

Влияние распространения недостоверной информации в социальных сетях на настроения студенческой молодежи

К.С. Войнич

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются проблемы распространения недостоверной информации в социальных сетях и ее воздействия на настроения студенческой молодежи. На основе анализа существующих подходов к исследованию информационного влияния на общественные настроения определены основные тенденции в формировании сознания молодого поколения. В результате исследования выявлено, что высшие учебные заведения принимают недостаточное участие в противодействии фейковой информации в сети Интернет и обеспечении развития цифровой грамотности молодежи, в соответствии с чем автором разработан ряд практических рекомендаций.

Ключевые слова: недостоверная информация; манипуляция сознанием; настроения молодежи; социальные сети; фейки; цифровая грамотность

Для цитирования: Войнич К.С. Влияние распространения недостоверной информации в социальных сетях на настроения студенческой молодежи. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(3):13-19. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-13-19

ORIGINAL PAPER

The Influence of the Dissemination of Fake Information on Social Networks on the Minds of Student Youth

K.S. Voynich

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article discusses the issues of misinformation dissemination on social media and its impact on student views. Based on the analysis of current approaches to studying information influence on public opinion, the main trends in shaping the consciousness of the younger generation have been identified. As a result of this study, it has been revealed that higher education institutions are not sufficiently involved in counteracting fake information on the internet and promoting digital literacy among young people. In response to this, the author has developed several practical recommendations.

Keywords: inaccurate information; manipulation of consciousness; youth moods; social media; fakes; digital literacy

For citation: Voynich K.S. The influence of the dissemination of fake information on social networks on the minds of student youth. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(3):13-19. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-13-19

В условиях новой информационной реальности и текущей геополитической ситуации особо значимой стала проблема манипуляции сознанием в интернет-пространстве, связанная с распространением недостоверной, искаженной информации в социальных сетях. Студенческая молодежь, как наиболее активная, интегрированная в информационную среду и восприимчивая часть населения, в большей степени рискует попасть под влияние «фейковой реальности». Таким образом, остро стоит вопрос удовлетворения потребности молодых людей в получении достоверной информации, касающейся наиболее важных и значимых сторон жизни, а также соблюдения необходимых мер по обеспечению информационной безопасности и пресечению недостоверных сообщений. Все это влечет за собой необходимость детального изучения феномена недостоверной информации и его роли в формировании настроений молодежи как индикатора общественных настроений в целом.

Согласно аналитике АНО «Диалог Регионы», с начала 2023 г. в интернете зафиксировано 3 тыс. уникальных недостоверных сообщений и более 8 млн случаев их распространения. Предполагается, что в 2024 г. число уникальных фейков возрастет до 4,5 тыс., а количество их копий — до 15 млн. Наибольшее количество фейковых сообщений наблюдается в социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники» и «Телеграм».

Широкое распространение недостоверных сведений в социальных сетях обусловлено тем, что сегодня они используются не только в качестве инструмента коммуникации, но и как один из основных способов поиска информации, в том числе новостного характера. По данным ВЦИОМ, среди жителей России вторым по популярности источником получения новостей об экономике и общественно-политической жизни страны являются именно социальные сети и блоги в сети Интернет — им отдают предпочтение 21% всех опрошенных респондентов и 35–45% молодежи.

Кроме того, правом на публикацию в социальных сетях обладают не только официально зарегистрированные СМИ или лидеры общественного мнения, но и любой пользователь. Это в значительной степени увеличивает количество фейковых сообщений и затрудняет процесс выявления недостоверной информации. По сравнению с достоверными, фейковые новости получают более масштабное и быстрое распространение.

Искаженные сообщения не только легче воспринимаются и запоминаются аудиторией, но и постоянно воспроизводятся с помощью «лайков» и «репостов», т.е. вторичной публикацией и положительной оценкой [1].

Наряду со значительным ростом объемов распространения недостоверной информации произошла и ее существенная трансформация, связанная с развитием информационно-коммуникационных технологий. Например, все чаще в целях искажения данных применяются дипфейки, сущность которых заключается в создании или замене элементов изображения, видео или аудио посредством искусственного интеллекта и нейронных связей. Как следствие, значительно затрудняется возможность определения достоверности контента даже экспертным сообществом.

Существует несколько основных подходов к определению понятия недостоверной информации. Так, согласно Федеральному закону от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹, это такой вид информации, которая распространяется под видом достоверных сообщений, «создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности». Кроме того, 4 марта 2022 г. вступил в силу «Закон о фейках» или «Закон о военной цензуре» (№ 32-ФЗ)², в котором не только конкретизировано понятие недостоверной информации, но и предусмотрено установление уголовной ответственности за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ и подрыв их авторитета. В научном сообществе природа недостоверной или фейковой информации рассматривается в тесной связи с «информационной мистификацией». Согласно утверждению научного сотрудника РАНХиГС О.Е. Головацкой, данные понятия чаще всего употребляются в качестве синонимов в медиапространстве [2]. Эта гипотеза находит отражение и в работах О.С. Иссерс, где подчеркивается равнозначность смыслового значения терминов [3]. Отмечается, что «фейк» (от англ. fake — фальсификация, подлог) охваты-

¹ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/

² URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Федеральный_закон_№_32-ФЗ_2022_года

вает различные случаи мистификации и в широком смысле означает подделку, выдаваемую за реальную вещь, факт, информацию и пр.

В современных медиа активно употребляется еще один термин — «фейк-ньюз» (фейковые новости). Определение данного понятия в 2018 г. сформулировала Комиссия Общественной палаты РФ по развитию информационного сообщества, СМИ и массовых коммуникаций — под ним было решено подразумевать информационную мистификацию или преднамеренное распространение дезинформации в традиционных СМИ и социальных сетях с целью введения в заблуждение для получения финансовой или политической выгоды.

Таким образом, создание фальшивой публикации должно быть преднамеренным. Фальсификацию сведений в результате случайно допущенной автором ошибки нельзя в полной мере отнести к фейкам. Однако большинство исследователей чаще всего используют данное понятие применительно ко всему ложному контенту.

Подобная информация недостоверного характера существенно влияет на население, деформируя его социально-психологическое состояние, способствуя возникновению иррационального необоснованного страха и повышению уровня тревожности, а также дестабилизируя жизнь общества в целом. Происходит культивация межэтнической розни, социальной напряженности и конфликтогенного потенциала, разрушается социальное здоровье населения [4, с. 583]. Как отмечает Н. М. Кузнецов, фейки трансформировались в определенный контент, который является неотъемлемой частью современных медиа и способствует кардинальному изменению политического мировоззрения общества [5, с. 77]. Вследствие этого возникает трансформация общественного сознания.

Молодежь, как наиболее восприимчивая и отзывчивая к любым инновациям социальная группа, в значительной степени рискует быть подверженной ценностно-мировоззренческим переориентациям, попав под воздействие недостоверной информации. Условия глобального развития информационных технологий способствуют открытию новых коммуникационных форм, обеспечивающих самоактуализацию, социализацию и интеграцию нового поколения. Однако наряду с преимуществами у информатизации есть и слабая сторона, заключающая-

ся в подрыве духовного состояния молодежи и снижении уровня ее социального здоровья. По мнению В. Н. Власовой [6, с. 18], молодые люди легко поддаются влиянию социальных сетей, сталкиваясь с явлением сетевого индивидуализма. В настоящее время наблюдается меньшая значимость общественных институтов в формировании молодежных настроений [7], а социальные сети отнимают столько времени, что порой вытесняют семью, образование и другие сферы жизни.

Сегодня в информационной среде активно осуществляется деятельность по работе с ценностями молодых людей посредством когнитивных искажений, маркетинговых технологий рекламы, продвижения определенного контента. Это приводит к успешному формированию у молодежи новых установок и стратегий поведения: негативному отношению к табуированию чего-либо, ассоциированию менторства взрослого поколения с токсичностью и пр. Ситуация усложняется трудностями при передаче опыта: взрослая часть населения в большинстве своем не отличается высоким уровнем владения гаджетами и не следит за молодежными информационными трендами.

Ю. В. Мигунова отмечает, что молодежная система ценностей подвергается негативному воздействию, а информационный фон массовых медиа приводит к возникновению «цифрового гедонизма», определяющегося не только стремлением молодых людей получить удовольствие и личные преимущества от нахождения в виртуальной среде, но и мировоззрением, характеризующимся утратой интереса к реальности во всех ее проявлениях [8, с. 51].

Общие направления влияния медиaprостранства на сознание молодежи в ходе своего исследования определили социологи РАН М. К. Горшков и Ф. Э. Шереги [9]:

- информационное воздействие на молодежь характеризуется переходом от массового к индивидуализированному типу;
- избирательность приходит на смену возможностям традиционных СМИ в директивном порядке предопределять направление и содержание информационных сообщений, адресованных молодежи как пассивному объекту влияния. В таком случае коммуникация определяется прежде всего потребителем, а не источником информации. Другими словами, сознание молодых людей трансформируется:

пассивное восприятие сменяется активным, направленным на осуществление информационного выбора; в то же время традиционные СМИ и социальные сети становятся агентом удовлетворения информационного запроса молодежи;

- отмечается рост степени информационной свободы, что обусловлено развитием и распространением ИТ-технологий: сети Интернет, смартфонов, планшетов и иных носителей информации.

Исходя из данных положений, ученые пришли к выводу, что в настоящее время действительно отмечается снижение влияния потенциала институтов государства на мировоззрение молодых людей. Тогда как значимость массовых коммуникаций в процессе формирования сознания, в том числе ценностных установок, социально-политических ориентаций и гражданской позиции, продолжает существенно расти.

В 2022 г. специалистами Центра политических исследований Финансового университета при Правительстве РФ и Всероссийского научно-методического центра «Философия образования» МПГУ было проведено исследование особенностей деструктивного информационного воздействия в социальных медиа на молодежь России [10, с. 12]. В стране был зафиксирован ряд «регионов-мишеней», где оказывается внешнее информационное давление на молодых людей. В зоне влияния иностранных акторов, осуществляющих управление информационным давлением на молодежь в социальных медиа, находились 43 субъекта Российской Федерации. Информационное воздействие ведется посредством разветвленной цифровой инфраструктуры, основную роль в которой выполняют СМИ-иноагенты, иностранные медиа, а также аффилированные с ними лидеры мнений (блогеры).

Представитель Центра политических исследований Финансового университета при Правительстве РФ В.А. Лукушин отметил, что информационные потоки такого давления наполнены фейковыми сведениями и подкреплены манипулятивными практиками — около 60% материалов содержат в себе недостоверные данные или технологии убеждения, воздействующие на молодежное сознание [11, с. 68].

А.С. Огнев конкретизировал, что в качестве мишеней для информационных атак выбирается система ценностей и мотивов молодых людей. Формируются исключительно негативные уста-

новки восприятия представителей государственной власти и существующего политического режима, предлагаются ложные авторитеты. Результаты серии проведенных исследователем экспериментов демонстрируют, что под информационным воздействием четверть участников проявляет неуверенность, скептицизм или пессимистические настроения в отношении будущего России [12, с. 52].

В связи с этим особо актуальной становится проблема идентификации фейковой информации в сети Интернет, что отмечает и генеральный директор ВЦИОМ Валерий Федоров, по словам которого каждый второй россиянин не может отличить достоверную информацию от ложной. Затруднения, связанные с выявлением искаженных сведений, прежде всего вызваны низким уровнем общего показателя информационной грамотности населения и обладания навыками проверки информации. Например, результаты исследования Регионального общественного центра интернет-технологий (РОЦИТ) демонстрируют, что лишь 25% респондентов знакомы с фактчекингом, представляющим собой проверку достоверности сведений в определенном контексте, и только 5% опрошенных знают о российских и иностранных фактчекинговых сервисах.

Отличительной чертой молодежи является ее склонность к завышению уровня собственной медиаграмотности в целом. Молодые люди не обладают профильными навыками в области журналистики и, безусловно, воспринимают информационные источники и оценивают степень их достоверности иначе, чем специалисты СМИ. Большая часть молодежной группы не может отличить государственные информационные агентства от тематических интернет-порталов в социальных сетях, хотя при этом отмечает источник информации в качестве основного критерия соответствия действительности новостного сообщения [13]. Как правило, молодые люди ориентируются на собственные внутренние ощущения и предположения.

Также они не склонны проверять контент в социальных сетях: не осуществляется даже переход по указанной в сообщении ссылке для оценки истинности распространяемой информации, что говорит о низком уровне знаний фактчекинга. Необходимость проверки достоверности сведений возлагается на профессиональных журналистов, вследствие чего возникает вопрос качества

работы медиа, содержания материалов и доверия к информационным структурам в целом.

Отсюда следует, что риски негативных последствий распространения недостоверных сообщений в онлайн-пространстве сегодня особенно высоки. Систематическое внедрение в общественное сознание мифов социально-психологической и социально-политической направленности приводит к рождению идей иллюзорного характера, которые утверждают определенный набор ценностей и норм, воспринимаются, как правило, на веру и не осмысливаются критически [14, с. 215]. Тем самым вытесняется реальная действительность, а возможность существования объективных фактов в принципе подвергается сомнению. Все это усугубляется не полностью сформированным механизмом борьбы с дезинформацией в сети Интернет, в том числе недостаточной ролью учебных заведений в данной деятельности. На таком фоне особенно важным становится развитие у представителей молодежной группы критического мышления, навыков управления окружающим информационным пространством и идентификации достоверных сведений.

Так, с 1 сентября 2024 г. во всех российских школах с 8 по 11 класс будет введен предмет «Основы безопасности и защиты Родины», затрагивающий вопросы информационной безопасности, противодействия фейкам и информационной войне. Однако в отечественных вузах введение подобной практики пока не предусмотрено. НИУ «Высшая школа экономики» и РАНХиГС уже занимаются развитием собственных проектов по противодействию недостоверной информации, но в большинстве университетов и институтов данная деятельность не осуществляется: преподаватели недостаточно осведомлены о самом понятии недостоверной информации и существующих федеральных программах по противодействию ей, а в рамках преподаваемых дисциплин не предусмотрено развитие навыков по работе с фейками у студентов.

В то же время высшие учебные заведения имеют существенный потенциал для реализации необходимых мер по противодействию распространения недостоверной информации в социальных сетях. На период 2022–2023 гг. в России 4,1 млн чел. проходили обучение по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры [15]. Кроме того, в инфраструктуру многих вузов входят подразделения информационно-аналитического

профиля, обеспечивающие координацию работы по сбору, систематизации, анализу и представлению отдельных форм статистического наблюдения, планов и отчетов. Использование ресурсов данных подразделений может в значительной степени повысить эффективность процесса выявления и опровержения недостоверных сообщений и способствовать общему росту уровня цифровой грамотности.

В целях снижения негативного воздействия недостоверной информации на сознание и настроения молодежи целесообразно:

- в рамках преподаваемых в вузах дисциплин (в частности — «Информационные технологии») предусмотреть проведение занятий, направленных на развитие цифровой грамотности и навыков работы с недостоверной информацией в сети Интернет и социальных сетях среди учащихся;
- обеспечить необходимый уровень владения навыками работы с недостоверной информацией у преподавательского состава и иных работников вузов посредством проведения дополнительных профильных курсов повышения квалификации в очных и/или дистанционных форматах;
- на базе учебно-научных социологических лабораторий и иных подразделений высших учебных заведений проводить регулярную оценку навыков работы с недостоверной информацией у преподавателей и студентов;
- задействовать ресурсы управлений информационно-аналитического профиля вузов для обеспечения эффективного использования потенциала профессорско-преподавательского состава в целях противодействия недостоверной информации в сети Интернет и социальных сетях;
- разработать и внедрить систему мотивации профессорско-преподавательского состава, направленную на повышение результативности деятельности вузов по борьбе с дезинформацией, в виде установленного ключевого показателя эффективности (КПЭ) как дополнительного показателя для публикуемых научных статей, представляющего собой количество выявленных фейков с их комментарийной обработкой;
- пресс-службам высших учебных заведений подготовить образовательный контент для внутренних социальных сетей, направленный на повышение общего уровня цифровой грамотности, а также обеспечить публикацию экспертных

комментариев представителей вузов в области противодействия недостоверной информации в ключевых федеральных СМИ на постоянной основе.

Таким образом, проведенный социологический анализ позволяет внести определенный вклад в дальнейшее развитие изучения феномена не-

достоверной информации в социальных сетях и его роли в формировании настроений студенческой молодежи, а также является основой для выработки и реализации предложений по регулированию распространения недостоверных сведений и снижению уровня их воздействия на молодежное сознание.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Козловский Б. Максимальный репост. Как соцсети заставляют нас верить фейковым новостям. М.: Альпина Паблишер; 2018.
2. Головацкая О.Е. Значение и происхождение термина “fake news”. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-i-proishozhdenie-termina-fake-news?ysclid=li3oqks2on486142501>
3. Иссерс О.С. Медиафейки: между правдой и мистификацией. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediafeyki-mezhdu-pravdoy-i-mistifikatsiey?ysclid=li3p2pz3s9779767831>
4. Chikaeva K.S., Gorbunova N.V., Vishnevsky V.A., Fominykh N. Yu., Gluzman Yu.V., Odintsova V.I. Corporate culture of educational organization as a factor of influencing the social health of the Russian student youth. *Revista praxis educacional*. 2019;15(36):583–598. DOI: 10.22481/praxisedu.v15i36.5935
5. Кузнецов Н.М. К вопросу о влиянии фейковых новостей на политическое сознание общества. *Культура и гуманитарные науки в современном мире*. 2019;(1):77–93.
6. Власова В.Н. Информационно-психологическая безопасность личности в информационном обществе. Актуальные проблемы научно-методического обеспечения процесса безопасной жизнедеятельности школьников и студентов в сфере образования: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: РостГМУ; 2019.
7. Ковров В.В. Фейковая медиареальность в российском обществе как фактор влияния на молодежное сознание. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2022;(4):40–44.
8. Мигунова Ю.В. Особенности влияния виртуального пространства на современную молодежь. *Теория и практика общественного развития*. 2021;(11):51–55.
9. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований: монография. М.: ФНИСЦ РАН; 2020. 688 с.
10. Бродовская Е.В., Лукушин В.А., Парма Р.В., Скларова Н.Ю. Деструктивное информационно-психологическое воздействие на молодежь России в социальных медиа (по материалам круглого стола). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(2):12–18.
11. Лукушин В.А. Внешнее информационное давление на российскую молодежь как инструмент глобального противоборства. *Общественные науки и современность*. 2023;(3):68–82.
12. Домбровская А.Ю., Калегина Т.В., Лихачева Э.В., Огнев А.С. Особенности современной когнитивной войны и пути повышения когнитивной безопасности молодежи: сборник материалов XIV Международной научно-практической конференции. Махачкала: АЛЕФ; 2023.
13. Зуйкина К.Л., Соколова Д.В. Особенности идентификации фейковых новостей молодежной аудиторией. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-identifikatsii-feykovyh-novostey-molodezhnoy-auditoriey>
14. Радченко Л.Е. Влияние информации на нравственное, психическое здоровье и воспитание подрастающего поколения: материалы Афанасьевских чтений. М.: АНО НИЦ в области организации управления «Содействие»; 2016.
15. Варламова Т.А., Гохберг Л.М., Озерова О.К. Образование в цифрах: краткий статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ; 2023.

REFERENCES

1. Kozlovsky B. 2018. Maximum repost. How social networks make us believe fake news. Moscow: Alpina Publisher; 2018. (In Russ.).
2. Golovatskaya O.E. The meaning and origin of the term “fake news”. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-i-proishozhdenie-termina-fake-news?ysclid=li3oqks2on486142501> (In Russ.).

3. Issers O.S. Media fakes: Between truth and hoax. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediafeyki-mezhdu-pravdoy-i-mistifikatsiy?ysclid=li3p2pz3s9779767831> (In Russ.).
4. Chikaeva K.S., Gorbunova N.V., Vishnevsky V.A., Fominykh N. Yu., Gluzman Yu.V., Odintsova V.I. Corporate culture of educational organization as a factor of influencing the social health of the Russian student youth. *Revista praxis educacional*. 2019;15(36):583–598. DOI: 10.22481/praxisedu.v15i36.5935
5. Kuznetsov N.M. On the issue of the influence of fake news on the political consciousness of society. *Kul'tura i gumanitarnye nauki v sovremennom mire = Culture and humanities in the modern world*. 2019;(1):77–93. (In Russ.).
6. Vlasova V.N. Information-psychological security of the individual in the information society. Actual problems of scientific and methodological support of the process of safe life of schoolchildren and students in the field of education: materials of the All-Russian scientific and practical conference. Rostov-on-Don: RostGMU; 2019. (In Russ.).
7. Kovrov V.V. Fake media reality in Russian society as a factor influencing youth consciousness. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, socio-economic and social sciences*. 2022;(4):40–44. (In Russ.).
8. Migunova Yu.V. Features of the influence of virtual space on modern youth. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*. 2021;(11):51–55 (In Russ.).
9. Gorshkov M.K. Youth in the Mirror of Sociology. Towards the Results of Long-Term Research: Monograph. Moscow: FNISC RAN; 2020. 688 p.
10. Brodovskaya E. V., Lukushin V. A., Parma R. V., Sklyarova N. Yu. 2023. Destructive informational and psychological impact on the youth of Russia in social media (based on the materials of the round table). *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(2):12–18. (In Russ.).
11. Lukushin V.A. External information pressure on Russian youth as an instrument of global confrontation. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Modernity*. 2023;(3):68–82. (In Russ.).
12. Dombrovskaya A. Yu., Kalegina T. V., Likhacheva E. V., Ognev A. S. Features of modern cognitive warfare and ways to improve the cognitive security of young people: collection of materials from the XIV International scientific and practical conference. Makhachkala: ALEF; 2023. (In Russ.).
13. Zuikina K. L., Sokolova D. V. Features of identification of fake news by the youth audience. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-identifikatsii-feykovykh-novostey-molodezhnoy-auditoriey> (In Russ.).
14. Radchenko L.E. The influence of information on the moral, mental health and upbringing of the younger generation: materials of the Afanasiev readings. Moscow: ANO NIC v oblasti organizatsii upravleniya "Sodejstvie"; 2016. (In Russ.).
15. Varlamova T.A., Gokhberg L.M., Ozerova O.K. Education in Numbers: A Brief Statistical Collection. Moscow: NIU VSHE; 2023. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Ксения Сергеевна Войнич — студентка факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Kseniya S. Voinich — Student of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0009-0002-0229-4287>

voynich.ks@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 08.03.2024; принята к публикации 10.05.2024.

Автор прочтала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 08.03.2024; accepted for publication on 10.05.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-20-27
УДК 327(045)

Информационная безопасность Исламской Республики Иран

М.А. Майорова^а, А.Р. Ерманалиева^б

^аРоссийский университет транспорта (МИИТ), Москва, Россия;

^бРоссийская академия наук (РАН), Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается сущность информационной безопасности, а также ее место в системе национальной безопасности Исламской Республики Иран. Оцениваются основные вызовы и угрозы, с которыми сталкивается страна в этой сфере. В работе подробно анализируются меры, которые Иран принимает для защиты своего информационного пространства: разработка систем противодействия киберугрозам, создание инструментов для кибершпионажа и атак на критическую инфраструктуру потенциального противника, а также фильтрация контента, противоречащего исламским ценностям. Кроме того, изучаются механизмы и формы его сотрудничества с Россией и Китаем. Авторы рассматривают текущую ситуацию в области информационной безопасности в Иране, используя качественный и количественный методы источникового анализа. Исследование показывает, что страна вынуждена активно защищать информационное пространство, учитывая постоянные угрозы со стороны внешних акторов, включая спецслужбы США и их союзников.

Ключевые слова: Исламская Республика Иран; национальная безопасность; национальные интересы; информационная безопасность; кибербезопасность; информационное общество; угрозы; защита информации; КСИР

Для цитирования: Майорова М.А., Ерманалиева А.Р. Информационная безопасность Исламской Республики Иран. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(3):20-27. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-20-27

ORIGINAL PAPER

Information Security of the Islamic Republic of Iran

M.A. Mayorova^a, A.R. Ermanalieva^b

^aRussian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia;

^bRussian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russia

ABSTRACT

This article examines the significance of information security and its place within the national security framework of the Islamic Republic of Iran. It assesses the main challenges and risks that the country faces in this area. The paper provides a detailed analysis of measures taken by Iran to protect its information environment, including the development of systems to combat cyber threats, creation of tools for cyber-espionage and attacks against critical infrastructure of potential adversaries, as well as content filtering that contradicts Islamic values. Additionally, mechanisms and forms of cooperation with Russia and China are examined. The authors utilize qualitative and quantitative analysis of sources to assess the current state of information security in Iran. The study reveals that the country must actively protect its information sphere given the continuous threats posed by external actors, such as US intelligence agencies and their allies.

Keywords: Islamic Republic of Iran; national security; national interests; information security; cybersecurity; information society; threats; information protection; IRGC

For citation: Mayorova M.A., Ermanalieva A.R. Information security of the Islamic Republic of Iran. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(3):20-27. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-20-27

Национальная безопасность — способность нации удовлетворять потребности, необходимые для ее самосохранения, самовоспроизведения и самосовершенствования с минимальным риском ущерба для базовых ценностей ее нынешнего состояния. Она подразумевает состояние государства, при котором сохраняется его целостность и возможность быть самостоятельным субъектом системы международных отношений [1].

Иранский эксперт Насри Кадри, доцент кафедры политологии Университета имени Хорезми, отмечал, что сохранение национальной безопасности — это защита интересов государства и нации как в мирное, так и военное время [2]. Аятолла Хаменеи указывал, что культурная, экономическая, политическая, социальная, оборонная и экологическая сферы глубоко взаимосвязаны друг с другом и формируют национальную безопасность [3].

В настоящее время темы национальной и информационной безопасности тесно переплетаются из-за изменений, происходящих в современном обществе. Неоспоримо, что умение обрабатывать, анализировать и использовать информацию становится ключевым навыком. Современный человек, обладая доступом к многочисленным информационным ресурсам, выступает неотъемлемой частью глобальной системы, где данные взаимодействуют на различных уровнях.

В наши дни, когда СМИ играют значительную роль в определении границ и характера коммуникаций и взаимодействий в мировом сообществе, организации и международные юридические институты стремятся поддерживать и в некоторой степени управлять этой областью в соответствии с принципами защиты прав человека и свободы доступа к информации. Однако суверенитет и национальная безопасность имеют для государств такое же важное значение, и их нарушение недопустимо. Доцент кафедры права Университета Имама Хусейна Сохраб Салехи обращал внимание на то, что реализация принципа свободы информации может приводить к нарушению суверенитета и национальной безопасности, и при разработке стратегий это необходимо учитывать [4].

В политической сфере все большее значение приобретают не силовые, а информационные факторы [5]. В эпоху развития интернета и со-

циальных сетей информация стала основным ресурсом — распространение фейковых новостей способно вызвать панику, нарушить стабильность общества и создать условия для возникновения национальных конфликтов.

Для борьбы с подобными угрозами важно формирование эффективной системы, включающей в себя разработку и реализацию мер по обнаружению, предотвращению и пресечению информационных атак, создание защищенной инфраструктуры для обмена информацией, обучение населения основам информационной безопасности, а также сотрудничество с другими странами в этой сфере [4].

ОПРЕДЕЛЕНИЕ И СУЩНОСТЬ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Сущность информационной безопасности (ИБ) заключается в обеспечении конфиденциальности, целостности и доступности информации, а также в защите от несанкционированного доступа, злоупотребления и повреждения данных [6].

Обеспечение ИБ основывается на следующих принципах [7]:

1. Принцип системности. Согласно ему, защитные меры должны быть нацелены на предотвращение информационных атак со стороны внешних и внутренних источников, а также учитывать каналы закрытого доступа и средства защиты. Последние надо использовать адекватно вероятным видам угроз, в комплексе, где они будут технически дополнять друг друга.

2. Принцип прочности. Устанавливает, что правила обеспечения ИБ должны охватывать все зоны безопасности, иметь равную надежность защиты и позволять определять вероятные угрозы.

3. Принцип многоуровневой защиты. Ориентирован на создание рубежей защиты информационной системы, состоящих из последовательно расположенных зон безопасности, ключевая из которых находится внутри всей системы.

4. Принцип бесперебойности. В соответствии с ним функционирование системы ИБ должно быть непрерывным и бесперебойным.

5. Принцип благоразумности. Выражается в разумности применения защитных мер с требуемой степенью безопасности. В его основе лежит целесообразность высоких материальных затрат и рациональность их дальнейшего

использования. Так, себестоимость защитных мер не должна превышать размер вероятного ущерба, расходы на обслуживание и работоспособность защитной системы [8].

В качестве основной меры защиты информации используется контроль доступа, призванный исключить возможность несанкционированного получения информации [9].

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ИРАНЕ

Информационная безопасность в Иране представляет собой важную и сложную область, однако исследования научного характера по данной теме практически отсутствуют, поскольку это направление является относительно новым и пока неизученным.

Исламская Республика Иран уже 45 лет существует в условиях западных санкций, мирового давления и информационных войн, и, чтобы оказать достойное сопротивление, руководящей элите страны приходится концентрироваться на вооружении, разработке ядерного оружия, развитии киберпространства и науки. Исламский режим возник и заявил о себе как альтернатива «односторонней» глобализации (в ее вестернизованном варианте) в наиболее экстремальных формах [10].

Государство, находящееся с начала 1980-х гг. в сложной ситуации конфронтации с США, Израилем и арабскими странами Персидского залива, считает обеспечение безопасности в сфере информации одним из факторов геополитической устойчивости. Иран, официально причисленный США к «оси зла», стал одним из приоритетных объектов в информационной сфере для американских спецслужб и их союзников. Это стимулировало его развивать собственные возможности в области информационной безопасности, включая противодействие киберугрозам и информационным войнам, а также разработку систем для кибершпионажа и атак на объекты критической инфраструктуры потенциальных противников [11]¹. Для Ирана, как и для всех современных государств, возрастает зависимость функционирования системы государственного управления, социальной, экономической, транспортной и военной инфраструктуры от устой-

чивости и дееспособности обеспечивающей их инфраструктуры информационной.

Правительство ориентируется на приоритетное развитие эффективных механизмов по обеспечению контроля за интернет-пространством, мониторинга размещаемого контента и активности пользователей, чтобы предотвратить информационное воздействие на внутриполитическую ситуацию в стране.

Информационная безопасность регулируется рядом нормативно-правовых актов, которые направлены на обеспечение безопасности данных и информации в цифровой среде. Конституция Ирана устанавливает основы гарантий прав граждан на свободу слова и доступ к информации². Закон «О компьютерных преступлениях», принятый в 2009 г., определяет их понятия и виды, а также предусматривает меры по их предотвращению и пресечению³. Кроме того, он устанавливает ответственность за нарушения в сфере компьютерной безопасности. В пунктах 7 и 8 Хартии прав граждан (2017 г.) содержатся положения, касающиеся обеспечения безопасности информации⁴, а в Национальном законе об управлении данными и информацией — нормы по ее регулированию (2022 г.)⁵.

Стратегия Исламской Республики Иран по информационной безопасности, в соответствии с решениями Высшего совета киберпространства, основывается на создании национальной интернет-сети с переключателями, маршрутизаторами и центрами обработки данных для того, чтобы запросы, поступающие из внутренних источников информации, обрабатывались внутри страны, обеспечивая полную автономию. Архитектура такой сети соответствует стандарту ISO/OSI. Для ее нормального функционирования необходим учет всех элементов инфраструктуры и пользовательского оборудования, а также гарантии безопасности на всех уровнях активности [12].

В Иране существует ряд ведомств, которые занимаются вопросами информационной без-

¹ URL: <https://russiancouncil.ru/activity/digest/longreads/kibermoshch-irana/>

² URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=83>

³ URL: <https://spaceiran.com/computer-crime-laws>

⁴ URL: <https://media.president.ir/uploads/ads/148214204462093500.pdf>

⁵ URL: <https://www.shenasname.ir/laws/39164-%D9%82%D8%A7%D9%86%D9%88%D9%86-%D9%85%D8%AF%DB%8C%D8%B1%DB%8C%D8%AA-%D8%AF%D8%A7%D8%AF%D9%87-%D9%87%D8%A7>

опасности. В первую очередь, стоит отметить Министерство информации, которое координирует политику в области информационных технологий, разрабатывает специальные меры и отвечает за защиту от кибератак [13]. Национальный центр киберпространства также несет ответственность за координацию мер по обеспечению информационной безопасности. Узкую область — кибербезопасность регулирует Верховный совет по киберпространству (ВСК), основные задачи которого — блокировка нежелательных интернет-ресурсов и регулирование вопросов развития кибертехнологий. Данное ведомство функционирует под руководством аятоллы Али Хаменеи и состоит из глав служб разведки и безопасности, Корпуса стражей исламской революции (КСИР), судебной власти, Меджлиса (парламента), государственного радио и телевидения и т.д.

В настоящее время главным инструментом политики сопротивления является Корпус стражей исламской революции (КСИР) [14] — корпоративное объединение военных, разведывательных, полицейско-репрессивных, политико-идеологических, а также финансово-экономических структур. По сути, это многопрофильный мегахолдинг, руководимый непосредственно верховным лидером и его окружением. Сегодня КСИР — это становой хребет государственности Исламской Республики Иран, а также — государство в государстве [15].

Участие КСИР в обеспечении безопасности в сфере информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) обосновывается необходимостью защиты страны от воздействия западных идей через интернет-ресурсы. США определила КСИР как движущую силу кибератак. По данным Управления национальной разведки США за 2021 г., «опыт и готовность Ирана проводить агрессивные кибероперации делают его серьезной угрозой для безопасности сетей и данных США и союзников»⁶.

Одна из частей, подконтрольных КСИР в сфере безопасности, — киберармия Ирана (Ir.CA)⁷ — группа нелегальных программистов и техниче-

ских специалистов (Black hat⁸), которые действуют в интересах государства. Они проводят мониторинг Интернета, организуют кибератаки на оппозиционные сайты и каналы. Организация также известна под другими названиями: АРТ33⁹, Charming Kitten¹⁰, Cobalt Dickens¹¹ и пр. Однако на официальном уровне Иран отрицает свою причастность к ней. Одной из причин является желание сохранить планирование и проведение кибератак в тайне, чтобы не привлекать внимание международного сообщества и не подвергать себя риску международных санкций¹².

В 2011–2013 гг. наблюдалось увеличение частоты и интенсивности сетевых атак со стороны Ирана¹³, в частности — на финансовую систему США. В рамках данной кампании иранские хакеры успешно выводили из строя веб-платформы финансовых институтов, создавая значительные проблемы для экономической стабильности США.

Иранские службы безопасности неоднократно демонстрировали серьезные навыки в проведении подобных атак. В 2018 г. Министерство юстиции США обвинило Иран в краже данных из сотен университетов, компаний и государственных учреждений¹⁴. В 2019 г. хакеры из вышеупомянутой иранской группы Cobalt Dickens атаковали более 60 университетов в США¹⁵.

На фоне усиления санкций США и роста напряженности в Персидском заливе, летом 2019 г. Иран предпринял попытку кибератаки на Бахрейн, где базируется пятый флот ВМС США и Центральное командование ВМС. Другой целью иранских хакеров стало Управление электроэнергетики и водоснабжения Бахрейна,

⁸ Black hat — термин, который обычно используется для обозначения хакеров, занимающихся киберпреступлениями.

⁹ URL: <https://ib-bank.ru/bisjournal/news/19523>

¹⁰ URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/cybercolumn/nikto-ne-znaet-o-persidskikh-kotakh-gruppirovka-charming-kitten-i-strategiya-bezopasnosti-tegerana/?sphrase_id=131615498

¹¹ URL: <https://xakep.ru/2019/09/12/cobalt-dickens/>

¹² URL: <https://blog.sekoia.io/iran-cyber-threat-overview/>

¹³ URL: <https://www.justice.gov/opa/pr/seven-iranians-working-islamic-revolutionary-guard-corps-affiliated-entities-charged>

¹⁴ URL: <https://www.justice.gov/opa/pr/nine-iranians-charged-conducting-massive-cyber-theft-campaign-behalf-islamic-revolutionary>

¹⁵ URL: <https://cyberscoop.com/cobalt-dickens-iran-universities-hacking-secureworks/>

⁶ URL: <https://www.dni.gov/index.php/newsroom/reports-publications/reports-publications-2023/3676-2023-annual-threat-assessment-of-the-u-s-intelligence-community>

⁷ URL: https://ebrary.net/173527/political_science/islamic_republic_iran_s_cyber_security_strategy_challenges_cyber_uncertainty

алюминиевый завод (Aluminium Bahrain) и национальная нефтяная компания Варсо. Атаки нарушили работу этих объектов, уничтожив или удалив важные для их функционирования данные¹⁶.

В конце 2020 г. на израильскую компанию Clear Sky, специализирующуюся на кибербезопасности, было совершено несколько серий атак с распространением сообщений-угроз. Данные действия были произведены Ираном с целью внушить страх и оказать психологическое давление на врага¹⁷.

В 2024 г. новостной сайт The Hacker News выпустил пост о серии кибератак на Албанию, осуществленных Ираном, обвинив его в использовании вредоносных программ (No-Justice Wiper (NACL.exe) и PowerShell) для удаления данных с компьютеров и распространения через сеть. Целями атак были телекомпания One Albania, телекоммуникационная компания Eagle Mobile Albania, флагманский авиаперевозчик Air Albania и парламент страны¹⁸.

В Иране используется несколько подходов для обеспечения информационной безопасности. Один из них — ограничение доступа к определенным сайтам и социальным сетям, например, к таким популярным платформам, как Facebook, X (Twitter) и YouTube¹⁹. Другой — фильтрация интернет-трафика, когда с помощью программного обеспечения блокируются сайты, которые не соответствуют государственной политике²⁰. В стране на основе технологий Deep packet inspection²¹ проводится серьезная работа по очищению интернет-пространства и политика цензурирования. Третий подход подразумевает создание отдельной национальной сети, предназначенной для обмена информацией между государственными организациями и предоставления гражданам доступа к государственным ресурсам. Иранское правительство активно занимается создани-

ем «халяльного Интернета», который будет обеспечивать безопасность и защиту интересов государства²². В рамках этой инициативы также реализуется проект «чистого интернета», который позволит более эффективно бороться с преступностью и выявлять нарушителей закона. Так, была разработана система идентификации «Шахкар» (Shakhkar), которая следит за отправителями и получателями данных по IP-адресам²³.

В 2009 г. в Иране был принят закон «О компьютерных преступлениях²⁴» для обеспечения правового регулирования в вопросах безопасности в сфере ИКТ. Данные меры связаны с «зеленым движением», участники которого выступали против подтасовок результатов президентских выборов в 2009 г. В ходе протестов активно использовались социальные сети (в том числе Facebook и Twitter), чтобы поддерживать связь с внешним миром. В результате в начале 2011 г. руководство страны объявило о начале функционирования нового подразделения киберполиции для проведения контрразведки и пресечения любых видов кибершпионажа²⁵.

В рамках борьбы с протестами и бунтами производится отключение Интернета в активных зонах. В ноябре 2019 г. Тегеран приказал интернет-провайдерам заблокировать доступ в сеть по всей стране, поскольку демонстрации из-за скачков цен на топливо переросли в политические протесты²⁶. В иранской провинции Хузестан в июле 2021 г. во время выступлений, вызванных нехваткой воды²⁷, также случались перебои в работе Интернета. В обоих случаях действия властей были направлены на то, чтобы не допустить мятеж и предотвратить гражданскую войну.

В марте 2021 г. КСИР, в соответствии с заявлениями Али Хаменеи о том, что интернет «не

¹⁶ URL: <https://www.zdnet.com/article/new-iranian-data-wiper-malware-hits-bapco-bahrains-national-oil-company/>

¹⁷ URL: <https://therecord.media/israel-shipping-logistics-watering-hole-cyberattacks>

¹⁸ URL: <https://thehackernews.com/2024/01/pro-iranian-hacker-group-targeting.html>

¹⁹ URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/24/09/2012/55929cea9a794719538c5114?from=copy

²⁰ URL: <https://rsf.org/en/how-islamic-republic-has-enslaved-iran-s-internet>

²¹ URL: <https://ooni.org/post/2018-iran-protests-pt2/>

²² URL: <https://rsf.org/en/iran-creates-halal-internet-control-online-information>

²³ URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/politika-iranskogo-pravitelstva-pouregulirovaniyu-kiberprostranstva/>

²⁴ URL: <https://spaceiran.com/computer-crime-laws>

²⁵ URL: <https://phys.org/news/2011-01-iran-cyber-crime-police.html>

²⁶ URL: <https://netblocks.org/reports/internet-disrupted-in-iran-amid-fuel-protests-in-multiple-cities-pA25L18b>

²⁷ URL: <https://netblocks.org/reports/mobile-internet-disrupted-in-iran-amid-khuzestan-water-protests-1yPjK9AQ>

должен отдаваться на усмотрение врага», объявил об очистке сети от «пошлостей»^{28,29}.

Таким образом, иранские специалисты в последние годы продемонстрировали значительные улучшения своих технических навыков. Это выражается в их способности проводить сложные и качественные кибероперации, опасные для противников. Также в стране разработана четкая стратегия по фильтрации Интернета, созданию национальной сети, а все ведомства полностью взяты под контроль центрального аппарата.

СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Иран сотрудничает с несколькими странами в сфере информационной безопасности с целью обмена опытом, знаниями и совместной борьбы с угрозами. Россия — ключевой партнер иранской стороны. Тегеран и Москва имеют тесные связи в различных областях, включая информационную безопасность, поддерживают обмен информацией о выявленных киберугрозах и совместно работают над созданием средств защиты от кибератак. В январе 2021 г. страны подписали договор о координации своей кибердеятельности³⁰.

²⁸ URL: <https://www.jahannews.com/news/758317/%d9%81%d8%b6%d8%a7%db%8c-%d9%85%d8%ac%d8%a7%d8%b2%db%8c-%d9%88%d9%84%d9%86%da%af%d8%a7%d8%b1%db%8c-%d8%b1%d9%87%d8%a7-%d8%ae%d9%88%d8%a7%d9%87%db%8c%d9%85>

²⁹ URL: <https://www.mehrnews.com/news/5174427/%D8%AA%D8%A3%DA%A9%DB%8C%D8%AF%D8%A7%D8%A-%D9%85%D9%87%D9%85-%D8%B1%D9%87%D8%A8%D8%B1%DB%8C-%D8%AF%D8%B1%D8%A8%D8%A7%D8%B1%D9%87-%D9%85%D8%AF%DB%8C%D8%B1%DB%8C%D8%AA-%D9%81%D8%B6%D8%A7%DB%8C-%D9%85%D8%AC%D8%A7%D8%B2%DB%8C-%DA%86%DB%8C%D8%B3%D8%AA>

³⁰ URL: <https://tass.ru/politika/10548911>

Другим не менее значимым партнером Ирана является Китай. Государства обмениваются опытом и знаниями о современных технологических угрозах, а также сотрудничают в области разработки и внедрения мер по защите информации и сетевой безопасности. Будучи крупным покупателем иранской сырой нефти и важным торговым партнером, Китай предоставил Ирану телекоммуникационное оборудование, а телекоммуникационные гиганты Huawei и ZTE уже почти десять лет поставляют иранскому правительству оснащение для наблюдения за текстовыми сообщениями, звонками и электронной почтой³¹.

Иран взаимодействует с другими странами в сфере информационной безопасности, обмениваясь опытом и проводя совместные тренинги и учения. Однако сведений об этом в интернете мало, что может быть связано с необходимостью сохранения конфиденциальности, поскольку подобное сотрудничество осуществляется в рамках секретных или полусекретных межправительственных соглашений.

Подводя итоги, стоит отметить, что Исламская Республика Иран с момента своего существования принимает стратегические меры по обеспечению собственной информационной безопасности. Для страны важна защита своего информационного пространства, в том числе путем фильтрации контента, противоречащего исламским ценностям. Все ведомства и организации, занимающиеся подобной деятельностью, подчинены верховному лидеру Али Хаменеи, что гарантирует единство и централизацию в этой области, а также позволяет развиваться в едином направлении для защиты своих интересов.

³¹ URL: <https://www.mei.edu/publications/25-year-iran-china-agreement-endangering-2500-years-heritage>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Балашова Т.Н. Национальный интерес и национальная безопасность в контексте миграции населения: взаимосвязь и взаимодействие. *Общество и право*. 2008;(1):23–31.
2. Nasri K. Oil and National Security of the Islamic Republic of Iran. URL: https://www.researchgate.net/publication/278727046_Oil_in_the_Islamic_Republic_of_Iran_Dependence_Distortions_and_Distribution
3. Habibzadeh G. Dimensions of security from the perspective of Imam Khamenei. *National Security*. 2019;9(31):7–32.
4. Salahi S., Mazaheri M., Moradi M. Sovereignty and national security in the light of freedom of information. *Defense Policy*. 2018;27(108):75–116.
5. Богачев В.Я., Редин В.В. Информационная безопасность как составная часть национальной безопасности Российской Федерации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-bezopasnost-kak-sostavnaya-chast-natsionalnoy-bezopasnosti-rossiyskoy-federatsii>

6. Farid G., Warraich N.F., Iftikhar S. Digital information security management policy in academic libraries: A systematic review (2010–2022). URL: https://www.researchgate.net/publication/333632477_httpsjournalssagepubcomdoifull1011770192512119829475, URL: <https://doi.org/10.1177/01655515231160026>
7. Буйневич М.В., Покусов В.В., Израилов К.Е. Модель угроз информационно-технического взаимодействия в интегрированной системе защиты информации. *Информатизация и связь*. 2021;(4):66–73.
8. Буйневич М.В., Покусов В.В., Израилов К.Е. Способ визуализации модулей системы обеспечения информационной безопасности. *Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России*. 2018;(3):81–91.
9. Зарипова Г.К., Рамазонов Ж.Ж. Информационная безопасность. *Научные исследования*. 2019;(1):51–54.
10. Мамедова Н.М. Ислам и развитие Ирана в начале XXI века. *Россия и мусульманский мир*. 2006;(4):115–125.
11. Ковалев О.Г., Скипидаров А.А. Кибербезопасность в условиях национального интернета (Иранский опыт противодействия киберугрозам). *Столыпинский вестник*. 2021;3(3):186–195.
12. Ghorbani V., Saghafi K. Desien of Security Information Architecture Strategic Model for the Islamic Republic of Iran Cyberspace. *National Security*. 2020;10(37):85–126.
13. Taghipour R., Lashkarian H., Naseri A., Yazdani Ch. R. Critical Information Infrastructure Cyber-Protection Strategic in Islamic Republic of Iran. *National Security*. 2020;9(34):7–48.
14. Дунаева Е.В., Мамедова Н.М., Сажин В.И. Год после выхода США из ядерной сделки (новые риски для Ирана). *Восточная аналитика*. 2019;(1):76–90.
15. Сажин В.И. Корпус стражей исламской революции Ирана — государство в государстве. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2017;(3):83–109. DOI: 10.23932/2542–0240–2017–10–3–83–109

REFERENCES

1. Balashova T.N. National interest and national security in the context of population migration: interrelation and interaction. *Obshchestvo i parvo = Society and law*. 2008;(1):23–31. (In Russ.).
2. Nasri K. Oil and national security of the Islamic Republic of Iran. URL: https://www.researchgate.net/publication/278727046_Oil_in_the_Islamic_Republic_of_Iran_Dependence_Distortions_and_Distribution (In Farsi).
3. Habibzadeh G. Dimensions of security from the perspective of Imam Khamenei. *National Security*. 2019;9(31):7–32. (In Farsi).
4. Salahi S., Mazaheri M., Moradi M. Sovereignty and national security in the light of freedom of information. *Defense Policy*. 2018;27(108):75–116. (In Farsi).
5. Bogachev V. Ya., Redin V.V. Information security as an integral part of the national security of the Russian Federation. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-bezopasnost-kak-sostavnaya-chast-natsionalnoy-bezopasnosti-rossiyskoy-federatsii> (In Russ.).
6. Farid G., Warraich N.F., Iftikhar S. Digital information security management policy in academic libraries: A systematic review (2010–2022). URL: https://www.researchgate.net/publication/333632477_httpsjournalssagepubcomdoifull1011770192512119829475, URL: <https://doi.org/10.1177/01655515231160026>
7. Buinevich M.V., Pokusov V.V., Izrailov K.E. Threat model of information technology interaction in an integrated information security system. *Informatizaciya i svyaz' = Informatization and Communication*. 2021;(4):66–73. (In Russ.).
8. Buinevich M.V., Pokusov V.V., Izrailov K.E. A method for visualizing modules of an information security system. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta Gosudarstvennoj protivopozharnoj sluzhby MCHS Rossii = Bulletin of the St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia*. 2018;(3):81–91. (In Russ.).
9. Zaripova G.K., Ramazanov J.J. Information security. *Nauchnye issledovaniya = Scientific research*. 2019;(1):51–54. (In Russ.).
10. Mamedova N.M. Islam and the development of Iran at the beginning of the XXI century. *Rossiya i musul'manskij mir = Russia and the Muslim World*. 2006;(4):115–125. (In Russ.).
11. Kovalev O.G., Skipidarov A.A. Cybersecurity in the context of the national Internet (The Iranian experience of countering cyber threats). *Stolypinskij vestnik = Stolypin Bulletin*. 2021;3(3):186–195. (In Russ.).
12. Ghorbani V., Saghafi K. Desien of Security Information Architecture Strategic Model for the Islamic Republic of Iran Cyberspace. *National Security*. 2020;10(37):85–126. (In Farsi).

13. Taghipour R., Lashkarian H., Naseri A., Yazdani Ch.R. Critical information infrastructure cyber-protection strategic in Islamic Republic of Iran. *National Security*. 2020;9(34):7–48. (In Farsi).
14. Dunaeva E.V., Mamedova N.M., Sazhin V.I. The year after the US withdrawal from the nuclear deal (new risks for Iran). *Vostochnaya analitika = Oriental analytics*. 2019;(1):76–90.
15. Sazhin V.I. Iran's Islamic Revolutionary Guard Corps is a state within a state. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo = The contours of global transformations: politics, economics, law*. 2017;(3):83–109. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-3-83-109

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Мария Алексеевна Майорова — преподаватель кафедры «Международные отношения и геополитика транспорта», Российский университет транспорта (МИИТ), Москва, Россия

Mariya A. Mayorova — Lecturer at the Department of International Relations and Geopolitics of Transport, Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-0751-5210>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

alex1996m5@inbox.ru

Аида Рамильевна Ерманалиева — старший лаборант Отдела Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам, Российская академия наук (РАН), Москва, Россия

Aida R. Ermanaliev — Senior Laboratory Assistant at the Department of the Near and Post-Soviet East of the Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russia

<https://orcid.org/0009-0003-8524-0141>

lonny.bin21@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 11.04.2024; принята к публикации 11.05.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 11.04.2024; accepted for publication on 11.05.2024.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-28-36
УДК 327.7(045)

Информационное продвижение гуманитарных проектов ЕАЭС в 2023 – начале 2024 года

А.Ю. Домбровская, М.В. Буслаева, А.В. Беляков
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье проводится анализ цифрового сопровождения совместных инициатив стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в сфере молодежной и образовательной политики. Исследование предполагало аккумулирование документов социальных медиа, отражающих маркеры онлайн-сетевое продвижения гуманитарных проектов ЕАЭС в 2023 – начале 2024 г. Основные результаты анализа связаны с установлением динамики публикационной активности стран ЕАЭС касательно информационного сопровождения совместных гуманитарных инициатив, изменения пользовательской реакции в отношении материалов о молодежных и образовательных проектах ЕАЭС, а также с выявлением коммуникационной структуры цифровых акторов данного международного объединения. По итогам эмпирического анализа предложены меры по улучшению информационного сопровождения гуманитарных инициатив стран Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: социальные медиа; информационное сопровождение межгосударственных инициатив; технологии цифрового продвижения проектов; молодежные проекты; образовательные проекты; ЕАЭС; мониторинг социальных сетей

Для цитирования: Домбровская А.Ю., Буслаева М.В., Беляков А.В. Информационное продвижение гуманитарных проектов ЕАЭС в 2023 – начале 2024 гг. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(3):28-36. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-28-36

ORIGINAL PAPER

Informational Promotion of EAEU Humanitarian Projects in 2023 and Early 2024

A. Yu. Dombrovskaya, M.V. Buslaeva, A.V. Belyakov
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article analyzes the digital support for joint initiatives of the countries of the Eurasian Economic Union (EAEU) in the field of youth and education policy. The study involved the collection of social media content that reflects the online promotion of humanitarian projects by the EAEU during 2023 and early 2024.

The main findings of the analysis relate to the dynamics of publication activities by EAEU member states regarding information support for their joint humanitarian initiatives. This includes changes in user engagement with materials related to youth and educational initiatives, as well as an examination of the communication networks of digital actors within this international organization.

Based on these findings, recommendations are proposed for improving information support for the humanitarian efforts of EAEU members. These measures aim to enhance the visibility and impact of these initiatives through effective digital communication strategies.

Keywords: social media; information support of interstate initiatives; digital project promotion technologies; youth projects; educational projects; EAEU; monitoring of social networks

For citation: Dombrovskaya A.Yu., Buslaeva M.V., Belyakov A.V. Informational promotion of EAEU humanitarian projects in 2023 and early 2024. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(3):28-36. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-28-36

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время система международных отношений построена таким образом, что более экономически устойчивые государства нередко подчиняют себе другие, ограничивая их дальнейшее развитие. Подобный порядок, несомненно, требует изменений и становления в качестве приоритета в межгосударственных отношениях равенства сторон. Необходимо дальнейшее укрепление транснациональных объединений, основанных на принципах справедливости всех участников отношений независимо от уровня их социально-экономического развития. Одним из таких объединений является ЕАЭС.

Для России — это особая площадка для преодоления негативных последствий экономической, информационной, когнитивной войн. Поэтому нашей стране важно развивать ее, не ограничиваясь исключительно экономическими направлениями сотрудничества и активно стимулируя социально-гуманитарную составляющую ее деятельности. Помимо возможности взаимного информационного присутствия в цифровых национальных сегментах друг друга, цель взаимовыгодного международного сотрудничества стран — участниц ЕАЭС — повышение показателей развития человеческого капитала.

Проблемами реализации и продвижения молодежной политики и гуманитарных проектов в целом занимались Ю.А. Панова [1], И.М. Ильинский [2], указывающие на недостаточную сформированность инфраструктуры, в том числе — информационного сопровождения. А.С. Смирнов [3] акцентирует внимание на необходимости соблюдения регулярности в обеспечении молодежных инициатив, а также проблеме дефицита информированности молодежи о программах и мероприятиях. Г.Ю. Никипорец-Такигава, Г.П. Отюцкий, М.Е. Родионова [4], С.В. Бирюков, И.С. Сазонов [5], М.А. Парфиненко, Г.Г. Павлова [6], Е.А. Тимофеева [7] рассматривают молодежь в качестве одного из главных стратегических ресурсов и актуализируют ценность информационного продвижения гуманитарных инициатив международных объединений с участием России. Смежными проблемами занимаются Д.А. Широков [8], Е.В. Бучнев [9], отмечающие, что цифровизация должна быть неременным атрибутом молодежной политики. Бродовская Е.В. с соавторами [10] обращают внимание на значимость создания механизмов преодоления негативных

эффектов внешнего информационного давления на молодых людей в ходе формирования такой политики.

Настоящая работа направлена на анализ динамических и структурных характеристик информационных потоков, отражающих продвижение в цифровом пространстве совместных молодежных и образовательных инициатив государств ЕАЭС, и разработку на этой основе мер по совершенствованию онлайн-сетевому сопровождению его гуманитарных проектов.

Эмпирической базой исследования послужили данные социально-медийного анализа с применением сервиса «Медиалогия» (глубина выгрузки — январь 2023–февраль 2024 г., 500 тыс. материалов из 30-ти социальных медиа). Для аккумулирования релевантных документов был разработан и использован словарь цифровых паттернов (слов и словосочетаний), присутствие которых в социальных медиа означает информационное продвижение молодежной и образовательной политики стран ЕАЭС¹.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ опций, предоставленных сервисом «Медиалогия» и отражающих характеристики пользовательской активности на ресурсах информационно-коммуникационной инфраструктуры молодежной и образовательной политики стран ЕАЭС, показывает в целом их нисходящую динамику (рис. 1). Тенденция проявляется в том, что из 453 720 документов социальных медиа, опубликованных в период с 01.01.2023 по 10.02.2024 г., в пятый период выгрузки (начало 2024 г.) массив релевантных материалов составил всего 9 830, т.е. 2,3%, при этом второй период (01.04–30.06.23) вместил 73,6% от всей выгрузки. Это может свидетельствовать о двух

¹ «Молодежный совет ЕЭК» ОР «Молодежный совет Евразийской экономической комиссии ЕСУ» ОР «Евразийский сетевой университет» ОР «Молодежь ЕАЭС» ОР «Совет молодых дипломатов МИД РФ» ОР «Ассоциация молодежных правительств РФ» ОР «Белорусский республиканский союз молодежи» ОР «Молодежный парламент при Государственной Думе ФС РФ» ОР «Конгресс молодежи Казахстана» ОР «Конгресс молодежи Кыргызстана» ОР «Российско-Армянский союз молодежи» ОР «Евразийская неделя» ОР «Евразийский конгресс» ОР «Петербургский международный экономический форум» ОР «Съезд Ассоциации органов молодежного самоуправления государств — членов ЕАЭС» ОР «Евразия Globa» ОР «Глобальный форум молодых дипломатов» ОР «Дипломатия Победы» ОР «Молодежный форум СНГ и ЕАЭС» ОР «Форум молодых госслужащих стран ЕАЭС».

Рис. 1 / Fig. 1. Характеристики пользовательской аудитории на ресурсах информационно-коммуникационной инфраструктуры молодежной и образовательной политики стран ЕАЭС в период с 01.01.2023 по 10.02.2024 г. / Characteristics of the user audience on the resources of the information and communication infrastructure of the the EAEU countries' youth and educational policy in the period from 01.01.2023 to 02.10.2024

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

обстоятельствах: подчиненности такого показателя, как интенсивность потока информации о молодежных и образовательных проектах ЕАЭС, событийному фону (во время второго интервала выгрузки состоялось большинство ключевых ивентов в рамках гуманитарных инициатив стран Евразийского экономического союза), а также о том, что в 2023 г. Российская Федерация председательствовала в ЕАЭС и обеспечивала стабильно высокую интенсивность цифрового сопровождения проектов, площадок, событий в рамках евразийского сотрудничества.

Анализируя комментарийную активность национальных пользовательских аудиторий, вовлеченных в информационные потоки о гуманитарных проектах ЕАЭС, отметим, что за изученный период выявлено 675 584 реакций на этот контент, при этом позитивно окрашенные отзывы преобладают (50 943 против 17 436 негативных). Важным показателем также служит довольно высокий уровень вирального потенциала изучаемых информационных потоков: отмечено 531 257 репостов выгруженных релевантных материалов.

Пользовательская активность национальных аудиторий в существенной степени зависит от контекстов материалов о гуманитарных проектах ЕАЭС: больше всего сообщений — об ивентах

(молодежные форумы, фестивали), а меньше всего — об экономических площадках. Вместе с тем аудитория, интересующаяся экономическими событиями, — существенно шире, чем у молодежных ивентов (506 771 против 163 38). Вовлеченность всех типов контекстов довольно невысокая, потенциал одобрения материалов разного типа также достаточно низкий (в среднем 145 лайков по всем типам контекстов). Тема о мерах поддержки молодежи занимает среднюю позицию по количеству сообщений и привлеченной аудитории.

Анализ информационно-коммуникационной инфраструктуры молодежной политики ЕАЭС позволяет отметить у блогостинга «ВКонтакте» наибольшую продуктивность в генерировании материалов и обеспечении вовлеченности национальных аудиторий в обсуждение гуманитарных проектов Объединения (табл. 1).

Вызывает интерес тот факт, что довольно интенсивно тема гуманитарных проектов ЕАЭС продвигается на площадках ТГ-каналов. В четверке площадок-лидеров: «Одноклассники» и Instagram. Симптоматично «провисание» продвижения гуманитарных проектов ЕАЭС на площадках Facebook и Twitter (ныне «X»).

При этом довольно скромное количество сообщений у таких площадок, как YouTube или

Таблица 1 / Table 1

Наиболее продуктивные платформы информационно-коммуникационной инфраструктуры молодежной политики ЕАЭС / The most productive platforms of information and communication infrastructure of youth policy

Площадка	Количество сообщений	Аудитория, количество пользователей	Вовлеченность, количество пользователей
ВКонтакте	10 668	126 056 933	169 915
Telegram	6022	33 111 987	33 858
Одноклассники	3953	22 714 599	14 906
Instagram	1353	13 659 901	88 433
YouTube	912	76 872 444	210 503
Дзен	812	24 192 803	49 591
Facebook	451	9 661 702	2603
МирТесен	97	29 399	419
rutube.ru	86	7441	0
LiveJournal	42	17 584	40
Twitter	35	553 051	72
mt.gazeta.ru	17	0	5
TikTok (tiktok.com)	15	555 795	2209
Viber	13	572 590	0
pikabu.ru	11	–	–
Яндекс Мессенджер	11	60 755	0
Внутренняя политика России. Политический форум	9	–	–
social.iz.ru	7	1052	1
Усадьба Урсы	6	–	–
ФОРУМ НА ЦУГУНДЕРЕ для всех забаненных	6	–	–
Мой Мир@Mail.ru	5	37 191	460

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

ТikTok компенсируется их способностью собрать большую пользовательскую аудиторию. Примечательно, что YouTube, имея за анализируемый период всего 912 материалов о проектах ЕАЭС, привлек почти 77 млн пользователей.

В число наиболее продуктивных групп социальных медиа, продвигающих проекты ЕАЭС, помимо российских, входят белорусские. Действительно, учитывая и ряд иных параметров,

Республика Беларусь (РБ) довольно широко представлена в процессе онлайн-сетевых освещений гуманитарных проектов Евразийского экономического союза.

Информационно-коммуникационная инфраструктура гуманитарных проектов ЕАЭС свидетельствует о том, что основной платформой распространения материалов остается российская сеть «ВКонтакте» с объемом привлеченной

аудитории более 126 млн чел. В топе также сеть «Одноклассники», мессенджер «Телеграм». Тот факт, что в запрещенных на территории РФ платформах социальных медиа происходит довольно интенсивное продвижение проектов ЕАЭС, говорит о популярности этих платформ среди аудитории других стран Объединения, а также о возможном их использовании россиянами через VPN. Таким образом, довольно большая сеть платформ и пул социально-медийных площадок работают на популяризацию гуманитарных идей Евразийского экономического союза.

Резюмируя анализ пользовательской активности вокруг изученных потоков, отметим, что:

- существует нисходящая тенденция в цифровом сопровождении молодежных и образовательных проектов ЕАЭС;

- наивысшие показатели пользовательской активности были зафиксированы в период продвижения гуманитарных проектов ЕАЭС, когда РФ в нем председательствовала и организовывала ключевые ивенты;

- молодежные и образовательные проекты вызывают несколько меньший резонанс национальных пользовательских аудиторий, чем экономические площадки ЕАЭС, что свидетельствует о проблемах, касающихся координации цифрового сопровождения событий, связанных с молодежной политикой.

Исследование показало разную степень вовлеченности государств в информационное продвижение гуманитарных проектов ЕАЭС.

В табл. 2 представлены показатели эффективности цифрового сопровождения совместных

молодежных и образовательных проектов ЕАЭС онлайн-сетевыми акторами разных стран.

Из табл. 2 видно, что наибольший вклад в цифровое сопровождение молодежных и образовательных проектов ЕАЭС осуществляют российские акторы (83,8% всех релевантных сообщений). Они также существенно более продуктивны в том, что касается интереса пользователей к материалам о молодежной и образовательной политике ЕАЭС, и более эффективны в вовлеченности национальной аудитории (табл. 1).

Вызывают озабоченность низкие показатели объема сообщений о молодежных проектах ЕАЭС цифровых акторов Армении, равно как привлеченность и вовлеченность аудитории в релевантные потоки. Очевидно, что это происходит на фоне изменения геополитического курса страны.

Переходя к динамическим параметрам информационных потоков гуманитарных проектов ЕАЭС, отметим, что их можно хорошо рассмотреть на примере «кардиограммы» цифрового массива за IV квартал 2023 г. как итогового периода в рамках годового председательства России в ЕАЭС (рис. 2).

Как видно на графике (рис. 2), динамика информационного потока о молодежной политике ЕАЭС характеризуется нестабильностью и крайне оторванными друг от друга значениями минимальных и максимальных экстремумов.

Сравнивая эту динамику с показателями II квартала 2023 г. (рис. 1), стоит подчеркнуть явное снижение продуктивности цифрового сопровождения молодежных проектов ЕАЭС в конце 2023 г.

Таблица 2 / Table 2

Показатели эффективности цифрового сопровождения гуманитарных проектов ЕАЭС онлайн-сетевыми акторами разных стран / Indicators of the effectiveness of digital support for humanitarian projects of the EAEU by online network authors from different countries

Страна	Количество сообщений	Аудитория, количество пользователей	Вовлеченность, количество пользователей
Россия	10 815	156 319 505	275 342
Беларусь	1974	12 068 863	17 503
Казахстан	84	4 328 021	3 337
Киргизия	29	216 211	158
Армения	8	30 437	16

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

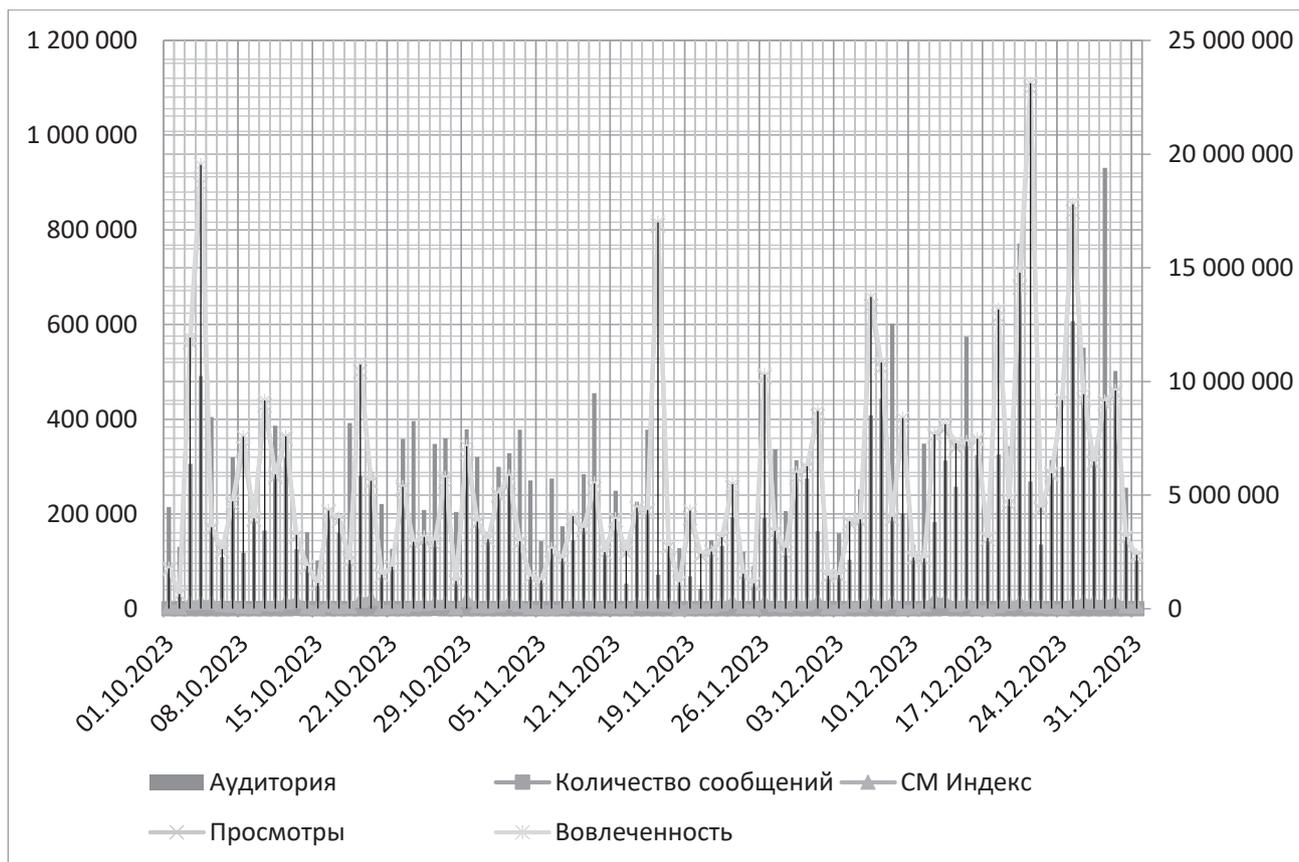

Рис. 2 / Fig 2. Динамические параметры информационных потоков о гуманитарных проектах ЕАЭС за IV квартал 2023 г. / Dynamic parameters of information flows about humanitarian projects of the EAEU for the fourth quarter of 2023

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Обобщая полученные результаты, важно перечислить наиболее значимые меры, которые необходимо реализовать профильным структурам ЕАЭС и Союзному государству России и Беларуси (СГ РФ) для дальнейшего продвижения их гуманитарных проектов в цифровой среде.

В первую очередь, важно работать над повышением узнаваемости бренда «ЕАЭС», а также преодолеть низкий уровень информированности молодежи стран Евразийского экономического союза о проектах этого объединения.

Для этого необходимо:

- включить в учебные планы образовательных учреждений дисциплины, предметное поле которых отражает, в том числе, деятельность ЕАЭС касательно молодежной политики для развития взаимовыгодного сотрудничества всех стран Объединения, предоставления молодежи РФ, РБ, Армении, Казахстана и Киргизии возможности трудоустройства в странах ЕАЭС, участия в фестивалях, конкурсах, прочих международных ивентах;

- разместить в образовательных учреждениях стран ЕАЭС наглядные материалы с символикой ЕАЭС о его основных проектах;
- репрезентировать в образовательных учреждениях стран ЕАЭС наглядные материалы, транслирующие его основные исторические вехи и достижения;
- организовать систематическое повышение квалификации для преподавателей гуманитарных дисциплин — истории, политологии, социологии — в сфере возможностей развития ЕАЭС;
- объединить активных молодых преподавателей школ и вузов для организации обмена опытом касательно повышения информированности молодежи государств Евразийского союза о его деятельности;
- подготовить и поддерживать лидеров общественного мнения в студенческой и преподавательской среде, продвигающих проекты Объединения среди молодежной пользовательской аудитории;

- организовать систему летних школ для учащихся, студентов, молодых преподавателей образовательных учреждений (в том числе в рамках существующих молодежных образовательных/культурных форумов), где возможен обмен опытом для повышения узнаваемости бренда «ЕАЭС» и усиления лояльности к нему;
- расширить спектр магистерских программ, профилирующихся по организации евразийского сотрудничества;
- активизировать для молодежи возможности получения бесплатного высшего образования в любом образовательном учреждении, а также развивать дистанционное и заочное обучение в магистратурах вузов стран ЕАЭС для абитуриентов всех государств-участников;
- осуществить организацию материально-технической и методической поддержки деятельности и развитие новых цифровых ресурсов социально-медийных платформ, популярных в странах ЕАЭС, продвигающих, освещающих, комментирующих его проекты в онлайн-пространстве национальных сегментов;
- обеспечить развитие новых цифровых и офлайн-площадок, создающих условия для знакомства молодежи с культурой РФ, РБ, Армении, Казахстана и Киргизии. Эти площадки будут способствовать преодолению социальных стереотипов, связанных с предубеждениями и негативными аттитюдами касательно постсоветских обществ, распространяемых западными цифровыми акторами;
- стимулировать развитие грантовой политики (на обучение в вузах государств Союза, на

реализацию социально-культурных проектов и т.д.) в отношении молодежи ЕАЭС с активным цифровым сопровождением их реализации.

ВЫВОДЫ

Исследование выявило ряд проблем в том, что касается онлайн-сетевого сопровождения проектов в сфере молодежной политики стран ЕАЭС и СНГ. Прежде всего, это низкая узнаваемость ЕАЭС и невысокая лояльность к нему среди молодежи. Такая ситуация продиктована отсутствием единой координации информационной политики ЕАЭС и качественного цифрового менеджмента его проектов.

Кроме того, следует отметить ориентированность стран-участниц на совместные экономические проекты и «провисание» социальных инициатив, проектов в сфере молодежной политики и образования. Однако очевидно, что социальная база экономических проектов, их эффективности и успеха — это человеческий капитал, особую роль в развитии которого играет поддержка молодежи и системы образования государств ЕАЭС.

Проведенный эмпирический анализ позволил разработать меры по улучшению онлайн-сетевого сопровождения проектов в сфере молодежной политики и образования стран ЕАЭС; сформировать рекомендации по повышению узнаваемости бренда «ЕАЭС» и его проектов, а также указать направления для преодоления негативных эффектов информационного давления западных акторов, усиливающих на фоне противостояния России и Запада.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Панова Ю.А. Проблемы молодежной политики в Российской Федерации и пути их решения. *Молодой ученый*. 2019;(21):379–382.
2. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. М.: Голос; 2013. 584 с.
3. Смирнов А.С. Государственная молодежная политика в современных условиях. *ЭКО*. 2014;(5):23–30.
4. Никипорец-Такигава Г.Ю., Отюцкий Г.П., Родионова М.Е. Об актуальности исследования эффективности реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2017;(6):36–40.
5. Бирюков С.В., Сазонов И.С. Молодежная политика: современное понимание и подходы к исследованию. *Развитие территорий*. 2021;(4):85–90.
6. Парфиненко М.А., Павлова Г.Г. Молодежная политика в современной России: сборник трудов конференции. Челябинск: Челябинский государственный университет; 2018.
7. Тимофеева Е.А. Теоретико-методологические основы изучения государственной молодежной политики в условиях развития демократического государства. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;(4):40–46.
8. Широков Д.А. Молодежная политика: проблемы выработки приоритетов. *Власть*. 2013;(12):27–38.

9. Бучнев Е.В. Цифровизация молодежной политики в России как фактор развития национальной стратегии кибербезопасности. *Политические институты, процессы, технологии*. 2022;(6):153–155.
10. Бродовская Е.В., Парма Р.В., Лукушин В.А., Склярлова Н.Ю. Деструктивное информационно-психологическое воздействие на молодежь России в социальных медиа (по материалам круглого стола). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;(2):12–18.

REFERENCES

1. Panova Yu.A. Problems of youth policy in the Russian Federation and ways to solve them. *Molodoy uchenyj = Young scientist*. 2019;(21):379–382. (In Russ.).
2. Pilynsky I.M. Youth and youth policy. Philosophy. History. Theory. Moscow: Golos; 2013. 584 p. (In Russ.).
3. Smirnov A.S. State youth policy in modern conditions. *ECO*. 2014;(5):23–30. (In Russ.).
4. Nikiporets-Takigawa G. Yu., Otyutsky G.P., Rodionova M.E. On the relevance of the study of the effectiveness of the implementation of state youth policy in the Russian Federation. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2017;(6):36–40. (In Russ.).
5. Biryukov S.V., Sazonov I.S. Youth policy: modern understanding and approaches to research. *Razvitie territorij = Development of territories*. 2021;(4):85–90. (In Russ.).
6. Parfinenko M.A., Pavlova G.G. Youth policy in modern Russia: conference proceedings. Chelyabinsk: Chelyabinskij gosudarstvennyj universitet; 2018. (In Russ.).
7. Timofeeva E.A. Theoretical and methodological foundations for the study of state youth policy in the context of the development of a democratic state. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;(4):40–46. (In Russ.).
8. Shirokov D.A. Youth policy: problems of developing priorities. *Vlast' = Power*. 2013;(12):27–38. (In Russ.).
9. Buchnev E.V. Digitalization of youth policy in Russia as a factor in the development of a national cybersecurity strategy. *Politicheskie instituty, processy, tekhnologii = Political institutions, processes, technologies*. 2022;(6):153–155. (In Russ.).
10. Brodovskaya E.V., Parma R.V., Lukushin V.A., Sklyarova N. Yu. Destructive information and psychological impact on the youth of Russia in social media (based on the materials of the round table). *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;(2):12–18. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Анна Юрьевна Домбровская — доктор социологических наук, профессор кафедры политологии, директор Центра политических исследований, Финансовый университет, Москва, Россия

Anna Yu. Dombrovskaya — Dr. Sci. (Soc.), Prof. of the Department of Political Science, Director of the Center for Political Research, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-2015-2349>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

an-doc@yandex.ru

Маргарита Владимировна Буслаева — студентка 4-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Margarita V. Buslaeva — 4th year student of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0009-0006-8090-3956>

Marbus1112@mail.ru

Артём Владимирович Беляков — студент 4-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Artem V. Belyakov — 4th year student of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0009-0002-2601-1704>

mac22026@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

А.Ю. Домбровская — разработка общей концепции статьи, составление программы эмпирического анализа, руководство обработкой, описанием данных, подготовка выводов научного исследования, научное редактирование текста статьи.

М.В. Буслаева — обзор литературы по заявленной теме, разработка поисковых запросов для аккумуляции релевантных информационных потоков, подготовка рабочего варианта постановочной части текста статьи.

А.В. Беляков — анализ и интерпретация полученных в ходе исследования метрик сервиса для социально-медийного мониторинга «Медиалогия», подготовка рабочего варианта раздела «Результаты исследования».

Authors' contributions:

A.Yu. Dombrovskaya — development of the general concept of the article, preparation of a program of empirical analysis, management of processing, description of data, preparation of conclusions of scientific research, scientific editing of the text of the article.

M. V. Buslaeva — A review of the relevant literature on the specified topic, development of search strategies to identify and gather pertinent information, and preparation of a draft version of a section of the article's text.

A. V. Belyakov — Analysis and interpretation of the data from the metrics of the Medialogy social media monitoring service, as well as preparation of a preliminary version of the “Research Results” section.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 11.04.2024; принята к публикации 11.05.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 11.04.2024; accepted for publication on 11.05.2024.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-37-43
УДК 659.14(045)

Возрастание значимости аудиовизуального контента в условиях цифровой реальности

А.А. Митина
Финансовый университет,
Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Аудиовизуальный контент включает в себя множество видов фото-, видео- и аудиоматериалов, которые в совокупности оказывают значительное влияние на сознание потребителя. В условиях цифровизации модель медиапотребления подвергается изменениям, в связи с чем типы контента меняются местами в своей иерархии по значимости воздействия на общественность. В ходе работы было выявлено, что глобальная цифровизация оказывает влияние на медиаиндустрию, так как данная отрасль тесно связана с инновационными процессами. Взгляды и предпочтения потребителя трансформируются, поэтому производители контента меняют способы передачи ключевой информации от отправителя к получателю. Также установлено, что визуальный контент в цифровой реальности усиливает воздействие сообщения и усваивается в сознании человека быстрее, чем текстовый.

Ключевые слова: аудиовизуальный контент; влияние на потребителей; продвижение бренда; реклама; репутация бренда; современная реклама; сетевая среда; тренды; цифровая реальность

Для цитирования: Митина А.А. Возрастание значимости аудиовизуального контента в условиях цифровой реальности. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(3):37-43. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-37-43

ORIGINAL PAPER

The Growing Importance of Audiovisual Content in the Context of Digital Reality

A.A. Mitina
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

Audiovisual content includes various types of photos, videos, and audio recordings, which collectively have a significant influence on consumer perception. In the context of digitization, the pattern of media consumption is evolving, as a result of which content types are repositioning themselves in terms of their significance in influencing public opinion. Throughout the course of this study, it has been observed that global digitization is having an impact on the media landscape, as this industry is intricately linked to innovative processes. Consumer attitudes and preferences are undergoing transformation, and content creators are adapting their methods of conveying key information from source to receiver. Furthermore, it has become evident that visual content within digital environments enhances the impact of messages and is processed more rapidly by individuals compared to textual content.

Keywords: audiovisual content; impact on consumers; brand promotion; advertising; brand reputation; modern advertising; network environment; trends; digital reality

For citation: Mitina A.A. The growing importance of audiovisual content in the context of digital reality. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(3):37-43. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-37-43

ВВЕДЕНИЕ

В начале XXI в. в России стали появляться исследовательские работы, посвященные визуальному перевороту в современной культуре. Ученые постепенно начали приходить к выводу о том, что общественность получает и эффективнее усваивает информацию при помощи визуальных образов [1]. «Человек читающий» начинает вымирать и на смену ему приходит «Человек смотрящий», который усваивает материал при помощи визуальных образов. На данном этапе развития общества формируется особый тип мышления — клиповый. К. М. Фрумкин определяет данный феномен как вектор нового уровня отношений человека с информацией. Главная характерная особенность таких взаимоотношений — неспособность воспринимать длинную линейную последовательность однородной информации. Ученый выделяет пять факторов, способствующих появлению и формированию клипового мышления [2]:

- ускорение темпа жизни и постоянное увеличение информационного потока;
- увеличение требований к скорости поступления информации и ее актуальности;
- увеличение разнообразия поступающей информации;
- увеличение количества дел, которыми человек занимается одновременно;
- рост демократии на разных уровнях социальной системы.

Все вышеперечисленные факторы свидетельствуют о том, что изменения в медиапотреблении и в цифровой среде связаны напрямую. Е. А. Шумакова в своей статье приводит результаты исследования, в котором говорится, что 32% маркетологов считают, что визуальные изображения — наиболее важная форма контента для бизнеса. По мнению специалистов, когда люди слышат информацию, через три дня они будут помнить лишь 10% от нее. Однако если она подкрепляется фото- или видеорядом, то в сознании аудитории сохранится 65% [3]. С каждым годом модель медиапотребления претерпевала некие изменения, и на данном этапе самым эффективным типом контента стал аудиовизуальный или мультимедийный.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ АУДИОВИЗУАЛЬНОГО КОНТЕНТА

Аудиовизуальный контент представляет собой симбиоз двух основных компонентов: звука

и видеоряда. Первый включает в себя звуковые эффекты, диалоги, человеческую речь, закадровый голос, музыку и пр. Второй охватывает намного больше: фотографии, видео, рисунки, графики, схемы, диаграммы, логотипы и т. д. Данный контент обладает важной особенностью — он влияет сразу на два органа чувств: глаза (зрение) и уши (слух) [4]. Ему присущи следующие признаки:

- наличие ряда изображений, которые объединены между собой общей смысловой нагрузкой;
- предназначение одновременно для зрительного и слухового восприятия;
- наличие разнообразного функционала — он может быть как образовательным, так и развлекательным, служить источником знаний или средством для развлечения.

Аудиовизуальный контент смог соединить в себе два когда-то самых популярных средства передачи информации: печать и радио. Таким образом, его сложный формат смог имитировать реальное присутствие потребителя в цифровой реальности [5].

Важно, что два компонента взаимодополняют друг друга: звук добавляет реальности визуальной составляющей, располагая к себе получателя сообщения. Именно в совокупности эти компоненты могут передавать настроение, эмоции и создавать нужную атмосферу.

Графика и звук делают то, на что не способен обычный текст, — они влияют на людей как когнитивно, так и эмоционально.

Аудиовизуальный контент ускоряет и повышает понимание и запоминание получаемой информации, а также, при помощи визуальной составляющей, привлекает внимание к информации. Визуальные образы являются своего рода подсказками, которые помогают расшифровывать текст. Результаты исследования, приведенные Е. А. Шумаковой, дают право утверждать, что подобный контент обрабатывается человеческим мозгом в 60 тыс. раз быстрее, чем обычный текст, — таким образом, улучшается запоминаемость материала аудиторией.

Графика и звук в симбиозе способствуют проявлению творческого мышления, что приводит к более глубокому и точному пониманию представленного материала. Также не секрет, что эмоции являются чуть ли не главным стимулятором для принятия решений. Поведен-

ческие психологи считают, что большинство наших решений основаны на интуитивном суждении и эмоциях [3].

АУДИОВИЗУАЛЬНЫЙ КОНТЕНТ КАК НОВЫЙ МЕТОД ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

Аудиовизуальный контент является следующей ступенью развития после визуального, включая в себя сразу несколько форм: звук, фото- или видеоряд, компьютерную графику.

Также к его основным преимуществам в условиях цифровизации относится интерактивность: аудиовизуальная форма более привлекательна для человека, так как ему не нужно напрягать воображение и применять абстрактное мышление — производители контента уже все сделали за него. Четкий образ сгенерирован на экране, поэтому ему остается лишь занять свое место в сознании аудитории [6]. Таким образом, мультимедийный контент укорачивает процесс передачи сообщения от отправителя к получателю и погружения человека в информацию. Изначально он был частью индустрии развлечений (фильмы, телепередачи, музыкальные клипы, реклама), сейчас же является неотъемлемой частью образования — дошкольного, школьного и студенческого — и проникает во все сферы жизни общества за счет своей актуальности и эффективности.

ФОРМАТЫ АУДИОВИЗУАЛЬНОГО КОНТЕНТА

Аудиовизуальный контент в процессе своего развития приобретает новые форматы своей реализации. В рамках данной научной статьи выделены основные из них:

1. Видео: реклама, музыкальные клипы, телешоу, фильмы, вебинары и т.д. Данный формат может быть коммерческим, образовательным, развлекательным и информационным. Он обладает наибольшей популярностью и постоянно изменяется в зависимости от актуальных тенденций. Например, сейчас короткие видеоролики (до 1 мин) с использованием аудиодорожки находятся на пике своей популярности. Они производятся не только профессионалами, но и пользователями. К формату видео можно отнести прямые трансляции.

2. Презентации. Сегодня это не только набор изображений и текста, а целое мультимедийное произведение, включающее в себя видео, фото,

анимацию, схемы, графики, аудио и т.д. Такой формат необходим, когда речь идет о бизнес-структурах: к примеру, исполнитель при помощи презентации показывает свою работу заказчику.

3. Видеоблог. При таком формате — симбиозе видео и аудио — автор (блогер) документирует собственную жизнь, высказывает мнения, демонстрирует интересы и взгляды для своей аудитории.

4. Анимационные сериалы (включая мультфильмы). Данный формат подразумевает использование анимации для создания серий или эпизодов с использованием визуальных и звуковых эффектов [7].

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК СТИМУЛЯТОР РОСТА ЗНАЧИМОСТИ АУДИОВИЗУАЛЬНОГО КОНТЕНТА

Ранее уже говорилось о том, что эффективность аудиовизуального контента зависит от развития цифровой среды и трансформации модели медиапотребления. Социальные сети стали местом, где бренды могут в онлайн-режиме коммуницировать со своими аудиториями [8], а люди, в особенности молодое поколение, — проводят значительную часть жизни [9]. Именно аудиовизуальный контент способен стать почти полноценной заменой реального общения, так как он позволяет видеть и слышать, что происходит по ту сторону экрана.

Американский медиапсихолог П. Ратлидж считает, что специфика нашего мозга такова, что зрительная информация обрабатывается быстрее и позволяет активнее вовлекать в коммуникацию пользователя для оценки или обсуждения образного сообщения [10].

А.М. Шестерина в своей научной работе называет современное поколение «смотрящим», «интерактивным», «играющим» и «проектным» [11]. Люди нуждаются во взаимодействии, и сплошной текст их уже не привлекает — они хотят видеть, слышать, взаимодействовать и играть.

В то же время у аудиовизуального контента есть свои особенности:

1. Человек в интернете взаимодействует с контентом, который его заинтересовал. Сейчас в социальных сетях появился тренд: снимать короткие ролики, которые многие люди потом повторяют. Таким образом, аудиовизуальный контент становится уже средством не инфор-

мирования, а коммуникации, так как ролики видеоизменяются в зависимости от автора видео.

2. Современный пользователь интернета потребляет большой объем информации ежедневно, и ее потоки могут переплетаться. Поэтому аудиовизуальный контент в социальных сетях должен привлекать внимание человека, чтобы тот смог сконцентрироваться именно на нем. Как правило, аудиовизуальный контент направлен на стимулирование появления каких-то эмоций, которые и смогут удержать внимание потребителя.

3. Аудиовизуальный контент в социальных сетях должен быть емким и коротким по времени, иначе он не заинтересует пользователя и будет просто пролистан.

Аудиовизуальный контент может быть создан людьми (обычными пользователями социальных сетей) и различными предприятиями. Даже государственные органы власти используют аудиовизуальную продукцию в своей коммуникационной стратегии для распространения информации среди населения, в первую очередь, из-за популярности и глобального охвата [9].

АУДИОВИЗУАЛЬНЫЙ КОНТЕНТ КАК ИНСТРУМЕНТ БРЕНДИНГА

Реклама, как один из форматов аудиовизуального контента, выступает важной составляющей коммуникационной стратегии любой компании. Она является полноценным нематериальным активом фирмы, от которого напрямую зависят все материальные составляющие организации [12]. С одной стороны, реклама — элемент привлечения и удержания аудитории, а с другой, — если ее будет очень много, это оттолкнет общественность. Именно поэтому компании используют аудиовизуальный контент — фото-, видео- и аудиоматериалы позволяют аудитории связать имя бренда с его «лицом», что способствует узнаваемости [13]. Парадигма «видеть — значит верить» как раз работает в этом случае [14], а когда визуальный ряд подкрепляется еще и отзывами реальных клиентов, то эффективность такой коммуникации повышается в несколько раз.

Под брендингом понимается совокупность методик, инструментов и стратегий, интегрированных в комплекс маркетинговых мероприятий, которые позволяют удовлетворить все желания потребителей с целью получения

наибольшего дохода организации [15]. В современном мире важным элементом при выборе товара является компания-производитель. В условиях высокой конкуренции организации должны выстроить наиболее честный и привлекательный образ для клиента. Именно при помощи аудиовизуального контента некоторым компаниям удается сделать это максимально результативно. Людям нравится чувствовать близость к бренду, поэтому многие крупные корпорации снимают короткие ролики, показывая внутреннюю «кухню». Такой подход стимулирует рост лояльности потребителей [16].

Сегодня преимуществом для любой компании является персонализация — процесс понимания искренних намерений и желаний человека, а также передачи релевантного и значимого для него опыта [17]. Когда речь идет об аудиовизуальном контенте, то это выглядит следующим образом: ролики со звуковой дорожкой «выстраивают» модель клиента, описывая его потребности, ценности и мотивацию. Аудитория, наблюдая такой контент, понимает, что бренд знает о ее желаниях и делает все, чтобы удовлетворить их. Таким образом у людей появляется доверие к бренду.

Еще в 1984 г. американский профессор, теоретик по связям с общественностью Джеймс Э. Грунинг совместно с Т. Хантом сформулировали четыре схемы (которые также называют четырьмя моделями коммуникационного менеджмента), отражающие способы коммуникации организации с общественностью. Одна из них — «двусторонняя симметричная коммуникация» — считается идеальной и подразумевает взаимовыгодные отношения между организацией и аудиторией. В рамках данной модели организация и аудитория становятся партнерами и совместными усилиями выстраивают эффективную работу компании, которая направлена на удовлетворение потребностей общественности [18]. Организация ведет активную деятельность в социальных сетях, а также, используя аудиовизуальную коммуникацию, привлекает большое количество единомышленников и стимулирует аудиторию к выстраиванию диалога. В современном мире именно короткие ролики в социальных сетях служат инструментом для выстраивания доверительных отношений и создания некоего сообщества по интересам. Они в полной мере могут рас-

крыть сущность бренда и тем самым привлечь нужную аудиторию.

ВЫВОДЫ

Цифровая реальность задает тренды и диктует некоторые условия для производителей контента. Она напрямую влияет на общественность, меняя потребности, взгляды и ценности и внося значительные изменения в медиапотребление человечества. Современное общество хочет чувствовать близость к бренду, видеть в аудиовизуальных произведениях человека со схожими ценностями, желаниями и мотивацией [19]. Аудиовизуальный

контент воздействует на эмоции, которые сейчас являются одним из главных факторов для привлечения аудитории. В условиях конкуренции производителям контента все сложнее удержать внимание зрителя, поэтому им важно следовать трендам и быть креативными. Также нельзя упускать из виду тот факт, что сейчас у большинства людей преобладает клиповое мышление [20]. Нельзя сказать, хорошо это или плохо, но надо постоянно исследовать поведение людей, следить за технологическим развитием и подстраиваться под новые условия для того, чтобы достичь желаемых результатов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зырянова Е. С. Важность визуального контента и классификация его типов. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2022;6(3):158–161.
2. Фрумкин К.Г. Глобальные изменения в мышлении и судьба текстовой культуры. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalnye-izmeneniya-v-myshlenii-i-sudba-tekstovoy-kultury/viewer>
3. Шумакова Е.А. эстетика визуального контента в маркетинговых коммуникациях. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/estetika-vizualnogo-kontenta-v-marketingovyh-kommunikatsiyah>
4. Esser A. Audiovisual content in Europe: Transnationalization and approximation. *Journal of Contemporary European Studies*. 2007;15(2):163–184.
5. Al-Quran M. W. Traditional media versus social media: challenges and opportunities. *Technium Romanian Journal of Applied Sciences and Technology*. 2022;4(10):145–160.
6. Кузнецова С. TextTerra: видео vs текст — нет такой дилеммы. URL: <https://textterra.ru/blog/video-vs-tekst-net-takoy-dilemmy.html?ysclid=lpmu926dx9617922318>
7. Круглова Л.А. Трансформация аудиовизуального контента в новых медиа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-audiovizualnogo-kontenta-v-novyh-media>
8. Nicolaou C. Development of Business Through the Internet and Social Media: The Professional Use of Audiovisual Media Technologies Through Strategic Tactics and Practices. Hershey, PA: IGI Global; 2021.
9. Jeljeli R. et al. The impact of technology on audiovisual production in the social media space. *Academic Journal of Interdisciplinary Studies*. 2022;11(6):48–58.
10. Rutledge P. Q&A with Director of the Media Psychology Research Center, Pamela Rutledge PhD, MBA. URL: <http://www.onlinepsychologydegrees.com/interview/pam-rutledge/>
11. Шестерина А.М. Трансформация аудиовизуального контента в сетевой среде: возможности контекстного подхода. *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2018; (28):86–94.
12. Wierzbinski B., Potocki T. The Importance of Trust and Reputation on Small and Medium Enterprises (Smes) in Their Business Activity. URL: https://www.researchgate.net/publication/261373634_The_importance_of_trust_and_reputation_on_Small_and_Medium_Enterprises_SMEs_in_their_business_activity
13. Левченко М.Г. Продвижение бренда с помощью фото и видео контента. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prodvizhenie-brenda-s-pomoschyu-foto-i-video-kontenta>
14. Berger A.A. Seeing is believing. An Introduction to Visual Communication. New York: McGraw-Hill Education; 2012.
15. Murphy J.M. Branding: A key marketing tool. London: Palgrave Macmillan UK; 1992.
16. Федорова Е.В. Социальные сети как наиболее эффективный инструмент продвижения организации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-kak-naibolee-effektivnyy-instrument-prodvizheniya-organizatsii>
17. Годин В.В., Терехова А.Е. Цифровая реклама как инструмент продвижения товара или услуги. Опыт реализации проектов. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-reklama-kak-instrument-prodvizheniya-tovara-ili-uslugi-opyt-realizatsii-proektov>

18. Grunig J.E., Hunt T. *Managing Public Relations*. New York: Holt, Rinehart & Winston; 1984.
19. Симакова С.И. Визуальный поворот — новая философия образа в средствах массовой коммуникации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnyy-povorot-novaya-filosofiya-obraza-v-sredstvah-massovoy-kommunikatsii>
20. Купчинская М.А., Юдалевич Н.В. Клиповое мышление как феномен современного общества. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klipovoe-myshlenie-kak-fenomen-sovremennogo-obschestva>

REFERENCES

1. Zyryanova E. S. The importance of visual content and the classification of its types. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2022;6(3):158–161. (In Russ.).
2. Frumkin K. G. Global changes in thinking and the fate of text culture. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalnye-izmeneniya-v-myshlenii-i-sudba-tekstovoy-kultury/viewer> (In Russ.).
3. Shumakova E. A. Aesthetics of visual content in marketing communications. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/estetika-vizualnogo-kontenta-v-marketingovykh-kommunikatsiyah> (In Russ.).
4. Esser A. Audiovisual content in Europe: Transnationalization and approximation. *Journal of Contemporary European Studies*. 2007;15(2):163–184.
5. Al-Quran M. W. Traditional media versus social media: challenges and opportunities. *Technium Romanian Journal of Applied Sciences and Technology*. 2022;4(10):145–160.
6. Kuznetsova S. TexTerra: video vs. text — no such dilemma. URL: <https://texterra.ru/blog/video-vs-tekst-net-takoy-dilemmy.html?ysclid=lpmu926dx9617922318> (In Russ.).
7. Kruglova L. A. Transformation of audiovisual content in new media. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-audiovizualnogo-kontenta-v-novykh-media> (In Russ.).
8. Nicolaou C. *Development of Business Through the Internet and Social Media: The Professional Use of Audiovisual Media Technologies Through Strategic Tactics and Practices*. Hershey, PA: IGI Global; 2021.
9. Jeljeli R. et al. The impact of technology on audiovisual production in the social media space. *Academic Journal of Interdisciplinary Studies*. 2022;11(6):48–58.
10. Rutledge P. Q&A with Director of the Media Psychology Research Center, Pamela Rutledge PhD, MBA. URL: <http://www.onlinepsychologydegrees.com/interview/pam-rutledge/>
11. Shesterina A. M. Transformation of audiovisual content in the network environment: possibilities of the contextual approach. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya = Sign: problematic field of media education*. 2018; (28):86–94. (In Russ.).
12. Wierziński B., Potocki T. The Importance of Trust and Reputation on Small and Medium Enterprises (Smes) in Their Business Activity. URL: https://www.researchgate.net/publication/261373634_The_importance_of_trust_and_reputation_on_Small_and_Medium_Enterprises_SMEs_in_their_business_activity
13. Levchenko M. G. Brand promotion with the help of photo and video content. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prodvizhenie-brenda-s-pomoschyu-foto-i-video-kontenta> (In Russ.).
14. Berger A. A. *Seeing is believing. An Introduction to Visual Communication*. New York: McGraw-Hill Education; 2012.
15. Murphy J. M. *Branding: A key marketing tool*. London: Palgrave Macmillan UK; 1992.
16. Fedorova E. V. Social networks as the most effective tool for promoting an organization. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-kak-naibolee-effektivnyy-instrument-prodvizheniya-organizatsii> (In Russ.).
17. Godin V. V., Terekhova A. E. Digital advertising as a tool for promoting a product or service. Experience in implementing projects. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-reklama-kak-instrument-prodvizheniya-tovara-ili-uslugi-opyt-realizatsii-proektov> (In Russ.).
18. Grunig J.E., Hunt T. *Managing Public Relations*. New York: Holt, Rinehart & Winston; 1984.
19. Simakova S. I. Visual turn — a new philosophy of the image in mass media. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnyy-povorot-novaya-filosofiya-obraza-v-sredstvah-massovoy-kommunikatsii> (In Russ.).
20. Kupchinskaya M. A., Yudalevich N. V. Clip thinking as a phenomenon of modern society. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klipovoe-myshlenie-kak-fenomen-sovremennogo-obschestva> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Алина Андреевна Митина — бакалавр 4-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Alina A. Mitina — 4th year Bachelor of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0009-0007-3808-8086>

lina.mitina.01@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 24.03.2024; принята к публикации 18.04.2024.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 24.03.2024; accepted for publication on 18.04.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-44-52
УДК 329(045)

Институционализация партийных систем в посткоммунистических странах Европы: факторы и проблемы

С.Л. Чепель

Финансовый университет, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу факторов, влияющих на процесс институционализации партийных систем в посткоммунистических странах Европы. Рассматриваются особенности воздействия систем правления на динамику смены партийных предпочтений избирателей. В качестве показателя степени устойчивости и предсказуемости межпартийной конкуренции избран индекс электоральной подвижности. Автор подчеркивает, что системы правления с выраженной политической ролью парламентов, сложившиеся в посткоммунистических странах Европы, потенциально создавали благоприятные условия для институционализации партийных систем. Однако сохранение преимущественно высоких значений индекса электоральной подвижности свидетельствует об ограниченном влиянии институционального фактора на процесс укрепления партийно-групповых связей. Автор приходит к выводу, что неустойчивая институционализация партийных систем является результатом действия объективных факторов, прежде всего — политической культуры.

Ключевые слова: институционализация партийной системы; система правления; партийная идентификация; электоральная подвижность; посткоммунистические страны

Для цитирования: Чепель С.Л. Институционализация партийных систем в посткоммунистических странах Европы: факторы и проблемы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(3):44-52. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-44-52

ORIGINAL PAPER

Institutionalization of Party Systems in Post-Communist Countries of Europe: Factors and Problems

S.L. Chepel

Financial University, Moscow, Russia;
Russian State University of the Humanities, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article analyzes the factors that influence the process of institutionalization party systems in post-communist Europe. It considers the impact of governance systems on the changing preferences of voters. The author uses the index of electoral volatility as an indicator of stability and predictability in interparty competition.

The author emphasizes that parliamentary systems with a strong political role in post-communist countries create favorable conditions for party system development. However, high levels of electoral volatility indicate that the institutional factor has limited influence on party-group cohesion. The author argues that the instability of party systems is a result of objective factors, such as political culture.

Keywords: institutionalization of party system; government system; party identification; electoral volatility; post-communist countries

For citation: Chepel S.L. Institutionalization of party systems in post-communist countries of Europe: Factors and problems. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(3):44-52. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-44-52

Институционализация партийных систем была и остается одной из главных тем политических исследований — многие политологи полагают, что ее следует рассматривать как третье важнейшее измерение партийных систем, наряду с выделенными Дж. Сартори количественной фрагментацией и идеологической поляризацией. Действительно, во многих современных демократических государствах отмечается тенденция дестабилизации партийных систем. В странах «старой» демократии, в силу так называемого «культурного сдвига» от ценностей выживания к ценностям самовыражения, наблюдается снижение общественного авторитета партий, что негативно сказывается на уровне институционализации действующих партийных систем. В странах «молодой» демократии частые расколы, слияния, внезапные появления на политической арене новых партий, слабые связи с избирателями тормозят процесс институционализации партийных систем. Безусловно, его укреплению в этих странах способствовала правовая регламентация места и роли партий в политическом процессе за счет принятия соответствующих законов. Однако институционализация партийных систем в широком смысле — как обретение ими долговременной функциональной устойчивости — остается все же не решенной до конца задачей, что поддерживает к ней научный интерес. Но как справедливо замечает Ф. Бертоа, «несмотря на то, что о процессе институционализации партийной системы в различных регионах написано немало, причины, почему некоторые партийные системы институционализируются, а другие нет, остаются загадкой» [1, р. 1].

Сейчас, оценивая итоги политических трансформаций, предпринятых десятками стран мира в ходе так называемой «третьей волны» демократизации, приходится констатировать, что путь в направлении устойчивых демократических режимов оказался не столь простым и прямолинейным, как представлялось многим на рубеже 70–80-х гг. XX в. Опыт политического развития посткоммунистических стран показал, что стабилизация демократических институтов зависела, в первую очередь, от степени их позитивного восприятия как элитами, так и широкими слоями граждан. Обретение общественного консенсуса относительно значимости демократической модели организации политического процесса,

стержнем которой являются конкурентные выборы, происходило во многом благодаря развитию системы партийного представительства интересов различных социальных групп. Особенностью посткоммунистических стран (в силу их тоталитарного прошлого) было проведение радикальных социально-экономических и политических реформ в условиях отсутствия в обществе культуры автономного политического участия, что создавало серьезную угрозу кризиса легитимности власти «молодых» демократий. В свое время К. Дойч, обращаясь к причинам политической нестабильности в модернизирующихся обществах, подчеркивал, что высокая скорость процесса социальной мобилизации снижает коммуникационные возможности элит. «Это ставит их, — писал он, — перед постоянно существующим риском потери связи с недавно мобилизованными социальными слоями, которые до недавнего времени еще не учитывались в политике» [2, р. 499]. В подобной же ситуации в посткоммунистических демократизирующихся обществах партии и система их взаимодействия становились главными институциональными средствами не просто вовлечения граждан в политический процесс, а регулирования расширяющейся общественной политической активности. Неустойчивость партийных систем «молодых» демократий рассматривается в политической науке как одно из главных препятствий на пути их консолидации. Принимая во внимание, что в начале XXI в. в ряде посткоммунистических стран отмечается снижение качества демократических режимов, вопрос о том, какие факторы и в какой степени влияют на уровень институционализации партийных систем, сохраняет актуальность.

Проблема институционализации политических систем впервые была сформулирована С. Хантингтоном в его известной работе «Политический порядок в меняющихся обществах», посвященной анализу различных аспектов политической модернизации. «Институционализация, — по определению исследователя, — это процесс, посредством которого организации и процедуры приобретают ценность и устойчивость» [3, с. 32]. В качестве измерений уровня институционализации политической системы в целом и ее подсистем им были выделены: адаптивность, сложность, автономия, сплоченность. Так, повышение уровня институционализации

политических структур происходит благодаря нарастанию их способности реагировать на разнообразные запросы социальной среды, развивать функциональную специализацию компонентов, выражать интересы различных групп (а не какой-то одной из них), поддерживать эффективную координацию составных частей.

Современные трактовки процесса институционализации партийных систем во многом опираются на предложенный С. Хантингтоном общетеоретический подход. В частности, С. Мэйнваринг и М. Торкал выделили четыре измерения институционализации партийных систем. По их оценкам, институционализированные партийные системы, во-первых, обладают стабильностью, а образцы партийной конкуренции регулярно воспроизводятся. Во-вторых, партии прочно укоренились в обществе, а большинство избирателей имеют с ними сильную связь. В-третьих, политические акторы придают легитимность партиям и рассматривают их как необходимую часть демократической политики, даже если они критически настроены в отношении конкретных партий или партий вообще. В-четвертых, партии не подчинены интересам нескольких амбициозных лидеров, а приобретают собственный независимый статус и ценность [4, р. 4]. С помощью третьего и четвертого измерений можно, в первую очередь, оценить степень институционализации партий, которая означает их стабилизацию как социальных институтов и демонстрирует уровень гражданской компетентности, позволяющей обществу реально влиять на принятие политических решений. Так, по мнению К. Джанды, институционализация «может быть определена, как степень материализации партии в общественном сознании, в результате чего она существует независимо от собственных лидеров, регулярно вовлекаясь в значимые модели поведения» [5]. При помощи первого и второго измерений можно непосредственно определить степень институционализации партийных систем, которая представляет собой предсказуемость в отношениях между партиями в ситуации конкурентной борьбы за власть. Основой стабильности межпартийной конкуренции служат прочность партийно-групповых связей и устойчивость партийной идентификации избирателей, снижающие уровень электоральной подвижности. В то же время привычное распределение сил в партийной системе помогает избирателям увереннее свя-

зывать свои ожидания с представленными конкурирующими политическими альтернативами, что также сдерживает мобильность электората. В условиях же слабой социальной и партийной солидарности избирателей и неизбежного при этом конъюнктурного переформатирования партийных систем перед каждым парламентскими выборами электоральная подвижность усиливается, что делает отношения между партиями мало предсказуемыми. Таким образом, динамика электоральной подвижности, демонстрирующая интенсивность смены партийных предпочтений избирателей от выборов к выборам, выступает отчетливым индикатором уровня институционализации партийной системы.

Различаясь по содержанию, институционализация партий и партийных систем являются ключевыми условиями становления консолидированного демократического режима. В связи с этим возникает вопрос: какова последовательность этих двух процессов? Можно допустить, что неопределенность межпартийных отношений способствует снижению доверия избирателей к партиям как таковым. На начальном этапе транзита с такой проблемой столкнулись практически все посткоммунистические страны, оказавшиеся перед необходимостью осуществлять радикальные социально-экономические реформы. Поэтому в ходе электоральной борьбы партии, вынужденные действовать на относительно узком идеологическом поле, оспаривали способность друг друга к проведению данного комплекса реформ, но не саму их необходимость. Это в глазах избирателей делало партии слабо различимыми политическими акторами. Как справедливо отмечала А. Иннес, «если принять во внимание политические ограничения, становится очевидным, что давление демонтажа коммунистической системы оставило мало места для существенной конкуренции по поводу вариантов политики в такой важной области как экономика» [6, р. 2].

Однако по мере укоренения в посткоммунистических странах экономических отношений рыночного типа, возникновения новых линий социальных размежеваний, изменения массовой политической культуры и рутинизации демократического политического процесса партии укрепили свой авторитет в общественном сознании. Именно их организационная сплоченность и функциональная гибкость (при нали-

чи относительно широкой социальной опоры) могли обеспечить устойчивость системы межпартийного взаимодействия, несмотря на его остро конкурентный, а иногда и конфликтный характер. Таким образом, институционализацию партий следует рассматривать как фундаментальную предпосылку институционализации партийной системы в условиях политических отношений конкурентного типа. В этой связи нельзя не согласиться с утверждением Ф. Бертоа, З. Энеди и М. Мёлдера о том, что «институционализированные партии приводят к более стабильным партийным отношениям, но обратное в большинстве случаев неверно: системы, которые развивают предсказуемые модели партийных отношений, не обязательно способствуют институционализации самих партий» [7, р. 3]. Разумеется, партийная система может обрести относительную стабильность за счет создания государством препятствий на пути легализации тех или иных социально-политических сил и (в целом) снижения уровня состязательности в борьбе за власть. Но при этом замедляется процесс развития партий как социальных институтов и каналов политического влияния гражданского общества, что в стратегическом плане снижает потенциал устойчивости не только партийной, но и всей системы представительного правления. Примерами могут служить системы с доминирующей партией, действовавшие в различных странах мира. Так, в Мексике устойчивая, формально многопартийная система с ведущей ролью Институционно-революционной партии (ИРП), удерживавшей власть на протяжении большей части XX в., просуществовала вплоть до 2000 г., когда кандидат ИРП впервые потерпел поражение на президентских выборах.

Принятие партийной идеологии является, как известно, наиболее прочным основанием долгосрочной и устойчивой партийной идентификации избирателей, препятствующей росту электоральной подвижности и тем самым обеспечивающей институционализацию партийной системы. Особенностью посткоммунистических обществ было отсутствие либо крайне слабое проявление тех социальных размежеваний, которые исторически служили источниками формирования партийной идентификации граждан. В отличие от западноевропейских государств, в посткоммунистических странах партии не располагали социальными и политическими основаниями, достаточны-

ми для обретения отчетливого идеологического лица. Исходя из этого, Г. Китшелът предложил для этой группы стран свою типологию политических партий: харизматические, клиентистские и программные. Харизматические партии привлекают избирателей личными качествами лидеров, но не предоставляют выбора между проектами развития общества. Клиентистские партии делают ставку на патронаж, обретение лояльности избирателей за счет материальных стимулов, а не идей. Программные партии нацелены на реализацию проектов общественного устройства на базе определенной идеологической доктрины, которая служит средством мобилизации избирателей. «Хотя программные партии создать труднее, чем харизматические или клиентистские партии, — отмечал Г. Китшелът, — они с большей вероятностью будут способствовать консолидации и стабилизации демократических режимов, чем два альтернативных вида связи партии и избирателей» [8, р. 450]. Действительно, именно партии, опирающиеся на ценностно-идеологические, а не на эмоциональные и утилитарные мотивы электоральной поддержки, острее ощущают свою политическую ответственность перед социальными группами и устанавливают с ними стабильные связи. В то же время четкие границы идеологических размежеваний между партиями сдерживают электоральную подвижность избирателей, делая конкуренцию предсказуемой. Поэтому следует ожидать, что уровень институционализации партийной системы будет повышаться по мере формирования ее состава в большей степени программными, а не клиентистскими и, тем более, харизматическими партиями.

В поисках ответа на вопросы, какие факторы, в какой степени, по отдельности или в сочетании влияют на процесс институционализации партийных систем, политологи в посткоммунистических странах выдвинули немало гипотез и утверждений. Имеющиеся оценки можно свести к двум традиционно конкурирующим подходам: социокультурному и институционально-нормативному. Сторонники первого полагают, что успех институционализации партийных систем зависит от объективных факторов, таких как характер социальных размежеваний, тип политической культуры, степень распространения в массовом сознании ценностей выживания и самовыражения, специфика предшествовавшего неде-

мократического режима. Сторонники второго, отвергая социальный детерминизм, считают, что стабилизация партийных систем является результатом продуманных решений элит в политико-институциональной сфере.

Следует признать, что особенности посткоммунистического транзита усилили роль субъективного фактора в процессе становления как партийных, так и систем представительного правления в целом. В отличие от поставторитарных, где демократические режимы складывались в обществах с устоявшимися социальными размежеваниями и относительно развитой культурой самовыражения, в посткоммунистических странах они создавались в обществах со слабо выраженными социальными размежеваниями и преобладающей культурой выживания. Другими словами, крайняя ограниченность благоприятных для возникновения демократических институтов объективных факторов компенсировалась в посткоммунистических странах усилиями политических элит в деле конструирования этих институтов. Предполагалось, что устанавливаемые властью институционально-нормативные рамки поведения политических акторов «вынуждают их, приспособляясь к «правилам игры», менять свои предпочтения и тем самым в некоторой степени формируют эти предпочтения» [9, с. 79]. В первую очередь, такими институционально-нормативными рамками выступают системы правления, фиксирующие ту или иную степень разделения государственных властей.

Можно допустить, что более успешно институционализация партийной системы проходит в условиях парламентской республики. Действующее при такой системе правления право парламентских партийных фракций формировать, контролировать, отправлять в отставку правительство стимулирует рост организационной и идейной сплоченности партий, что придает им характер структур программного типа. В результате укрепляется как идеологическая связь каждой партии с электоратом, так и ответственность партий перед избирателями в целом. Напротив, при президентской республике, где парламентские партийные группы не участвуют в формировании правительственного кабинета и не обладают правом отправлять его в отставку, партии выступают главным образом инструментом привлечения электоральной поддержки для кандидатов в ходе всенародных прези-

дентских выборов, рассчитывая на получение постов в структурах исполнительной власти, создаваемой президентом-победителем. После президентских выборов партии, исполнившие роль «избирательных машин», отходят на второй план, что в определенной мере снижает их ответственность перед избирателями за проводимый правительственный курс. В этих обстоятельствах замедляется организационное и идейное развитие партий, и они обретают характер структур клиентистско-харизматического типа. Но так как утилитарные и тем более эмоциональные основания партийной идентификации избирателей не столь прочны, как идеологические, сохранение относительно высокого уровня электоральной подвижности свойственно именно президентским, а не парламентским системам. В ситуации полупрезидентской республики партии могут приобретать в большей степени черты организаций программного или клиентистско-харизматического типа — в зависимости от той роли, которую играет президент в создании и функционировании исполнительной власти. Премьер-президентская система, где правительство несет ответственность только перед парламентом, укрепляет программный характер партий. Президентско-парламентская система, где правительство отвечает как перед парламентом, так и перед президентом, может способствовать усилению клиентистско-харизматического характера партий.

Таким образом, следует предполагать, что степень предсказуемости межпартийной конкуренции будет повышаться по мере становления более партийно-ориентированной, а не персонориентированной политики. Иными словами, продвижение в направлении от президентской к президентско-парламентской, в дальнейшем — к премьер-президентской и, наконец, — к парламентской системе должно сопровождаться снижением уровня электоральной подвижности, а следовательно, более прочной институционализацией партийной системы. В этой связи вполне убедительным выглядит утверждение Г. Китшельта о том, что «партии склоняются больше к организации вокруг программной конкуренции, если правила игры «деперсонализируют» политическую власть и тем самым подрывают отношения патрон-клиент и харизматические авторитеты в пользу «политических команд», объединяющихся вокруг политических платформ» [8, р. 452].

В ходе разработки конституций посткоммунистических стран их составители столкнулись с непростой дилеммой — что обеспечить в первую очередь: широкую представительность или высокую эффективность органов государственной власти, сильную законодательную или сильную исполнительную власть? Решение задач политического и экономического реформирования посттоталитарного общества требовало и того, и другого. К тому же, учитывая ограниченное распространение в политической культуре посткоммунистических элит навыков урегулирования конфликтов, необходимо было минимизировать вероятность возникновения острого противостояния парламента и президента по вопросу приоритетного влияния на правительство. Видимо, поэтому в большинстве посткоммунистических стран Европы в итоге было отдано предпочтение премьер-президентской республике, способной в наибольшей степени поддерживать баланс между законодательной и исполнительной властью. Ряд стран сделали выбор в пользу парламентской республики. Отказ же от использования президентской республики говорил о стремлении не допустить политических кризисов, провоцируемых, как известно, системой разделения властей с типичным для нее противоборством сильного

главы исполнительной власти — президента — и независимого законодательного собрания. Как справедливо отмечал А. Кроувел, анализируя политическое развитие этой группы посткоммунистических стран в 1990-е гг., «большинству новых демократий Восточной и Центральной Европы, похоже, удалось избежать конституционного выбора, ведущего к тупиковым ситуациям между исполнительной и законодательной властью» [10, р. 13]. Размышляя, в каком направлении — парламентаризации или президентализации — будет продвигаться руководство этих стран в дальнейшем, исследователь склонялся к тому, что парламенты сохранят приоритетное влияние на процесс формирования и функционирования исполнительной власти. В последующий период этот прогноз в целом оправдался. Переход Словакии в 1999 г. и Чехии в 2013 г. от парламентских выборов президента к прямым, всенародным выборам главы государства не подорвал действовавшую в этих странах систему сотрудничества властей, так как привел к установлению премьер-президентского типа республики.

Таким образом, системы правления, принятые в рассматриваемой группе посткоммунистических стран Европы, благоприятствовали развитию партийно-ориентированной политики

Таблица / Table

**Системы правления и индексы электоральной подвижности в период 2011–2023 гг. /
Systems of government and indices of electoral volatility in the period of 2011–2023**

Страна	Система правления	Индекс электоральной подвижности 2011–2019 гг.	Индекс электоральной подвижности 2016–2023 гг.
Венгрия	Парламентская	16,9	46,5
Латвия	Парламентская	40,8	48,1
Эстония	Парламентская	19,8	12,8
Румыния	Премьер-президентская	44,1	21,8
Словакия	Премьер-президентская	29,8	38,1
Словения	Премьер-президентская	41,6	39,1
Чехия	Премьер-президентская	31,3	48,9
Болгария	Премьер-президентская	21,3	26,7
Литва	Премьер-президентская	39,9	24,1
Польша	Премьер-президентская	32,3	19,4

Источник / Source: рассчитано автором по: URL: www.parties-and-elections.eu; www.electionguide.org / calculated by the author based on: URL: www.parties-and-elections.eu; www.electionguide.org

и приобретению партиями черт организаций программного типа. Поэтому, с теоретической точки зрения, здесь следовало бы ожидать успешной институционализации партийных систем, и прежде всего в парламентских республиках: Венгрии, Латвии и Эстонии. Однако значения и динамика индекса электоральной подвижности не дают оснований для однозначного подтверждения такого предположения. Как следует из данных *таблицы*, только Эстония в обозреваемый период демонстрировала стабильно низкие значения индекса электоральной подвижности. Несмотря на то, что на парламентских выборах 2019 г. на политическую арену вышла, а в 2023 г. заметно улучшила свои электоральные показатели новая партия — Эстония 200, структура конкуренции не изменилась. В течение долгого времени партийную систему Эстонии неизменно составляли: Партия реформ, Центристская партия, Консервативная народная партия, Социал-демократическая партия, партия «Отечество». В тот же период в Латвии наблюдался стабильно высокий уровень электоральной подвижности за счет как активного перемещения поддержки электората от одной из действующих партий к другой, так и голосования избирателей за новые партии. Так, по итогам парламентских выборов 2022 г., три новые партии — «Объединенный список», «За стабильность», «Латвия на первом месте», получившие в сумме почти 25% голосов избирателей, вошли в парламент. В Венгрии значительный рост уровня электоральной подвижности произошел главным образом в результате изменения расстановки партийных сил, а не смены партийных предпочтений избирателей. Ряд партий, утвердившихся на политической арене страны и самостоятельно участвовавших в парламентских выборах 2014 и 2018 гг., на выборах 2022 г. объединились в оппозиционную коалицию «Вместе за Венгрию» с целью противостоять коалиции Фидес-ХДНП, длительное время находящейся у власти. В какой-то мере это переформатирование партийной системы стало результатом влияния действующей смешанной избирательной системы. Избрание значительной доли депутатов венгерского парламента в одномандатных округах с использованием мажоритарной системы вынуждает партии создавать коалиции для выдвижения совместных кандидатов, способных заручиться поддержкой более 50% избирателей округа.

Премьер-президентские республики в рассматриваемой группе стран несколько различаются в плане полномочий глав государств. Согласно методике подсчета индекса формы правления, предложенной О. И. Зазнаевым, Болгария, Литва, Польша являются сбалансированными полупрезидентскими системами, где президент обладает не только церемониальными, но и отдельными реальными полномочиями, а Румыния, Словакия, Словения — парламентаризованными системами, в которых президент выполняет только церемониальные функции. [11, с. 154]. К парламентаризованным системам следует отнести и Чехию — после перехода к прямым выборам президента в 2013 г. Учитывая вышеизложенные теоретические подходы, следовало бы ожидать более низкого уровня мобильности электората в парламентаризованных, а не сбалансированных системах. Однако, как видно из *таблицы*, наблюдается противоположная ситуация. В парламентаризованных системах средний показатель индекса электоральной подвижности в 2011–2019 гг. составлял 36,7, а в 2016–2023 гг. — 36,9, в сбалансированных же системах в те же периоды он был равен 31,1 и 23,4 соответственно. Таким образом, доминирующая роль парламента в организации, функционировании и контроле исполнительной власти не оказывает стабилизирующего воздействия на партийную систему. Эти количественные данные скорее указывают на то, что прямые выборы президента, располагающего хотя бы некоторыми реальными полномочиями, в большей степени сдерживают фрагментацию партийной системы, чем прямые выборы президента как исключительно символической фигуры.

Весьма противоречивая картина динамики мобильности электората в парламентских республиках, а также уровень электоральной подвижности — более высокий в парламентаризованных республиках, чем в сбалансированных полупрезидентских, ставят под сомнение значимость системы правления как фактора, влияющего на институционализацию партийных систем в странах «новой» демократии. В этой связи следует согласиться с утверждением С. Волинеца, что «в конечном счете, партийная система не может быть институционализирована, если она не имеет

регулярного и четко выраженного ядра, компоненты которого изменяются постепенно, с регулярными и предсказуемыми моделями взаимодействия» [12, р. 15]. Видимо, в посткоммунистических странах Европы, как когда-то в западноевропейских государствах, формирование устойчивого набора партий как гаранта предсказуемости межпартийной конкуренции зависит в большей степени от зрелости объективных факторов: структуры социальных размежеваний и типа массовой политической культуры. Подтверждением ограниченного влияния институциональных факторов на стабилизацию партийных систем посткоммунистических стран Европы являются и неоднозначные политические результаты применения избирательных систем. Так, отмеченные выше значительно различающиеся уровни электоральной подвижности в Эстонии и Латвии имели место в условиях действия одного и того же типа избирательной системы — пропорциональной, с открытыми списками и 5%-ным заградительным барьером, которая должна бы содействовать укреплению партийной идентификации граждан. Высокий уровень мобильности электората наблюдался и в других странах, применяющих пропорциональную систему, прежде всего в Словакии, Словении

и Чехии. В то же время, несмотря на использование в Литве смешанной пропорционально-мажоритарной избирательной системы, при которой должно усиливаться «стратегическое голосование» избирателей и, следовательно, нарастать интенсивность смены их партийных предпочтений, уровень электоральной подвижности был весьма умеренным.

Подводя итоги, можно констатировать, что сохранение в посткоммунистических странах Европы довольно высоких значений индекса электоральной подвижности свидетельствует об ограниченной степени институционализации партийных систем. Сравнение уровней мобильности электората в рассматриваемой группе стран не подтверждает предположения о том, что межпартийная конкуренция приобретает стабильность и предсказуемость в условиях систем правления с сильной политической ролью парламента, которые объективно должны способствовать развитию партий программного типа. Следует признать, что непрочность идеологической партийной идентификации избирателей, во многом сохраняющаяся персонификация партий как главные препятствия институционализации партийных систем являются следствием объективных социально-экономических и социокультурных факторов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Bertoa F.C. Party system institutionalization and its sources: reducing causal complexity in post-communist Europe. URL: https://www.google.com/url?esrc=s&q=&rct=j&sa=U&url=https://www.partylaw.leidenuniv.nl/uploads/wp1511.pdf&ved=2ahUKEwi547m3idGEAxVQGBAIHduzDDcQFnoECAQAQAg&usg=AOvVaw2CArjK8rS9qLOG1wuBLd_s
2. Deutsch K. Social mobilization and political development. *The American Political Science Review*. URL: https://www.google.com/url?esrc=s&q=&rct=j&sa=U&url=https://cool.ntu.edu.tw/files/1018470/download%3Fdownload_frd%3D1&ved=2ahUKEwiw3Iu7jtGEAxU4EBAlHbXrAzgQFnoECAkQAQAg&usg=AOvVaw1uPmHdhVSuY9b1Hbd038jC
3. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция; 2004. Huntington S. Political order in changing societies. Moscow: Progress-Tradicia; 2004. (In Russ.).
4. Mainwaring S., Torcal M. party system institutionalization and party system theory after the third wave of democratization. URL: https://www.google.com/url?esrc=s&q=&rct=j&sa=U&url=https://www.researchgate.net/publication/264888729_Party_system_institutionalization_and_party_system_theory_after_the_third_wave_of_democratization&ved=2ahUKEwi86rqFitGEAxU6HBAIHQAOAjYQFnoECAkQAQAg&usg=AOvVaw2i2mvRZrm3w13jc1RmtVtN
5. Janda K. Comparative political parties: research and theory. URL: https://www.google.com/url?esrc=s&q=&rct=j&sa=U&url=https://janda.org/comparative%2520parties/Janda_on_parties.htm&ved=2ahUKEwjUv9aYjNGEAXULLRAIHb64CTMQFnoECAkQAQAg&usg=AOvVaw1NdbwPdGAU4Et90iOyPp5f
6. Innes A. Party Competition in Post-Communist Europe: The Great Electoral Lottery. P. 2 2002. URL: https://www.google.com/url?esrc=s&q=&rct=j&sa=U&url=http://aei.pitt.edu/9279/1/Innes.pdf&ved=2ahUKEwjcofK6i9GEAXXhEhAIHcJ8BjgQFnoECAQAQAg&usg=AOvVaw35k4g8nloZKLXntJ_OdOiV

7. Bertoa F., Enyedi Z. Molder m. party and party system institutionalization: which comes first? URL: https://www.google.com/url?esrc=s&q=&rct=j&sa=U&url=https://www.researchgate.net/publication/374800631_Party_and_Party_System_Institutionalization_Which_Comes_First&ved=2ahUKEwj178XkhtGEAxX8PhAIHaCWBTCQFnoECAIQAg&usg=AOvVaw1_6GQRvaa6bsHFiYsVuLGW
8. Kitschelt H. Formation of party cleavages in post-communist democracies: theoretical propositions. *Party Politics*. 1995;1(4):447–472.
9. Чепель С.Л. Влияние институционального фактора на динамику электоральной подвижности в посткоммунистических странах Европы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета* 2023;13(4):77–84. Chepel S.L. The impact of institutional factor on the dynamics of electoral volatility in post-communist countries of Europe. *Gumanitarnye Nauky. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(4):77–84 (In Russ.).
10. Krouwel A. Measuring presidentialism of Central and East European Countries. URL: https://www.google.com/url?esrc=s&q=&rct=j&sa=U&url=https://research.vu.nl/files/74101103/2C_48BD_55-668E-41F8-9ACCE_44BDE_49E_34C&ved=2ahUKEwj01-WukdGEAxU_8JRAIHRMQDzcQFnoECAoQAg&usg=AOvVaw21mU_1AA_vu8FCXpQpRld58
11. Зазнаев О.И. Индексный анализ полупрезидентских государств Европы и постсоветского пространства. *Политические исследования*. 2007;(2):146–164. Zaznaev O. I. Index Analysis of semi-presidential states in Europe and post-soviet space. *Politicheskie Issledovaniya=Political Studies*. 2007;(2):146–164. (In Russ.).
12. Wolinetz S. Party System Institutionalization: Bringing the System Back In. URL: https://www.google.com/url?esrc=s&q=&rct=j&sa=U&url=https://citeseerx.ist.psu.edu/document%3Frepid%3Drep1%26type%3Dpdf%26doi%3D509bbd1d69cfe47a12b7775e34ce95c0d4337034&ved=2ahUKEwi86rqFitGEAxU_6HBAIHaqOAJYQFnoECAAQAg&usg=AOvVaw0C_8mUltVAGTfyQ-4vZ0rnK

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Сергей Львович Чепель — кандидат исторических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; доцент кафедры политологии, Финансовый университет, Москва, Россия

Sergey L. Chepel — Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof. of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; Assoc. Prof. of the Department of Political Science, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-7962-6337>

SLChepel@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.04.2024; принята к публикации 05.05.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.04.2024; accepted for publication on 05.05.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ORIGINAL PAPER

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-53-60

УДК 338.28,330.341.1,339.98(045)

Либерализм против неолиберализма: социальный реванш «байденоники»

С.А. Толкачев

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются условия и причины расцвета и упадка неолиберальной экономической идеологии в США. Актуальность исследования обусловлена концептуальными проблемами обоснования и реализации экономической политики администрации президента США Дж. Байдена на фоне сохраняющегося инерционного потенциала неолиберальной идеологии. На основе историко-логического анализа доктринальных концепций выявлено, что обозначение совокупности неоконсервативных и либертарианских идей термином «неолиберализм» является неточным и дискуссионным. Популярность неолиберализма в начале 1980-х гг. обусловлена кризисом сложившихся в середине XX в. идей и практики настоящего прогрессивного либерализма кейнсианско-рузвельтианского толка. В работе анализируются экономические мемы либерализма, где основное внимание уделено «просачиванию сверху вниз». Экономическая политика Дж. Байдена — «байденоники» — охарактеризована как настоящий возврат к идеям и практике американского прогрессивного либерализма. Показано, что налоговая политика администрации Байдена представляет собой существенный отход от неолиберальных принципов, также как и усиление нормативного регулирования экономики, активизация контактов с профсоюзами и полномасштабная промышленная политика, направленная на реиндустриализацию Америки, особенно в части высокотехнологичных отраслей. Альтернативная экономическая политика — «трампономика» — в своей основе также противостоит неолиберализму, несмотря на такие фрагментарные совпадения с последним, как дерегулирование и снижение налогов. Однако промышленная политика Трампа, в основном в виде таможенной защиты внутреннего рынка, оказалась более выгодной средне-, а не высокотехнологичным отраслям. Парадоксальный «трампо-байденровский консенсус» по вопросам промышленной политики и протекционизма с точки зрения неолибералов есть отход от единственно правильного «свободного рынка», но фактически является подтверждением абсурдности неолиберального наследия для решения актуальных задач современного экономического развития США.

Ключевые слова: либерализм; неолиберализм; неоконсерватизм; «байденоники»; «рейганоники»; промышленная политика; протекционизм; свобода торговли

Для цитирования: Толкачев С.А. Либерализм против неолиберализма: социальный реванш «байденоники». *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(3):53-60. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-53-60

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Liberalism Versus Neoliberalism: The Social Revanche of “Bidenomics”

S A. Tolkachev

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article explores the conditions and origins of the rise and fall of neoliberal economic doctrine in the United States. Its relevance stems from the conceptual challenges of justifying and implementing the economic policies of the Biden administration in light of the continued influence of neoliberal thinking. Based on a historical and logical analysis of doctrinal principles, it is argued that the use of the term “neoliberalism” to describe a set of neo-conservative and libertarian ideas is inaccurate and contentious. The popularity of neoliberal doctrine in the early 1980s was driven by the crisis in the ideals and practices of progressive liberalism derived from the Keynes-Roosevelt era of the mid-20th century. The article examines the economic memes of liberalism, with a particular focus on the “trickle-down” economic policy approach. Biden’s economic policy, commonly referred to as “Bidenomics,” can be described as a return to the ideals and practices of progressive American liberalism. The tax policies of the Biden administration represent a significant deviation from neoliberal principles, with increased regulatory oversight of the economy and a focus on increased collaboration with trade unions. Additionally, the administration

has implemented a full-fledged industrial policy aimed at reindustrializing America, particularly in high-technology sectors. Alternative economic policy – “trumponomics” – is fundamentally opposed to neoliberalism despite some similarities with the latter, such as deregulation and tax cuts. However, the industrial policy of the Trump administration, primarily in the form of protectionist measures to safeguard the domestic market for domestic industry, has proven to be more advantageous for medium-sized rather than high-tech companies. The apparent “Trump-Biden consensus” on industrial policy and protectionism, from the perspective of neoliberals, represents a departure from the “free market” ideal, but in reality it confirms the inadequacy of neoliberal policies for addressing the urgent challenges of contemporary economic development in the United States.

Keywords: liberalism; neoliberalism; neoconservatism; “bidenomics”; “reaganomics”; industrial policy; protectionism; free trade

For citation: Tolkachev S. A. Liberalism versus neoliberalism: The social revanche of “bidenomics”. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(3):53-60. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-53-60

ВВЕДЕНИЕ

Неолиберализм как экономическая доктрина в США и западном мире сейчас пребывает в глубоком «пессимизме», будучи помещенным в «стеклянную призму» общественного негодования [1] по поводу наблюдаемых сегодня печальных последствий его сорокалетнего господства. Авторитетный и популярный либеральный экономист, нобелевский лауреат Джозеф Стиглиц в статье с показательным названием «Неолиберализм надо признать мертвым и похоронить» выносит приговор этому недавно модному течению: «Неолиберальный эксперимент — более низкие налоги для богатых, дерегулирование рынков труда и продукции, финансиализация и глобализация — оказался впечатляющим провалом» [2].

«Байденомика», опирающаяся на промышленную политику и «большое» правительство, скрывающее все неряшества и излишества «свободного рынка», отражает кардинальный поворот западного политикума от неолиберальных химер к более здравомыслящей и ответственной экономической политике [3]. Поскольку всплеск неолиберализма в экономике отождествляется с «рейганомикой» в США и «тэтчеризмом» в Великобритании, нелишне будет вспомнить, почему за этими консервативными доктринами закрепился не совсем адекватный термин.

НЕОЛИБЕРАЛИЗМ ИЛИ НЕОКОНСЕРВАТИЗМ?

Почему-то основные черты экономической политики Р. Рейгана (снижение налогов, сокращение объемов государственного регулирования), разработанной представителями консервативных школ экономической мысли, были очень быстро названы неолиберализмом. Хотя в начале 1980-х гг. популярнейший либеральный экономист Дж. К. Гэлбрэйт совершенно справедливо говорил о «рейганомике» как о реванше консерваторов над настоящими американскими либералами

кейнсианско-рузвельтианского толка. Примитивная, устаревшая и малонаучная, с точки зрения Гэлбрэйта, консервативная идеология с ее верой в свободный рынок как средство решения проблем непрерывно усложняющейся экономики является проявлением интеллектуального регресса. Хорошо известно, что настоящий современный либерализм — это идеология активного государственного вмешательства в экономику и социальные отношения при сохранении ценностей либерализма, сложившаяся в США в 1940–1960-е гг.

Неолиберализм — явление, безусловно, междисциплинарное, охватывающее, помимо экономики, и другие общественные науки. В одной из работ он представлен в трех основных «лицах»: интеллектуальный, бюрократический и политический [4]. Экономическая компонента неолиберализма заключена в «бюрократической» ипостаси и выражается в таких известных направлениях реформ, как либерализация, дерегулирование, приватизация, деполитизация и монетаризм. Но, пожалуй, базовым геномным принципом неолиберализма выступает убежденность в превосходстве индивидуализированной рыночной конкуренции над другими модусами организации общества.

Неолиберализм отрицает новый либерализм XX в., отбросивший так называемые фундаментальные принципы, а фактически — наивные экономические мемы XIX в., и перешедший к прогрессивным практикам государственного регулирования.

Дж. К. Гэлбрэйт называет этот период нового либерализма «эпохой консенсуса» разномастных правительств западного мира: «Все правительства во всех индустриальных странах при некоторых различиях были единодушны в следующем:

- Необходимо макроэкономическое регулирование с целью минимизировать безработицу и инфляцию. <...>
- Необходимо, чтобы обязанностью правительства стало обеспечение тех услуг, которые

в силу их характера не предоставляются частным сектором экономики.<...>

- Необходимо осуществлять меры по защите индивидуума от обстоятельств, противодействовать которым он бессилён, а именно: меры в области страхования от безработицы, выплаты пособий по социальному обеспечению, пенсий по старости, страхования здоровья, защиты окружающей среды, охраны труда и надзора за качеством потребительских товаров» [5, с. 64].

Сами неолибералы стали рассматривать этот сложившийся к середине XX в. мир крупнейших транснациональных корпораций, тотального общественного образования и здравоохранения, передовых научных учреждений, гигантской общественной инфраструктуры и прочих проявлений общественной экономики сквозь призму примитивных конструкций рынка как обменных операций индивидов. Гэлбрэйт недоумевает насчет такого запредельного цинизма или глупости неолибералов: «Отдает чем-то подозрительным, когда представители корпораций (или угодливые профессора политэкономии) вынуждены доказывать, что, с точки зрения экономики, «Экссон» и благодушный владелец газетного киоска у вашего дома — одно и то же, что каждым из них управляют те же самые неумолимые законы конкуренции, что и тот, и другой зависят от стихийно складывающихся рыночных цен, что ни один из них не играет в государстве сколько-нибудь значительной политической роли» [5, с. 71].

Современный экономист либерального толка Дин Бэйкер в статье с красноречивым названием «Неолиберализм не умер, он просто никогда не существовал» разоблачает устаревший интеллектуальный флер: «... никто на самом деле не был привержен свободному рынку без вмешательства правительства. ... так называемые неолибералы любили утверждать, что их политика направлена на неограниченный свободный рынок ... На самом деле неолибералы просто пытались структурировать рынок таким образом, чтобы перераспределить доходы общества снизу вверх, прикрывая это невидимой рукой рынка. ... Нет никакого рынка, которому можно было бы что-то оставить, рынки должны быть структурированы политикой» [6].

Неолиберализм возник и развивался вплоть до 1980-х гг. как сфера интеллектуальных развлечений той части западной интеллигенции, которая не поддавалась впечатляющему напору идей плановой экономики, государственного активизма и дирижизма, а также социализма — пусть даже рыночного.

Словом, лет 50 неолиберализм существовал как общество поклонников абстрактных идей Ф. Хайека, Л. фон Мизеса, К. Поппера и прочих духовных гурьев консервативной части общества, не принимающих непрерывно усложняющийся реальный мир. Этих интеллектуальных маргиналов объединяла духовная вера в магическую силу рыночной самоорганизации и религиозная ненависть к усложняющимся практикам государственного регулирования.

Настоящий американский либерализм, процветавший в середине XX в., исповедовал рузвельтианские принципы «большого и заботливого» государства, финансирующего масштабные инфраструктурные и социальные проекты, не чурающегося плановых принципов в важнейших отраслях экономики, прежде всего в военнопromышленном комплексе.

«Либералы середины века не были против капитализма и частного предпринимательства. Напротив, они считали, что правительственные программы и сильные профсоюзы сделают капиталистическую экономику более продуктивной и более справедливой. Они хотели спасти капитализм от его собственных неудач и эксцессов» [7].

Понимание либерализма сместилось в область защиты свобод каждой личности, в первую очередь в материальном плане. В середине 1960-х гг. Линдон Джонсон провозгласил доктрину «Великого общества» как государства, обеспечивающего всем гражданам без исключения достойный уровень жизни. Для этого предлагалось радикальное перераспределение доходов от богатых — бедным. В своей знаменитой речи Джонсон говорил: «Мы собираемся взять все деньги, которые, по нашему мнению, тратятся напрасно, взять их у «имущих» и отдать их «неимущим», которым это так нужно» [8].

КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ МАРГИНАЛЫ ВСТАЛИ У РУЛЯ

Однако кризисные 1970-е гг. подорвали доверие к идеологии либерализма как защиты интересов всех граждан. На поверхность стали всплывать идеи опоры на богатых как самых умных и полезных членов общества. Такие мысли веками накапливались в трудах выразителей интересов крупной буржуазии, и к исходу XX-го в., после грандиозных интеллектуальных впрысков всего спектра социал-реформистских воззрений, это было похоже на «восстание мертвецов». Неолиберальные идеи экономистов-мечтателей, преимущественно из Чикагского университета, смеша-

лись со столь же маргинальной либертарианской традицией, гордившейся своим экстремальным консерватизмом в вопросе о функциях государства, и в результате появилось триумфальное направление, доминировавшее в интеллектуальном дискурсе обществоведов около сорока лет.

Ярлык «неолиберал» подошел целому ряду политиков: от ярких либертарианцев, склонных к программному антиэтатизму, до таких новых демократов, как Билл Клинтон, который поддерживал политические цели «Нового курса» и «Великого общества», но внушал, что есть лучшие средства их достижения через пресловутые «рынки».

Неоконсервативная по своей сути «рейганомика» получила неолиберальную окраску благодаря, прежде всего, идеям либерализации мировых финансовых рынков. Старинная консервативная доктрина свободной торговли под прикрытием теории сравнительных преимуществ Д. Рикардо слилась с доктриной либерализации финансовых рынков и породила неолиберальную неоконсервативную «рейганомику», получившую гигантскую популярность в мире в виде заповедей «Вашингтонского консенсуса». После развала СССР и всего социалистического блока «Вашингтонский консенсус» перешел из разряда абстрактных заповедей в ранг единственно возможного и самого разумного свода практических рекомендаций по достижению идеального глобального мироустройства или «конца истории», как выразился один нетерпеливый политолог того времени.

Не станем много говорить об огромной популярности неолиберальной интеллектуальной мысли в России в конце 1980-х гг., когда приобщение к трудам Ф. Хайека, Л. Мизеса и М. Фрийдмена рассматривалось как возврат к истинной экономической мудрости библейского свойства. Мощный наркотицизирующий импульс привлекательных и тривиальных в своей наивной простоте неолиберальных идей очаровал множество российских обществоведов. Причем некоторые из них продолжали исповедовать данную «религию» и в период проявившегося кризиса глобальной экономики, основанного на конструкциях «Вашингтонского консенсуса». Даже в 2009 г. появлялись статьи, в которых на основе теоретических особенностей либертарианской концепции минимального государства проводился анализ пределов государственного вмешательства в экономику и обосновывалась необходимость и достаточность минимального государства, ограниченного только защитными функциями [9].

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕМЫ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА

Неолиберальная экономическая идеология для завоевания морального господства выработала доступные для понимания рядовых граждан простейшие экономические мемы¹ или наукоподобные упрощенные теоретические конструкции, оправдывающие реализацию неоконсервативных ценностей в экономической политике. Хорошо известны такие мемы, как эффект Лаффера, денежное правило М. Фрийдмена или более широкий мем об обязательной неэффективности государственного сектора по сравнению с частным. Не имея возможности погружаться в обстоятельное опровержение данных мемов (что уже сделано в экономической литературе бесчисленное количество раз), приведем мнение Дж.К. Гэлбрэйта из упоминавшейся работы, написанной на старте распространения неолиберальных идей: «Кривая Лаффера», в действительности представляющая собой попросту кустарную поделку, послужила еще одним антиналоговым аргументом» [5, с. 69]. Отвечая на поверхностную риторику неолибералов об обязательной неэффективности госсектора, Гэлбрэйт отмечает, что, применяя одинаковые оценки к качеству управления, можно убедиться, что государственная бюрократия явно не хуже, чем частная: «Некомпетентность и нерезультативность руководства частных корпораций общеизвестны. Столь же общеизвестна господствующая там бесчестность. На протяжении многих лет корпорация «Крайслер» славилась в автомобильных кругах своей органической неспособностью вести свои дела» [5, с. 73]. В подтверждение ничтожности низкопробного спекулятивного аргумента неолибералов отметим разворачивающуюся сейчас историю невиданного управленческого кризиса во всемирно известной и стопроцентно частной корпорации «Боинг» [10].

Одним из малоизвестных в России экономических мемов «рейганомики» является эффектная конструкция о «просачивании сверху вниз» как средстве активизации экономики. Его незамысловатая суть заключается в том, что снижение налогов на богатых, что и было проведено в период «рейганомики», высвобождает средства для инвестирования «сверху вниз» в новые проекты,

¹ Мем (англ. meme) — это идея, символ или образ, которые быстро распространяются от человека к человеку. Мем в экономической теории — эффектно и доступно сформулированная идея, опирающаяся на авторитет экономических исследований.

выгоду от которых получают все остальные слои общества, включая беднейшие. Экономическая команда Рейгана, представлявшая «просачивание» как новейшую экономическую идею прогрессивных экономистов неоконсервативного толка, кривила душой. Дело в том, что данный экономический мем под названием «экономика лошадей и воробьев» был популярен еще в 1890-е гг. Тогда, до наступления эры автомобилей, его незатейливый метафорический смысл, оправдывающий налоговые послабления для богатых, заключался в том, что, если кормить лошадей овсом в количестве большем, чем они обычно могут переварить, непереваренные остатки в навозе послужат кормом для воробьев. Так оправдывались излишества богачей, которые якобы превращаются в благо для всего общества.

29-й президент США Уоррен Хардинг (1921–1923) осуществил снижение верхней налоговой шкалы для богатых от 73 до 25%, результатом чего стали «ревушие 20-е годы», когда богатые становились богаче, а у трудящихся заработная плата фактически падала. Все это завершилось «черным четвергом» 24 октября 1929 г., «Великим крахом», который положил начало тому, что вплоть до избрания в 1952 г. президента-республиканца Дуайта Эйзенхауэра называлось «Великой республиканской депрессией»².

Выражение «кормить воробьев через лошадей» стало настолько популярным мемом в идеологии экономической политики, что приобрело разнообразные вольные трактовки, порой искажающие его исходный смысл. Первоначально оно обозначало, что воробьев (беднейшие слои) можно накормить, непосредственно разбросав овес на дороге или «пропустив» его через лошадь (богатые слои). Но некоторые напористые неолибералы стали трактовать второй (собственно неолиберальный) способ как антилиберальный, называя «лошадью» большое государство с его проектами, субсидиями и стимулами. Так, авторы Центра государственной политики МакКинака, некоммерческого исследовательского и образовательного института, «бросающего вызов злоупотреблениям правительства и выступающего за рыночный подход к государственной политике», используют мем о лошади и воробьях ровно противоположно исходному смыслу: «Лошадь в нашем примере представляет собой правительственную бюрократию, созданную для поддержки программ

экономического развития. Суть в том, что придется платить бюрократам за то, чтобы они забрали ваши деньги и перераспределили их кому-то другому. Расходы на поддержку этих программ просто лишают предпринимателей ресурсов, которые они могли бы использовать для создания большего количества рабочих мест по собственному желанию» [11].

Кстати, упомянутый мем очень показателен для идентификации отличий либеральных и неолиберальных экономистов. Для либералов классического прогосударственного толка середины XX в., воспитанных в духе кейнсианско-рузвельтианского консенсуса, воробьи — это широкие массы бедного населения, а лошадь — крупные корпорации. Кормить воробьев без помощи лошади означает финансировать масштабные социальные программы. Но для этого нужно урезать корм лошади (повысить налоги на крупный бизнес). Кормить воробьев «через лошадь» для либералов — это извращение политики неоконсерваторами, стремящимися снизить налоги на бизнес, чтобы объевшаяся «лошадь» оставила после себя корм для воробьев.

Для неолибералов, особенно для наиболее радикальных либертарианцев, воробьи — это не бедные слои, а все «свободолюбивые» граждане, среди которых, согласно Гэлбрэйту, и «Экссон», и мелкий лавочник — одинаковые «агенты рынка». Лошадь для неолибералов — это не крупные корпорации, а разросшееся государство. Чтобы накормить воробьев непосредственно, а не «через лошадь», нужно всемерно сокращать как государственные расходы, так и налоги.

«БАЙДЕНОМИКА» КАК ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Президент Джо Байден, возрождающий либеральную повестку против неолиберальной, оказался верен доктринальным установкам лучших президентов-демократов в части сглаживания чрезмерного социального неравенства. В выступлении на совместном заседании Конгресса 28 апреля 2021 г. он жестко критиковал доктрину «просачивания сверху вниз»: «Экономика просачивания сверху вниз никогда не работала, и пришло время развивать экономику снизу и посередине»³. Он стал первым президентом-демократом после Линдона Джонсона, провозгласившим принцип «просачивания снизу вверх».

² URL: <https://www.milwaukeeindependent.com/thom-hartmann/40-year-con-trickle-reaganomics-republicans-toxic-class-warfare-spreads-poverty/>

³ URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-before-joint-session-the-congress-3>

Рузвельтианский либерализм Байдена воплощается в амбициозных программах обновления промышленной инфраструктуры и стимулирования высокотехнологичных производств, означающих проведение настоящей промышленной политики и реиндустриализации страны.

Все основные программы стимулирования экономики, запущенные президентом-демократом, отражены в научной литературе — как в аналитическом [12], так и в политэкономическом [13] аспектах. Отметим дополнительно, что только самый первый в ряду знаменитых законов «Американский план спасения», принятый весной 2021 г., предусматривал пакет стимулов на 1,9 трлн долл., направляемых, прежде всего, на помощь беднейшим слоям населения, малообеспеченным и безработным. Как отмечали тогда экономические обозреватели, для нового президента это не просто план, а «декларация его экономической политики, которая отражает принцип, отстаиваемый демократами и либеральными экономистами на протяжении последнего десятилетия: лучший способ стимулировать экономический рост — это движение снизу вверх»⁴.

Налоговая политика демократической администрации сделала явный поворот в сторону повышения нагрузки на богатых. Помимо всех прочих новаций, Байден в речи перед Конгрессом 7 марта 2024 г. пообещал увеличить ставку налога на 1000 американских миллиардеров до 25% с нынешних (в среднем) 8,2%, что позволит собрать 500 млрд долл. в течение следующих 10 лет⁵. В целом планы новой налоговой реформы, в случае их реализации, будут означать изъятие из экономики в бюджет примерно 5,3 трлн долл. с 2024 по 2034 г.

Основные детали новой налоговой эскалации:

- увеличение ставки корпоративного подоходного налога с 21 до 28%;
- увеличение корпоративного альтернативного минимального налога, введенного Законом о снижении инфляции, с 15 до 21%;
- увеличение в четыре раза — с 1 до 4% — налога на выкуп акций, введенного в соответствии с Законом о снижении инфляции;
- увеличение ставки налога на глобальный нематериальный доход с низким налогообложением (GILTI) с 10,5 до 21%;

⁴ URL: <https://www.nytimes.com/2021/03/06/business/economy/biden-economy.html>

⁵ URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2024/03/07/remarks-of-president-joe-biden-state-of-the-union-address-as-prepared-for-delivery-2/>

- расширение базы налога на чистый инвестиционный доход (NIIT) путем включения в него не пассивного дохода от бизнеса, увеличение ставки NIIT до 5% на доход выше 400 тыс. долл. США (с 2024 г.);

- увеличение ставки федерального индивидуального подоходного налога до 39,6% на доходы индивидов свыше 400 тыс. долл. США и 450 тыс. долл. США — для лиц, подающих декларацию совместно. Причем, с учетом дополнительных ставок штатов и индивидуальной части налога на национальную программу медицинского страхования Medicare, ставка повышается до 47,6%⁶.

Прочие более мелкие и специализированные налоговые новации, по оценкам консервативного Фонда налогообложения, будут способствовать существенному повышению совокупной налоговой нагрузки, превышающей уровень остальных стран Организации экономического сотрудничества и развития, что приведет к падению конкурентоспособности американской экономики. Однако Байден сознательно проводит столь опасную с электоральной точки зрения политику, последовательно воплощая модернизированные либеральные принципы середины XX в. в наше неопределенное в концептуальном плане время.

Либерализм байденовской администрации прослеживается не только в налоговой эскалации, но и в широком диалоге с профсоюзами. Например, осенью 2023 г. Байден, получивший неофициальный титул «самого профсоюзного» президента Америки, присоединился к бастовавшим работникам самого мощного американского профсоюза автомобилестроителей (UAW). Надев корпоративную бейсболку и встав на деревянный ящик из рабочего цеха завода General Motors на окраине Детройта, президент вызвал аплодисменты, сказав толпе из примерно двухсот человек, что они «заслуживают значительного повышения заработной платы». Хотя многие американские президенты не чурались заигрываниями с профсоюзами, история не знает случаев, чтобы кто-либо из них выходил на пикет — Байден был первым⁷.

Разумеется, либерализм демократической администрации проявляется в усилении государственного нормативного регулирования. По сравнению с администрацией Трампа, которая

⁶ URL: <https://taxfoundation.org/research/all/federal/biden-budget-2025-tax-proposals/>

⁷ URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2023/09/26/biden-uaw-picket-line/>

проводила менее последовательную работу и хаотично переходила от кризиса к кризису, федеральные агентства при Байдене издали примерно в два раза больше правил, считающихся «экономически значимыми» (в настоящее время определяемых как «приносящие как минимум 200 млн долл. ежегодного эффекта для экономики»)⁸.

ВЫВОДЫ

Подводя итоги, отметим, что реванш прогрессивного либерализма над консервативным неолиберализмом в США имеет фундаментальные основания, вызванные органической неспособностью неолиберальных «рецептов» экономической политики справляться с новыми глобальными вызовами как американской, так и мировой экономики. Краткосрочный положительный эффект от примитивных способов дерегулирования, либерализации всех рынков и замены производительных секторов экономики на финансовые оказался исчерпан уже к концу первого десятилетия 2000-х гг., а глубокие и долгоиграющие отрицательные последствия неолиберальной революции 1980-х гг. привели к тяжелому системному кризису всего западного мира.

При этом обе конкурирующие экономические программы — и «байденномика» и «трампономика» — далеки от основополагающих черт неолиберализма. Если экономический курс Байдена непосредственно воплощает утраченные идеалы прогрессивного либерализма, то экономическая политика Трампа, даже с его снижением налогов и дерегулированием, также не заслуживает быть принятой в «сакральные чертоги» неолиберализма. Уж слишком отличился президент-республиканец в слове глобализации,

⁸ URL: <https://www.nytimes.com/2024/04/03/business/biden-corporations-business-policy>

в тарифных войнах, в патриотической поддержке национального бизнеса, чтобы быть причисленным к лагерю неолиберальных пуристов. Либералы его относят к консервативным националистам, что имеет лишь отдаленное сходство с неолиберализмом. При этом сами неолибералы, еще не отошедшие от мысли о своем интеллектуальном превосходстве над всеми (и над «устаревшими» либералами, и над «безграмотными» патриотами-консерваторами), усматривают в, казалось бы, немислимом «трампо-байденском консенсусе»⁹, касающемся поддержки промышленности и приверженности протекционизму, угрозу своей любимой «свободе торговли» и «частной инициативе».

Таким образом, этот невероятный «трампо-байденский консенсус» по вопросам экономической политики лишний раз доказывает полнейшую исчерпанность потенциала неолиберальных идей и оттеснение неолиберализма в маргинальную область обществоведческого и политического ареала. При этом инерционный потенциал неолиберализма остается еще довольно высоким, что проявляется в интенсивном потоке публикаций в защиту его экономических принципов. Особенно это заметно в публикациях тех аналитических центров и глобальных СМИ, которые всегда выражали интересы глобального финансового капитала. Однако реальные политические группировки, борющиеся за власть в США, строят свои программные установки на критике неолиберального наследия, поскольку актуальные задачи экономического развития Америки не могут быть выполнены на базе его примитивных и отживших рекомендаций.

⁹ URL: <https://www.ft.com/content/3cb2c4fd-58eb-4e25-9750-99c5566d0fdf>

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета. Финансовый университет, Москва, Россия.

ACKNOWLEDGEMENTS

The paper was prepared on the research results carried out at the expense of budgetary funds within the framework of the government research assignment to the Financial University. Financial University, Moscow, Russia.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Karma R. Reaganomics Is on Its Last Legs. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2024/05/tariffs-free-trade-dead/678417/> (дата обращения: 02.07.2024).
2. Stiglitz J. Neoliberalism must be pronounced dead and buried. Where next? The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/business/2019/may/30/neoliberalism-must-be-pronounced-dead-and-buried-where-next>

3. Толкачев С.А. Фундаментальные векторы реиндустриализации и промышленной политики администрации Дж. Байдена: итоги первой половины президентского срока. *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2023;(4);16–33.
Tolkachev S.A. Fundamental vectors of reindustrialisation and industrial policy of the Biden administration: the results of the first half of the presidential term. *SSHA i Kanada: ehkonomika, politika, kul'tura = USA and Canada: economy, politics, culture*. 2023;(4);16–33 (In Russ.).
4. Lee M.S. What is neo-liberalism? *Socio-Economic Review*. 2008;4 (6);703–731.
5. Гэлбрейт Дж.К. Наступление консерваторов. *Мировая экономика и международные отношения*. 1982;(1):64–77.
Galbraith J.K. The Conservative Onslaught. *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*. 1982;(1):64–77 (In Russ.).
6. Baker D. Neo-Liberalism Is Not Dead, It Never Lived. CEPR. URL: <https://www.cepr.net/neo-liberalism-is-not-dead-it-never-lived/>
7. Menand L. The Rise and fall of neoliberalism. *The New Yorker*. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2023/07/24/the-rise-and-fall-of-neoliberalism>
8. Bartlett B. It Took the democrats half a century to rediscover trickle-up economics. URL: <https://newrepublic.com/article/162334/trickle-up-economics-biden-lbj-democrats>
9. Раквиашвили А. Либертарианская концепция государства: логика и мораль. *Вопросы экономики*. 2009;(9):119–131.
Rakviashvili A. Libertarian concept of the state: logic and morality. *Voprosy ekonomiki = Economic issues*. 2009;(9):119–131. (In Russ.).
10. Толкачев С.А. Как Боинг оказался в ауте из-за аутсорсинга. URL: https://kapital-rus.ru/articles/article/kak_boing_okazalsya_v_aute_iz_za_autsorsinga/
Tolkachev S.A. How Boeing found itself in trouble due to outsourcing. URL: https://kapital-rus.ru/articles/article/kak_boing_okazalsya_v_aute_iz_za_autsorsinga/ (In Russ.).
11. LaFaive M.D. State economic development: Are we feeding sparrows through a horse? URL: <https://www.mackinac.org/6689>
12. Толкачев С.А. Промышленная политика «байденомики» в период смены технологического и мирохозяйственного укладов. *Экономическое возрождение России*. 2023;(4);21–41.
Tolkachev S.A. Industrial policy of “Bidenomics” in the period of change of technological and world economic structures. *Ehkonomicheskoe vrozozhdenie Rossii = The Economic Revival of Russia*. 2023;(4);21–41. (In Russ.).
13. Толкачев С.А. Противоречия политической экономии «байденомики». *Вопросы политической экономии*. 2023;(4);55–75.
Tolkachev S.A. Contradictions of the political economy of «Baidenomics». *Voprosy politicheskoi ehkonomii = The Problems of Political Economy*. 2023;(4);55–75. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Сергей Александрович Толкачев — доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории, Финансовый университет, Москва, Россия

Sergey A. Tolkachev — Dr. Sci. (Econ.), Prof. of the Department of Economic Theory, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-3766-2246>
satolkachev@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.05.2024; принята к публикации 12.06.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 15.05.2024; accepted for publication on 12.06.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-61-68
УДК 316.422(045)

Методические подходы к исследованию доверия в трансформирующихся экономических отношениях

Е.В. Воеводина

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются зарубежные подходы к количественному исследованию доверия в экономической сфере (Edelman Trust Barometer, World Values Survey, PwC, Google, McKinsey и др.). Выделены ключевые закономерности, актуальные для изучения доверия; сделан вывод о том, что трансформация социальных отношений требует пересмотра традиционных механизмов формирования доверия в экономике. Автором предложено альтернативное уравнение доверия на основе подхода Д. Майстера, Ч. Грина и Р. Гэлфорда, где ключевыми показателями – ресурсами формирования доверия – являются репутационный капитал, общность ценностей, прозрачность действий и соучастие в деятельности акторов. Предложенный подход может быть использован в исследованиях как институционального, так и межличностного доверия в экономике.

Ключевые слова: доверие; трансформация экономических отношений; инклюзивная экономика; методика исследования доверия; уравнение доверия

Для цитирования: Воеводина Е.В. Методические подходы к исследованию доверия в трансформирующихся экономических отношениях. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(3):61-68. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-61-68

ORIGINAL PAPER

Methodological Approaches to the Study of Trust in Transforming Economic Relations

E.V. Voevodina

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article analyzes foreign approaches to the quantitative study of trust in the economic sphere (Edelman Trust Barometer, World Values Survey, PwC, Google, McKinsey and other). Relevant regularities for trust research are proposed. It is concluded that the transformation of social relations requires a revision of the traditional mechanisms for the formation of trust in the economy. The authors proposed a trust equation based on the approach of D. Maister, C. Green and R. Galford. In this equation, the key indicators-resources for building trust are reputation capital, community of values, transparency of actions, participation in activities of actors. The proposed approach can be used in studies of both institutional and interpersonal trust in the economy.

Keywords: trust; transformation of economic relations; inclusive economy; methodology for researching trust; trust equation

For citation: Voevodina E.V. Methodological approaches to the study of trust in transforming economic relations. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(3):61-68. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-61-68

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Актуальность изучения доверия в нестабильном и трансформирующемся мире сложно переоценить. Эпидемии, военные конфликты, экономические кризисы — это далеко не полный перечень глобальных вызовов, способных нанести вред социальной ткани человеческих взаимоотношений. Общество стоит на пороге масштабного кризиса доверия, в связи с чем прежние традиционные механизмы его формирования требуют переосмысления [1]. Так, согласно данным Edelman Trust Barometer 2022 (ЕТВ), в большинстве стран наблюдается снижение экономического оптимизма и одновременно — рост личной тревоги, экзистенциальных страхов, таких как изменение климата, атомная война, голод, энергетический кризис. На этом фоне утрачивается доверие институтам, особенно средствам массовой информации, правительству и неправительственным организациям. Причем доверие к бизнесу и социальные ожидания от работодателей растут.

Наибольшим доверием, по данным Edelman, у граждан во всем мире пользуются ученые (76%), коллеги по работе (73%), непосредственные руководители (64%), соседи (63%) и члены местных сообществ (61%)¹. Что касается постсоветского пространства, то снижение обобщенного доверия наблюдалось, по данным World Values Survey (WVS), еще в 2017 г.² При этом Россия вошла в первую «десятку» стран с наиболее низкими показателями — только 22,9% наших соотечественников считали, что большинству людей можно доверять. Таким образом, одним из актуальных исследовательских вопросов для социологов становится изучение механизмов доверия в изменяющемся мире, а также обогащение методических инструментов, позволяющих реализовать данную задачу.

ДОВЕРИЕ В ТРАНСФОРМИРУЮЩИХСЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Связь экономических показателей и доверия проиллюстрирована в работах П. Кауха, Я. Албера, Р. Иглхарт, Д.А. Авдеевой. Основной вывод исследователей: чем выше уровень доходов на душу населения, тем люди больше доверяют друг другу [2, с. 43]. При этом Р. Инглхарт и К. Вельцель,

анализируя роль ценностей, традиций, сложившихся иерархических отношений, справедливо отмечают, что экономический фактор — не единственный, определяющий уровень доверия. Так, общества с развитыми горизонтальными связями, по мнению авторов, характеризуются большим доверием, чем жестко иерархичные [3, с. 112], — это, в первую очередь, страны с протестантской и конфуцианской этикой. Такой вывод хорошо согласуется не только с веберинской теорией, но и сущностью доверия, описанной Дж. Коулманом: «Человек доверяет, если он или она добровольно предоставляет ресурсы в распоряжение другой стороны без каких-либо юридических обязательств от последнего, но с расчетом на то, что акт доверия окупится»³. Доверие в обществе с развитыми горизонтальными связями в русле теории М. Грановетера можно рассматривать как социальный капитал, воспроизводимый и наращиваемый индивидами в рамках сетевой структуры. Оно неотъемлемо от таких понятий, как «принадлежность», «социальное участие» и «членство» — именно поэтому сегодня его уместно рассматривать в русле деятельностно-феноменологического подхода, где оно становится одним из неотъемлемых ресурсов intersubъективных коммуникаций [4, с. 152].

Касаясь вопроса трансформации экономических отношений, отметим, что важными тенденциями для развитых стран конца первой четверти XXI в. стала ориентация на социальное многообразие и инклюзию, ответственность и экологичность компаний, что подразумевается доктриной устойчивого развития. Переосмысливаются базовые принципы хозяйственных систем, где соответствие моделям *ESG (environment, social, governance)* и *DEI (diversity, equity, inclusion)* становится условием не только роста, но и конкурентоспособности компаний. Так, по данным McKinsey & Company, в 2019 г. инклюзия и социальное разнообразие были характерны для компаний с высокими показателями роста: у организаций, где существует гендерное разнообразие, прибыль увеличилась на 25%, а где этническое — на 36%⁴. Все большую актуальность приобретает парадигма инклюзивной

³ Там же.

⁴ URL: <https://www.mckinsey.de/~media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Deutschland/News/Presse/2020/2020-05-19%20Diversity%20Wins/Report%20Diversity-wins-How-inclusion-matters%202020.pdf>

¹ URL: <https://www.edelman.co.uk/2022-edelman-uk-trust-barometer>

² URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp>

экономики, расширяющей доступ к благам для больших групп населения, ранее считавшихся пассивными экономическими акторами: людей «серебряного» возраста, инвалидов, мигрантов, бедных и других социально уязвимых слоев [5]. Вышеобозначенные тенденции требуют осмысления новых подходов к интерпретации социальных механизмов воспроизводства доверия в экономических отношениях. Исследования показывают, что и для потребителей, и для партнеров в рамках новой реальности становится важным не только результат, но и то, какими средствами и инструментами он был достигнут. Так, например, согласно PwC, 70% потребителей «готовы платить больше за продукты питания, произведенные с соблюдением этических норм», а 14% — отказаться от компаний, нарушающих такие требования⁵. Похожие результаты получены Google и Ipsos относительно цифровой политики компаний: если пользователи-потребители не понимают, что будут делать с их данными, или узнают о фактах неэтичного обращения с ними, то откажутся от дальнейшего сотрудничества⁶. Механизмы доверия, таким образом, усложняются, с одной стороны, становясь все более зависимыми от этической составляющей и социальной повестки, а с другой стороны — требуя обеспечения прозрачности деятельности компаний и понимания ее внутренней «кухни».

ОБЗОР МЕТОДИК И РЕЗУЛЬТАТОВ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДОВЕРИЯ

Зарубежные количественные методики направлены на диагностику как институционального, так и межличностного доверия, охватывая при этом вопросы цифрового и потребительского доверия (см. *таблицу*). Наиболее масштабные проекты Edelman Trust Barometer и World Values Survey являются мониторинговым инструментом в проведении сравнительного межстранового анализа. Кроме того, ЕТВ обращается к диагностике социального самочувствия респондентов — оценке прошлого, текущей ситуации, социального оптимизма («Через пять лет я и моя семья будем

жить лучше»)⁷. То есть доверие рассматривается в совокупности с такими качествами, как уверенность и предсказуемость.

По результатам исследований, представленных в обзоре, выделим ключевые принципы изучения доверия, актуальные для экономической сферы:

1. Необходимость комплексного анализа, где трансформация экономических отношений неразрывно связана с трансформацией ценностной сферы. Изменение установок и жизненных ценностей потребителей и работников компаний ярко выражено у поколений Y и Z. И для тех, и для других важны вышеупомянутые принципы ESG и DEI, что определяет доверие не только к производителям товаров и услуг, но и к работодателям и деловым партнерам.

2. Доверие в экономической сфере все больше сопрягается с факторами цифровой политики и качеством платформенных коммуникаций. Цифровая культура экономических агентов, которые заслуживают доверия, должна характеризоваться такими параметрами, как «надежность», «открытость», «ясность», «доступность», «обратная связь». Значимым фактором доверия становится опыт обезличенного «другого» в виде интернет-отзывов и рейтинговые платформы.

3. Новые формы экономических отношений, такие как шеринг, актуализируют необходимость изучения «горизонтального» доверия, которое складывается между участниками, разделяющими использование одного и того же продукта или товара. Так, в исследовании, основанном на модели ЗР (К. Вайнхардт, Т. Тойбнер, Ф. Хавличек), было проанализировано три измерения доверия — «пользователь-пользователь», «пользователь-платформа», «пользователь-продукт» — и отмечено, что все они одинаково значимы [6].

4. Политика роста социального разнообразия в рамках ESG и DEI ставит вопрос об исследовании доверия для инклюзивной экономической модели, в частности его воспроизводства в мультикультурной среде, «типичных» и «нетипичных» социальных акторах.

Кроме того, исходя из анализа источников, можно выделить четыре актуальных направления трансформации экономических отношений, оказывающих значительное влияние на воспро-

⁵ URL: <https://www.pwc.com/gx/en/services/family-business/family-business-survey.html>

⁶ URL: <https://www.thinkwithgoogle.com/intl/en-gb/future-of-marketing/privacy-and-trust/research-customer-privacy-practices/>

⁷ URL: <https://www.edelman.co.uk/2022-edelman-uk-trust-barometer>

**Обзор методик измерения доверия в международных исследованиях /
Review of Methods for Measuring Trust in International Studies**

Название исследования (организации)	Метод и выборка	Показатели методики
World Values Survey (WVS)	Формализованное интервью по территориально-стратифицированной выборке или компьютерное интервью (CAPI). N = 1500	Межличностное (обобщенное) доверие, дистанция доверия по социальным группам
Edelman Trust Barometer (Edelman)	Онлайн-опрос по квотированной выборке (пол, возраст, место жительства). N = 32 000	Социальные ожидания и социальное самочувствие, институциональное доверие, дистанция доверия по социальным группам, внутривострановое и внешневострановое доверие, социальное неравенство как фактор доверия/недоверия
Family Business Survey (PwC)	Онлайн-опрос владельцев бизнеса по территориально-стратифицированной выборке, N = 2043	Мотивация бизнеса, компетентность, качественные характеристики инструментов деятельности компании (честность, прозрачность), социальная и экономическая эффективность компании
Think with Google (Google, Ipsos)	Онлайн-опрос интернет-пользователей по квотированной выборке (пол, возраст, регион). Выборка репрезентативна для европейских стран-участников, количественные данные не представлены	Маркетинговые и цифровые факторы доверия: веб-дизайн сайта и технология сбора персональных данных, возможность сохранить конфиденциальность пользователя, кибербезопасность и принципы хранения данных
Digital trust (McKinsey)	Онлайн-опрос топ-менеджеров компаний (N = 1333) и потребителей (N = 3073). Выборка квотирована по отраслевым видам деятельности компаний	Показатели цифрового доверия: политика компании в отношении клиентских данных и кибербезопасность, доверие клиентов к хранению данных компаний, прозрачность деятельности компании, доверие к продуктам на базе искусственного интеллекта

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

изводство доверия (см. рисунок). ESG и DEI являются взаимосвязанными элементами в рамках парадигмы экономики устойчивого развития и инклюзивной экономики, а цифровизация (включая электронную коммерцию) и развитие совместного потребления становятся отдельными векторами.

Таким образом, помимо традиционных социальных механизмов формирования доверия, таких, как репутация и правые гарантии, увеличивается важность этических действий экономи-

ческих акторов, их социальной миссии и коммуникативных стратегий (например, открытости к обратной связи)

УРАВНЕНИЕ ДОВЕРИЯ

Обзор социологических исследований доверия показывает сложность данного феномена в экономических отношениях. В докладе аудиторско-консалтинговой компании «ФБК» (ФБК) справедливо отмечено, что традиционные инструменты измерения доверия в эко-

Рис. / Fig. Направления трансформации экономических отношений /
Directions of transformation of economic relations

Источник: составлено автором / Source: compiled by the author.

номике, такие как «индекс потребительских ожиданий» или «индекс делового доверия», описывают лишь один из его аспектов⁸. В свою очередь, предложенный ФБК индекс доверия в экономике предполагает оценку фактических (статистических) показателей, потому как социологические инструменты, по замыслу разработчиков, могут давать субъективные искажения. Расширенная структура индикаторов, предложенных ФБК, охватывает разных экономических акторов и подразумевает анализ доходов населения, объема иностранных инвестиций, вложений кредитных организаций в ценные бумаги и т.д.⁹ Данная методика, на наш взгляд, не только позволяет дать оценку доверию через экономические действия акторов, но и затрагивает экономический климат. Однако человеческая деятельность детерминирована не только рациональными мотивами. Если перейти от homo economicus к социальной сущности индивида, можно отметить, что доверие — это феномен, в первую очередь, субъективный, который, хоть и может быть описан через количественные показатели, не лишен эмоционально-оценочной составляющей, в связи с чем актуален смыслодеятельностный анализ.

Говоря о социологических подходах, стоит обратиться к статье Е.А. Михайловой, анализирующей

уровнение доверия Д. Майстера, Ч. Грина и Р. Гэлфорда. Оно было предложено для экономической сферы и менеджмента как инструмент, позволяющий добиться успеха компании [7], но сегодня также применяется Фондом «Общественное мнение» для диагностики институционального доверия в политической сфере [8, с. 21]. Коэффициент доверия (Trustworthiness — T) определяется по формуле

$$T = \frac{C+R+I}{S}, \quad (1)$$

где: C — (Credibility) — убежденность, основанная на правдивости;
R — (Reliability) — надежность;
I — (Intimacy) — близость;
S — (Self-Orientation) — ориентация на себя.

Первый показатель (C) подразумевает, что объект доверия обеспечит возложенные на него обязательства. По мнению Е.А. Михайловой, сюда можно отнести, например, интерес к сообщениям президента, одобрение его деятельности и уверенность в завтрашнем дне [8, с. 22]. Показатель (R) — «надежность» в исследовании доверия государству — является синонимом «порядочности» и отражает соответствие между запросами (актуальными проблемами) населения и методами их решения, а также защиту интересов граждан (в том числе на международной арене). «Близость» (I) понимается как «вовлеченность в сферу интересов другой стороны» [8, с. 25], что связано с эффективностью решений, принимаемых

⁸ URL: <https://www.fbk.ru/upload/images/doverie1.pdf>

⁹ Там же.

объектом доверия. И, наконец, «ориентация на себя» — показатель готовности доверителя к действиям по реализации собственных интересов в разрешении проблемных ситуаций, если методы объекта доверия оказываются малоэффективными. В качестве примера Е. А. Михайлова отмечает, что во время пандемии коронавируса граждане (доверители) участвовали в добровольческих движениях, оказывая помощь тем, кто попал в трудную ситуацию, выполняя таким образом функцию социальной защиты и содействуя государству (объекту доверия). Приведенное уравнение, на наш взгляд, хорошо иллюстрирует деятельностную природу доверия, а выделенные показатели: «убедительность», «надежность» и «близость» — становятся основными ресурсами его воспроизводства. Однако, если ресурс оказывается слабым или «пустым» (например, в случае расхождения между декларируемыми целями и фактическими действиями объекта доверия), доверие снижается, а «ориентации на себя» — усиливается.

Может ли быть создано универсальное уравнение, применимое в отношении межличностного и институционального доверия? Мы предприняли попытку применить подход Д. Майстера, Ч. Грина и Р. Гэлфорда, опираясь на выделенные ранее ключевые принципы изучения доверия и векторы трансформации экономических отношений (см. рисунок). Таким образом, предлагается использовать следующие актуальные для данного предмета (трансформирующиеся экономические отношения) ресурсы — показатели доверия:

1. **Репутационный капитал** (Reputation capital — RC) — показатель, который включает такие индикаторные качества, как «надежность», «устойчивость», «уверенность», «предсказуемость», и обеспечивается через нормативные гарантии, поручительство, опыт самого субъекта-доверителя, значимого «другого» или «обезличенного другого» (рейтинги, отзывы) в отношении объекта доверия.

2. **Общность ценностей** (Community of values — CV) — единство этических принципов и ценностей экономических акторов (доверителя и объекта доверия). Выше мы указывали, что и для потребителей, и для других участников рыночных отношений важно соблюдение принципов социальной ответственности

и устойчивого развития (ESG и DEI), а в некоторых случаях — это основной фактор выбора компании или делового партнера.

3. **Прозрачность действий** (Transparency of actions — TA) — показатель, включающий «ясность», «открытость», «доступность». Его можно отнести к политике компаний и платформ, в том числе в области цифровизации, обработки данных, используемых средств, технологий и т.д. Так, например, в исследовании Google и Ipsos¹⁰ отмечается, что пользователи больше доверяют компаниям, которые объясняют, каким образом, где и для чего используются их личные данные при покупке товаров и услуг на платформах. Этот принцип работает и в межличностных коммуникациях — например, когда пациент обращается к доктору, а тот не просто назначает лечение, но и предоставляет доступ к медицинской карте, дает необходимые пояснения, — доверие возрастает [9, с. 127]. Наконец, практическую значимость такой «прозрачности» при производстве товаров и услуг в формировании доверия клиентов хорошо осознали маркетологи — это и онлайн-трансляции выращивания фруктов для сока, и экскурсии на фабрики, и пр.

4. **Соучастие в деятельности** (participation in activities — PA), куда можно отнести «принадлежность», «социальное участие» и «членство», что не только создает основу для прозрачности, но и в той или иной мере обеспечивает сопричастность акторов. Понимание того, что определенные действия самого доверителя могут повлиять на результат деятельности объекта доверия — это не просто возможность быть услышанным, но влияние, реализация потребности в принадлежности (что также актуально для шеринга). В маркетинге на это направлены всевозможные программы лояльности, клубные программы и карты, практика привилегированного обслуживания. Здесь значимы коммуникативные механизмы, в том числе «обратной связи», например, когда можно оставить отзыв и получить комментарий от компании (объекта доверия) или таких же пользователей-доверителей.

С учетом обозначенных показателей уравнение доверия в трансформирующихся экономических отношениях будет выглядеть следующим образом:

¹⁰ URL: <https://www.thinkwithgoogle.com/intl/en-gb/future-of-marketing/privacy-and-trust/research-customer-privacy-practices/>

$$T = \frac{RC + CV + TA + PA}{IL}, \quad (2)$$

где: IL (insurance of possible losses) — страхование возможных потерь, предполагающее оценку рисков актором-доверителем.

Это некоторого рода «запасной план» действующий актора-доверителя, «подушка безопасности» на случай, если стороны не достигнут ожидаемого результата. В качестве частных показателей могут быть использованы как экономико-статистические, например, объем страховых инвестиций компаний, диверсификация портфеля и т.д., так и социологические — субъективная оценка рисков доверителем, выбор «альтернативных» инструментов (продуктов, услуг, компаний), степень лояльности и т.д.

ВЫВОДЫ

Трансформация социальных отношений требует пересмотра традиционных механизмов формирования доверия в экономике. Векторами, детерминирующими этот процесс, становятся: развитие электронной коммерции и цифровизация, модели совместного потребления, соответствие принципам экономики устойчивого развития, в том числе инклюзивной экономики. С учетом

этого можно составить уравнение доверия для трансформирующихся отношений, где ключевыми показателями — ресурсами формирования доверия — являются репутационный капитал, общность ценностей, прозрачность действий, участие в деятельности акторов. Следует отметить актуальность мер, предложенных Д. Майстером, Ч. Грином и Р. Гэлфордом, по воспроизводству доверия — это вовлечение, выслушивание, формирование, представление и принятие [7]. Их концепция работы с клиентами, несмотря на то, что она имеет чисто прикладной характер, соответствует деятельностно-феноменологическому подходу. Так, по их мнению, компании должны быть заинтересованы в создании таких ситуаций, когда клиенты «расскажут больше о своих проблемах и потребностях» [7]. Обзор результатов исследований показывает, что в современных условиях механизмы доверия в экономике усложняются и, наряду с утилитарностью, становятся все более ориентированными на ценностную природу. Индивиды активно вовлекаются в социальную повестку и ожидают от экономических отношений «чего-то большего» — от прозрачности создания продукта или услуги до одобрения философии компаний.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment to the Financial University.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зеленков М.Ю., Тюриков А.Г. Модель вызовов доверию в современной Российской Федерации. *Социодинамика*. 2022;(2):26–43.
2. Авдеева Д.А. Роль доверия в экономике. *Социодиггер*. 2021;1–2(7):41–43.
3. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство; 2011.
4. Папакостас А. Становление цивилизованной публичной сферы: недоверие, доверие и коррупция. М.: ВЦИОМ; 2016.
5. Воеводина Е.В. Доверие как базовый принцип инклюзивной экономики: анализ концептуальных и методических подходов. *Теория и практика общественного развития*. 2023;3(181):38–43.
6. Hawlitschek, F., Teubner, T., Weinhardt, Ch. Trust in the Sharing Economy. *Die Unternehmung*. 2016;70(1):26–44.
7. Maister D.H., Green Ch.H., Galford R.M. The Trusted Advisor. Sydney: The Free Press; 2011.
8. Михайлова Е.А. Доверие: результаты коронавирусного стресс-теста. *Социодиггер*. 2021;1–2(7):19–40.
9. Vevere, V. Radical demand and spontaneity in K.E. Løgstrup's phenomenological ethics with continuous reference to S. Kierkegaard. *Horizon. Studies in Phenomenology*. 2021;10(1):123–139.

REFERENCES

1. Zelenkov M.Yu., Tyurikov A. G. Model of challenges to trust in the modern Russian Federation. *Sociodinamika = Sociodynamics*. 2022;(2):26–43. (In Russ.).
2. Avdeeva D.A. The role of trust in the economy. *Sociodigger*. 2021;1–2(7):41–43. (In Russ.).
3. Inglehart R., Welzel K. Modernization, cultural change and democracy: The sequence of human development. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2011. (In Russ.).
4. Papakostas A. Formation of a civilized public sphere: mistrust, trust and corruption. Moscow: VCIOM; 2016. (In Russ.).
5. Voevodina E. V. Trust as a basic principle of an inclusive economy: analysis of conceptual and methodological approaches. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*. 2023;3(181):38–43. (In Russ.).
6. Hawlitschek, F., Teubner, T., Weinhardt, Ch. Trust in the sharing economy. *Die Unternehmung*. 2016;70(1):26–44.
7. Maister D. H., Green Ch.H., Galford R.M. The trusted advisor. Sydney: The Free Press; 2011.
8. Mikhailova E.A. Trust: Coronavirus stress test results. *Sociodigger*. 2021;1–2(7):19–40. (In Russ.).
9. Vēvere V. Radical demand and spontaneity in K. E. Løgstrup's phenomenological ethics with continuous reference to S. Kierkegaard. *Horizon. Studies in Phenomenology*. 2021;10(1):123–139.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Екатерина Владимировна Воеводина — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга, доцент кафедры социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Ekaterina V. Voevodina — Cand. Sci. (Sociology), Leading Researcher of the Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Assoc. Prof. of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-6131-8301>

ekaterinavoevodina@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 08.02.2024; принята к публикации 18.05.2024.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 08.02.2024; accepted for publication on 18.05.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-69-75

УДК 168.5(045)

Технологический суверенитет как стимул развития отечественной науки

С.Ю. Коломийцев

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия

АННОТАЦИЯ

В современном мире наблюдается резкое изменение экономических и производственных отношений между странами, а процессы интеграции во многих случаях заменяются изоляцией, «островизацией» и суверенизацией. На данном фоне актуальным представляется анализ важнейших показателей российской науки и рассмотрение ее перспектив. В качестве основных показателей выбраны динамика числа ученых и их заработная плата, количество журналов и затраты на научные исследования. На основании полученных данных автор делает соответствующие выводы и надеется, что они поспособствуют дальнейшему грамотному управлению российской наукой и позволят обеспечить стабильное развитие России в новых экономических и политических условиях.

Ключевые слова: технологический суверенитет; «островизация»; импортозамещение; национальная безопасность; наукометрия; экономика знаний; наука; научное сообщество; список Forbes; философия науки

Для цитирования: Коломийцев С. Ю. Технологический суверенитет как стимул развития отечественной науки. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(3):69-75. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-69-75

ORIGINAL PAPER

Technological Sovereignty as a Stimulus for the Development of Russian Science

S. Yu. Kolomiitsev

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg, Russia

ABSTRACT

There is a sharp change in economic and production relations between countries in the modern world, and integration processes are replaced in many cases by isolation, "islandization" and sovereignization. Under these conditions, it seems relevant to analyze the most important indicators of Russian science and consider its future prospects. The dynamics of the number of scientists, the number of journals, the salaries of scientists and money allocated by the government for scientific research were chosen as the main indicators. Having examined these indicators and compared them with the indicators of other countries, the conclusions presented in the article have been drawn. The author hopes that the findings could contribute to the further competent management of Russian science and will ensure the stable development of Russia in new economic and political conditions.

Keywords: technological sovereignty; "islandization"; import substitution; national security; scientometrics; economics of knowledge; science; scientific community; Forbes list; philosophy of science

For citation: Kolomiitsev S.Yu. Technological sovereignty as a stimulus for the development of russian science. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(3):69-75. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-69-75

ВВЕДЕНИЕ

В XX в. стали заметно проявляться процессы глобализации, приводящие к международному сотрудничеству, что способствует бурному развитию науки и техники во всем мире. Тем не менее у этого явления есть и обратная сторона — зависимость от разработок и технологий других стран. Если между государствами существуют нормальные партнерские взаимоотношения, то это не важно, но в случае конфликта цепочки взаимодействия могут прерываться. Возможным выходом из такой ситуации является импортозамещение.

ИСТОРИЯ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА В РОССИИ И ДРУГИХ СТРАНАХ

Импортозамещение существовало с давних времен. Есть легенда, согласно которой во время Первой Пунической войны в III в. до н.э. Карфаген имел значительное преимущество перед Римской республикой на море. Но однажды случилась буря, и на римский берег оказалось выброшено карфагенское судно. Оно было передано местным инженерам, и через несколько месяцев у римлян появился собственный флот, состоящий из аналогичных судов. Не секрет, что при создании российского флота Петр I также в значительной степени ориентировался на зарубежные достижения в области судостроения, в результате чего появились отечественные фрегаты, шнявы, бригантины.

В СССР, по аналогии с иностранными, были сделаны первый советский крейсер «Киров», автомобили ГАЗ, Москвич-400, ВАЗ-2101. Известен факт, что в основу советских разработок ядерного оружия легли украденные данные «Манхэттенского проекта». Курс на копирование зарубежных процессоров Intel и компьютеров IBM был сформирован в 1967 г. Объективности ради необходимо заметить, что в разной степени к импортозамещению прибегали все страны на разных этапах своего развития, и данные примеры перечислены только по той причине, что они имеют отношение к России. Однако важно упомянуть, что копирование может быть полезным только при грамотном применении. Например, фирма AMD вначале занималась копированием процессоров Intel (благодаря чему смогла выйти на рынок), однако впоследствии стала

вполне самостоятельной. Если же строить свою производственную политику исключительно на копировании, то это приведет к отставанию и поражению в конкуренции.

В настоящее время в России наблюдается нехватка отечественных разработок и компонентов в условиях отсутствия иностранных. Так, Ф.С. Фомкин приводит большое количество примеров отрицательного влияния санкций на российскую науку. Например, по словам заведующей лабораторией эпигенетики Института общей генетики имени Н.И. Вавилова С.Л. Киселева, зависимость отечественных естественных наук от западных реагентов составляет не менее 90% [1, с. 109], и если, например, раньше отечественные процессоры делались на заводе в Тайване по технологической норме 5 нм, то в Зеленограде они могут изготавливаться по норме 90 нм, что не позволит заниматься актуальными разработками [1, с. 112].

В связи с указанными фактами в настоящее время на передний план выходит схожее с импортозамещением понятие — технологический суверенитет. К данному моменту в мире еще не сформировалось его четкого и однозначного понимания, спектр смыслов простирается от защищенности конфиденциальных данных до геополитического влияния на другие страны [2, с. 77] и часто отождествляется с кибер- или цифровой безопасностью [3]. Достаточно распространенным является определение, данное сотрудниками Института Фраунгофера по системным и инновационным исследованиям: «...способность государства или объединения государств быть обеспеченным технологиями, которые оно считает критически важными для своего благосостояния, конкурентоспособности и способности действовать, а также иметь возможность разрабатывать их или получать их из других экономических зон без односторонней структурной зависимости» [4, р. 2]. Мы под технологическим суверенитетом будем понимать независимость отечественных технологий от импорта (то есть производства в других странах).

С одной стороны, идея полного технологического суверенитета кажется утопичной, — ни одна страна в мире им не обладает и, возможно, никогда обладать не будет. Тем не менее все к нему стремятся. Например, в США с 2017 г. существует программа «Buy American and Hire American»,

задача которой заключается в повышении заработной платы, уровня занятости и защиты экономических интересов американских рабочих¹. В Китае в 2015 г. был принят стратегический план «Made in China — 2025», цель которого состоит в том, чтобы товары местного производства перестали ассоциироваться с дешевыми продуктами среднего качества, уменьшилась зависимость от иностранных высоких технологий и увеличилось производство в ряде отраслей, что сделает страну одним из мировых индустриальных лидеров² [5]. В Германии в 2013 г. сформулирована «Industrie 4.0», суть которой заключается в развитии собственных технологий и продуктивном взаимодействии с другими развитыми странами [6]. Отличия данных программ заключаются в том, что китайская ориентирована на экстенсивное увеличение производства и решение прикладных задач, а немецкая — на изменение всего производства в целом с опорой на фундаментальные исследования [7, с. 315]. Вооруженный конфликт с Китаем в 2020 г., а также пандемия коронавируса способствовали развитию в Индии программы «Atmanirbhar Bharat Abhiyan» («Самостоятельная Индия») для уменьшения зависимости от КНР и увеличения экспорта [8].

Подобные изменения стали происходить и в России. 14 апреля 2022 г. была создана Межведомственная комиссия Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам обеспечения технологического суверенитета государства в сфере развития критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, некоторыми функциями которой являются оценка необходимости и возможности импортозамещения в необходимых областях, развитие и поддержка производства отечественной продукции³. Проблема отечественной экономики и техники состоит в малом количестве производимых качественных товаров, необходимых в бытовых и государственных целях, что может привести к увеличению импорта, ослаблению и падению покупательной способности рубля, росту цен и падению промышленности и экономики.

В процессе создания концепции технологического суверенитета спецпредставитель Пре-

зидента России по вопросам технологического развития Д.Н. Песков обратил внимание на то, что наиболее вероятным сценарием развития, в противовес глобализации, является «островизация» — разделение мира на крупные технологические блоки, то есть создание своего собственного «острова», жители которого могут сами обеспечить себя всем необходимым, независимо от других государств, для чего и нужен технологический суверенитет⁴. В связи с этим изменяется характер экономических отношений: если раньше их основой выступали деньги, то теперь — технологии. Но для этого в стране должна появиться «вторая промышленность» — с опорой не на государство, а на научные сообщества и университеты, которые и станут формировать рынок будущего. С точки зрения Пескова, будущее экономики — за сильными инженерными школами и командами, создающими сложные системы на основе фундаментальных и прикладных знаний⁵.

КАК СТАТЬ МИЛЛИАРДЕРОМ В XXI ВЕКЕ?

В связи с вышесказанным интересно обратить внимание и проанализировать список самых богатых людей мира, составленный Forbes в 2022 г. В первой десятке, помимо остальных, находятся Илон Маск, Билл Гейтс, Ларри Пейдж, Сергей Брин, Ларри Эллисон⁶. Этим людей объединяет то, что все они сделали свое состояние, развивая новые технологии, причем техникой и точными науками они увлекались с детства.

Согласно статистике, основная масса представителей списка Forbes заработали деньги благодаря усердной работе: 53% миллиардеров начинали с того, что успешно трудились в других организациях, а 17% сразу занимались своим бизнесом. 75% имеет высшее образование: 39% — техническое или естественно-научное, а 36% — в области управления бизнесом и экономикой. Все остальные направления подготовки (в основном это касается людей с гуманитарным образованием) составляют гораздо меньший процент⁷. Таким образом,

¹ URL: <https://www.uscis.gov/archive/buy-american-and-hire-american-putting-american-workers-first>

² URL: https://www.uschamber.com/assets/archived/images/final_made_in_china_2025_report_full.pdf

³ URL: http://scrf.gov.ru/about/commission/MVK_KII/

⁴ URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/09/06/2022/62a0e95b9a79472d8b713207>

⁵ URL: <https://youtu.be/TMEDztSJnOc>

⁶ URL: <https://www.forbes.ru/milliardery/461025-20-bogatejsih-ludej-mira-2022-rejting-forbes>

⁷ URL: <https://www.aaronwallis.co.uk/what-makes-a-billionaire/>

можно заключить, что наличие высшего технического или образования в области ведения бизнеса является хорошим бонусом для попадания в список Forbes.

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ НАУКОМЕТРИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

В 2021 г. был опубликован седьмой доклад ЮНЕСКО по науке [9]. Рассмотрим некоторые показатели, приведенные в нем и других источниках, а затем проанализируем и сравним их.

Начнем с наиболее общего — увеличения числа ученых. С 2014 по 2018 г. их стало больше на 13,7%, и сейчас во всем мире насчитывается около 9 млн представителей науки [9, с. 54]. В России же за этот период количество ученых, к сожалению, сократилось на 9% — примерно до 406 тыс. [9, с. 54]. Согласно исследованию Высшей школы экономики, общее число людей, работающих в научной сфере, уменьшилось с 2010 по 2021 г. на 10% и насчитывает примерно 663 000 чел., а количество исследователей — около 389 тыс. чел. [10, с. 32]. Среди мировых лидеров такая тенденция наблюдается только в России. С другой стороны, несмотря на это, наша страна по данному показателю по-прежнему находится на 6-м месте в мире, значительно уступая только Китаю, США и Японии.

Другим показателем является рост количества научных журналов. В настоящее время, по разным оценкам, в мире их насчитывается от 40 тыс. до 1 млн, но известно, что каждые 20 лет их число удваивается, как и количество ученых [11]. В России объем научных изданий также растет [12, 13]. По статистике elibrary.ru, на конец 2023 г. на сайте зарегистрировано около 15 тыс. журналов, примерно 6 тыс. из которых индексируются в РИНЦ, а 15 лет назад их было примерно 5 тыс., что соответствует трехкратному росту. Безусловно, приведенные данные являются завышенными по причине того, что в 2010 г. не все российские издания были проиндексированы в РИНЦ, но, тем не менее, характер роста понятен и в целом соответствует мировой научной динамике. Согласно статистике на сайте scimagojr.com, из 27 955 журналов, входящих в Scopus на конец 2023 г., 507 — российские. Это всего 1,8%, однако в списке наша страна занимает 11 место, значительно уступая только США и Великобритании, у каждой из которых — более 6 тыс. журналов в базе.

В 2011 г. на долю Евросоюза приходился 31% всех научных статей, далее шли США (26%) и Китай (11%). Россия в данном рейтинге занимала 15-е место (1,7%). Общее количество публикаций в мире с 2015 по 2019 г. выросло на 21% [9, с. 31]. В то же время, согласно сайту elibrary.ru и интернет-архиву, с марта 2015 по март 2019 г. общее число публикаций в России выросло на 44%, а по данным ЮНЕСКО — на 60% [9, с. 55]. В результате в 2021 г. доля российских научных работ в мире составляла уже 4,8%, что соответствует 10-му месту.

Возможно, наиболее важным показателем является доля ВВП, потраченная на научные исследования. Пороговым значением, необходимым для успешного развития науки, считается 2%. С 2014 по 2018 г. этот показатель вырос с 1,73 до 1,79%. Так, если в середине XX в. в США тратили на науку 1% ВВП, то сейчас — около 2,8%; в Евросоюзе на научные исследования уходит чуть больше 2% ВВП, а в Китае с 1996 по 2018 г. доля ВВП увеличилась с 0,6 до 2,2% [9, 10]. Что же касается России, то аналогичный показатель с 2014 по 2018 г. уменьшился с 1,07 до 0,99% [9, с. 53], а в 2022 г. составил 0,94% [14]. Безусловно, данные цифры являются низкими, но примерно 80% стран мира тратят на науку менее 1% ВВП, а небольшое понижение показателя можно связать с отставанием роста финансирования науки от роста ВВП.

Для полноты исследования необходимо рассмотреть уровень заработных плат ученых. Единой статистики нет, однако из различных открытых источников и личного опыта известно, что их средние зарплаты в ведущих научных мировых державах составляют примерно 4–8 тыс. долл. в месяц. В России, благодаря, в первую очередь, «майским указам», в последние годы наметился значительный рост, и с 2014 по 2021 г. оплата труда ученых выросла в 2,5 раза и официально составляет в среднем 120 тыс. руб. (или 1300 долл.) в месяц [10, с. 35]. Данные цифры значительно отстают от мировых, даже с учетом других уровней налогов и цен, однако положительная динамика хорошо заметна, и по скорости роста зарплат Россия является одним из лидеров.

ВЫВОДЫ

Мы рассмотрели пять основных научных показателей: количество ученых, количество научных журналов, число научных публикаций, финан-

сирование науки и заработную плату ученых. Ни по одному из них Россия не является лидером, однако по трем входит или близка к десятке лучших. Важнее обратить внимание на то, что у большинства показателей присутствует положительная динамика, и ее сохранение может уже в скором времени вывести Россию в лидеры. Для максимально эффективного развития необходим некий дополнительный стимул, которым и становится формирующийся технологический суверенитет. В.К. Фальцман отмечал, что одним из путей достижения технологического суверенитета способно стать появление социального заказа российской науке [15, с. 91]. Именно это сейчас и происходит — наша наука находится на пороге, преодоление которого выведет Россию в мировые лидеры, а промедление приведет к значительному отставанию и упадку. На стратегическую и жизненную важность развития технологического суверенитета в современных условиях и его связь с национальной безопасностью обращают внимание и ряд других исследователей [16, 17]. Важно отметить, что будущее

зависит не только от ученых, но и от людей, принимающих решения о стратегиях развития и финансировании науки. Успешность в XXI в. связана в первую очередь с современными технологиями и знаниями, и только самостоятельное технологическое развитие приведет к положительному результату [18, 19]. С.В. Садовников обращает внимание на то, что самый важный и дорогой ресурс — человеческий, именно он составляет фундамент экономики, политики и безопасности [20, с. 30]. Д.А. Махотин и Е.Г. Ряхимова считают, что людей, занимающихся наукой, необходимо стимулировать со школы [21], а повышение заработной платы ученых является необходимой, но не достаточной мерой. Из пяти приведенных показателей стабильная отрицательная динамика — только у доли ВВП, выделяемой на развитие науки, и у количества исследователей. Мы считаем, что для обеспечения технологического суверенитета и, следовательно, безопасности страны 1% от ВВП явно недостаточно. Момент, когда нужно активно развивать науку и технологии, уже наступил!

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фомкин Ф. С. Российская наука в период санкций. *Respublica Literaria*. 2022;3(3):106–117. DOI: 10.47850/RL.2022.3.3.106–117
2. Янковская Е. С. Технологический суверенитет России: понятие, сущность, стратегия и пути ее реализации. *Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии*. 2022;(4):76–81.
3. Gur V. A. Cybersecurity, European digital sovereignty and the 5G rollout crisis. *Computer Law & Security Review*. 2022;(46):105736. DOI: 10.1016/j.clsr.2022.105736
4. Edler J., Blind K., Frietsch R., Kimpeler S., Kroll H., Lerch C., Reiss T., Roth F., Schubert T., Schule J., Walz R. *Technology Sovereignty: From demand to doncept*. Karlsruhe: Fraunhofer ISI; 2020.
5. Wübbeke J., Meissner M., Zenglein M. J., Ives J., Conrad B. *Made in China 2025. The Making of a high-tech superpower and consequences for industrial countries*. China: MERICS Mercator Institute for China Studies; 2016.
6. Kagermann H., Wahlster W., Helbig J. *Securing the future of German manufacturing industry: Recommendations for Implementing the strategic initiative INDUSTRIE 4.0*. Germany: Acatech; 2013.
7. Горобченко М. А. Сравнение программ «Made in China — 2025» и «Industrie 4.0» для оценки перспектив сотрудничества Китая и Германии в сфере инноваций. *Скиф. Вопросы студенческой науки*. 2021;(6):311–317.
8. Yadav G., Kumar A., Patel A., Kumar P. Atmanirbhar Bharat Abhiyan: Booster budget in agriculture and allied sector in pandemic time. *Times of Agriculture*. 2021;(12):61–63.
9. Шнееганс С., Льюис Дж., Страза Т. Доклад ЮНЕСКО по науке. Наперегонки со временем: за более умное развитие — рабочее резюме. Париж: ЮНЕСКО; 2021.
10. Власова В. В., Гохберг Л. М., Дитковский К. А., Коцемир М. Н., Мартынова С. В., Нестеренко А. В., Полякова В. В., Ратай Т. В., Сагиева Г. С., Стрельцова Е. А., Тарасенко И. И., Юдин И. Б. *Российская наука в цифрах: 2023*. М.: НИУ ВШЭ; 2023. DOI: 10.17323/978–5–7598–2768–9
11. Домнина Т. Н., Хачко О. А. *Научные журналы: количество, темпы роста. Информационное обеспечение науки: новые технологии: сборник научных трудов*. М.: БЕН РАН; 2015.
12. Еременко Г. О., Назаренко А. Я. Как проводились оценка и отбор российских научных журналов в базу данных Russian Science Citation Index (RSCI) на Web of Science. URL: <https://issek.hse.ru/news/198492500.html>

13. Лакизо И.Г. Современные научные журналы: характеристика отечественного документопотока. *Научная периодика: проблемы и решения*. 2017;7(3):131–143. DOI: 10.18334/nppir.7.3.38359
14. Мартынова С.В., Ратай Т.В. Финансирование российской науки в новых условиях: итоги 2022 г. URL: <https://issek.hse.ru/news/870116078.html>
15. Фальцман В.К. Технологические суверенитеты России. Статистические измерения. *Современная Европа*. 2018;(3):83–91. DOI: 10.15211/soveurope320188391
16. Забудькова И.В., Ольхова Л.А., Касимова Д.М. Укрепление технологического суверенитета как основа устойчивого развития российской экономики. *Научное обозрение: теория и практика*. 2023;13(2):294–306. DOI: 10.35679/2226–0226–2023–13–2–294–306
17. Афанасьев А.А. Технологический суверенитет как научная категория в системе современного знания. *Экономика, предпринимательство и право*. 2022;12(9):2377–2394. DOI: 10.18334/epp.12.9.116243
18. Петрук Г.В. Знаниевая экономика: понятие и специфические черты. *Научное обозрение*. 2015;(10–1):366–373.
19. Большакова П.С., Котов А.И. Экономика знаний – основа устойчивого экономического развития России. *Инновации*. 2018;(1):27–35.
20. Садовников С.В. Технологический суверенитет и демографический рост как ключевые элементы государственной безопасности в условиях текущей геополитической реальности. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(2):26–37. DOI: 10.26794/2226–7867–2023–13–2–26–37
21. Махотин Д.А., Ряхимова Е.Г. Технологическое образование школьников как базис для достижения научного и технологического суверенитета России. *Вестник РМАТ*. 2023;(1):86–90.

REFERENCES

1. Fomkin F. S. Russian science during the sanctions. *Respublica Literaria*. 2022;3(3):106–117. DOI:10.47850/RL.2022.3.3.106–117 (In Russ.).
2. Yankovskaya E. S. Technological sovereignty of Russia: Concept, essence, strategy and ways of its implementation. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii = Scientific Letters of Russian Customs Academy the St. Petersburg branch named after Vladimir Bobkov*. 2022;(4):76–81. (In Russ.).
3. Gur B. A. Cybersecurity, European digital sovereignty and the 5G rollout crisis. *Computer Law & Security Review*. 2022;(46):105736. DOI: 10.1016/j.clsr.2022.105736
4. Edler J., Blind K., Frietsch R., Kimpeler S., Kroll H., Lerch C., Reiss T., Roth F., Schubert T., Schule J., Walz R. *Technology Sovereignty: From demand to concept*. Karlsruhe: Fraunhofer ISI; 2020.
5. Wübbeke J., Meissner M., Zenglein M. J., Ives J., Conrad B. *Made in China 2025. The Making of a high-tech superpower and consequences for industrial countries*. China: MERICS Mercator Institute for China Studies; 2016.
6. Kagermann H., Wahlster W., Helbig J. *Securing the future of German manufacturing industry: Recommendations for Implementing the strategic initiative INDUSTRIE 4.0*. Germany: Acatech; 2013.
7. Gorobchenko M. A. Comparison of the programs “Made in China – 2025” And “Industrie 4.0” to Assess the Prospects for Cooperation Between China and Germany in the Field of Innovation. *Skif. Voprosy studentcheskoi nauki = Skiff. Questions of Student Science*. 2021;(6):311–317. (In Russ.).
8. Yadav G., Kumar A., Patel A., Kumar P. Atmanirbhar Bharat Abhiyan: Booster budget in agriculture and allied sector in pandemic time. *Times of Agriculture*. 2021;(12):61–63.
9. Schneegans S., Lewis J., Straza T. UNESCO science report: The race against time for smarter development. Paris: YUNESKO; 2021. (In Russ.).
10. Vlasova V. V., Gokhberg L. M., Ditkovskii K. A., Kotsemir M. N., Martynova S. V., Nesterenko A. V., Polyakova V. V., Ratai T. V., Sagieva G. S., Strel'tsova E. A., Tarasenko I. I., Yudin I. B. Russian science and technology in figures: 2023. Moscow: NIU VShE; 2023. DOI: 10.17323/978–5–7598–2768–9 (In Russ.).
11. Domnina T. N., Khachko O. A. Scientific journals: Quantity, growth rates. Information support of science: New technologies: Collection of scientific papers. Moscow: BEN RAN, 2015. (In Russ.).
12. Eremenko G. O., Nazarenko A. Ya. How Russian scientific journals were assessed and selected for the Russian science citation Index (RSCI) Database on Web of science. URL: <https://issek.hse.ru/news/198492500.html> (In Russ.).
13. Lakizo I. G. Modern scientific journals: Characteristics of the domestic information flow. *Nauchnaya periodika: problemy i resheniya = Scientific Periodicals: Problems and Solutions*. 2017;7(3):131–143. DOI: 10.18334/nppir.7.3.38359 (In Russ.).

14. Martynova S.V., Ratai T.V. Financing of Russian science in new conditions: results of 2022. URL: <https://issek.hse.ru/news/870116078.html> (In Russ.).
15. Fal'tsman V.K. Statistical measurements of Russia's technological sovereignty. *Sovremennaya Evropa = Contemporary Europe*. 2018;(3):83–91. DOI: 10.15211/soveurope320188391 (In Russ.).
16. Zabud'kova I.V., Ol'khova L.A., Kasymova D.M. Strengthening technological sovereignty as a basis for the sustainable development of the Russian economy. *Nauchnoe obozrenie: teoriya i praktika = Scientific Review: Theory and Practice*. 2023;13(2):294–306. DOI: 10.35679/2226–0226–2023–13–2–294–306 (In Russ.).
17. Afanas'ev A.A. Technological sovereignty as a scientific category in the contemporary knowledge system. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo = Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. 2022;12(9):2377–2394. DOI: 10.18334/epp.12.9.116243 (In Russ.).
18. Petruk G.V. Knowledge economy: Concept and specific features. *Nauchnoe obozrenie = Scientific Review*. 2015;(10–1):366–373. (In Russ.).
19. Bol'shakova P.S., Kotov A.I. Knowledge economy — the basis for sustainable economic development of Russia. *Innovatsii = Innovations*. 2018;(1):27–35. (In Russ.).
20. Sadovnikov S.V. Technological sovereignty and demographic growth as key elements of state security in the current geopolitical reality. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(2):26–37. DOI: 10.26794/2226–7867–2023–13–2–26–37. (In Russ.).
21. Makhotin D.A., Ryakhimova E.G. Technological education of schoolchildren as a foundation for achieving scientific and technological sovereignty of Russia. *Vestnik RMAT = Vestnik RIAT*. 2023;(1):86–90. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Сергей Юрьевич Коломийцев — кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия

Sergey Yu. Kolomiitsev — Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof. of the Department of History and Philosophy, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-1177-7873>

kolomiitsev@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 02.01.2024; принята к публикации 15.02.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 02.01.2024; accepted for publication on 15.02.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-76-84
УДК 327.88(045)

Международный терроризм: проблемы определения, актуализации правовых основ противодействия

В.М. Родачин

Российский новый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье обосновывается актуальная проблема усиления опасности международного терроризма в глобальном, региональном и национальном аспектах – с одной стороны, и недостаточно глубокого теоретического осмысления данного феномена, а также правового обеспечения противодействия его угрозам – с другой. В работе раскрываются противоречия в трактовках признаков и дефиниций международного терроризма; дается их авторская интерпретация. Кроме того, автором высказаны предложения по актуализации правовых основ и доктринально-политических документов, касающихся вопросов противодействия международному терроризму и терроризму в целом.

Ключевые слова: терроризм; международный терроризм; международные террористические организации; государственный терроризм во внешнеполитической сфере; признаки международного терроризма; универсальное определение международного терроризма; правовые основы противодействия международному терроризму

Для цитирования: Родачин В.М. Международный терроризм: проблемы определения, актуализации правовых основ противодействия. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(3):76-84. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-76-84

ORIGINAL PAPER

International Terrorism: Challenges in Defining and Updating Legal Frameworks for Counteraction

V. M. Rodachin

Russian New University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article discusses the actual issue of increasing danger of international terrorism for global, regional and national security, on the one hand, and insufficient theoretical understanding of this phenomenon, as well as legal support for countering its threats, on the other hand. The article reveals contradictions in the interpretations of signs and definitions of international terrorism; the author's interpretation is given. The proposals on updating the legal framework and doctrinal and political documents related to the issues of countering international terrorism and terrorism in general are presented.

Keywords: terrorism; international terrorism; international terrorist organizations; state terrorism in the foreign policy sphere; signs of international terrorism; universal definition of international terrorism; legal basis for countering international terrorism

For citation: Rodachin V.M. International terrorism: Challenges in defining and updating legal frameworks for counteraction. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(3):76-84. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-76-84

ВВЕДЕНИЕ

Раскрытие сущности и характерных черт международного терроризма (МТ), выделяющих его в особую категорию, и совершенствование правовых основ борьбы с ним — актуальное в теоретическом и практическом отношении направление исследований. Свидетельством тому служит парадоксальная ситуация, сложившаяся в международном праве и национальных законодательствах влиятельных мировых держав: всеобщее осознание растущей опасности МТ и необходимости совместной борьбы с ним — с одной стороны, и отсутствие международного консенсуса по его однозначному определению, а также идентификации принадлежности к нему тех или иных движений — с другой.

НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ

Международный терроризм — относительно новое явление, возникшее в конце 1960-х — начале 1970-х гг. Генеральная Ассамблея ООН уже 18 декабря 1972 г. на 2114 пленарном заседании поставила и рассмотрела вопрос о мерах по его предотвращению, хотя описания с выделением характерных признаков не давалось. В 1990 г. эксперты ООН отметили, что «международному сообществу так и не удалось достичь согласия в отношении универсального определения международного терроризма»¹. Нет его и в настоящее время, несмотря на значительно возросшие угрозы национальной, региональной и международной безопасности. 24 мая 2023 г. в видеообращении к участникам 11-й Международной встречи высоких представителей, курирующих вопросы безопасности, Президент России В.В. Путин подчеркнул важность анализа наиболее актуальных угроз, и в том числе международного терроризма².

Нерешенной проблемой являются противоречия касательно признания отдельных международных движений и организаций (включая национально-освободительные), а также правительственных структур и их действий, сопряженных с терактами, в качестве террористических. О необходимости проведения различий между МТ и борьбой народов за национальное освобождение было сказано на 44-й сессии Генеральной

Ассамблеи ООН 4 декабря 1989 г. Однако критерии разделения этих явлений и понятий до сих пор не обоснованы.

Показательны в этом плане разногласия между странами мирового сообщества в отношении палестинской организации ХАМАС и ливанской «Хезболла». США и Израиль однозначно считают их террористическими, добиваясь поддержки в этом вопросе от Совета Безопасности ООН. Россия и многие страны ООН придерживаются иного мнения. «ХАМАС, — отмечает первый заместитель постоянного представителя Российской Федерации при ООН Д. Полянский, — неотделима от палестинского национально-освободительного движения, а «Хезболла» является влиятельной ливанской политической силой, нравится это кому-либо или нет» [1].

Выработке единой позиции мешают следующие обстоятельства: отсутствие четких общепринятых критериев МТ; преобладание политических интерпретаций этого термина над его юридическим значением; «кураторство» спецслужб США и их союзников над некоторыми организациями МТ, а также применяемые к ним двойные стандарты, согласно которым, в одном случае (когда акты террора совершаются в интересах проводимой кураторами политики) международные террористы превращаются в «борцов за свободу», а в другом (при действиях против политики и интересов кураторов, в том числе в рамках фактической национально-освободительной борьбы за независимость и национально-государственное самоопределение) — в террористов. Госдепартамент США, например, регулярно обнародует списки международных террористических организаций, которые носят явно выборочный характер. Так, в 1990-х гг. в списке отсутствовали ИРА, Исламский фронт спасения (Алжир), чеченская «Армия генерала Дудаева» и т.д. «На Западе, — по словам Президента России В.В. Путина, — никогда не брезговали использовать в своих интересах и радикалов, и экстремистов». В том числе — неонацистский киевский режим. И это — «несмотря на все громогласные заявления о борьбе с международным терроризмом»³.

Еще одна проблема, требующая решения, — отсутствие в международном праве норм,

¹ URL: <https://base.garant.ru/12112876/>

² URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/71189>

³ URL: <https://rg.ru/2023/02/28/putin-zaiavil-ob-usilenii-terroristicheskoy-ugrozy-i-sviazal-eto-s-dejstviiami-kieva-i-zapada.html>

позволяющих пресекать и подвергать остракизму преступную деятельность *международного государственного терроризма (МГТ)*, с полной силой заявившего о себе в современных условиях.

В отличие от международных террористических организаций (МТО), которые выявляются и вносятся в списки запрещенных организаций, ведущиеся антитеррористическим комитетом Совета Безопасности ООН, Европейским Союзом и компетентными органами многих стран, государства, игнорирующие нормы морали и международного гуманитарного права в своей военно-силовой политике и практике (либо использующие, финансирующие деятельность МТО), не включаются ни в один из указанных списков. Хотя фундаментальной причиной МТ, по мнению российских экспертов, является «сама стратегия развития стран, строящих свое благополучие на дестабилизации всего остального мирового сообщества», в том числе «с использованием террористических сил и методов» [2, с. 261].

В Российской Федерации, несмотря на ведущуюся против нее коллективным Западом (включая силы МГТ) террористическую войну, не предпринимались попытки сформировать список *государств, приверженных к террористической практике*, возможно, по причине последующего введения санкций против таких государств, ограничения или прекращения отношений с ними. При этом, в противоположность нам, Украина, Литва, Латвия, Эстония, Польша, Чехия, Нидерланды, Словакия, а также Парламентская ассамблея ОБСЕ, Парламентская ассамблея Совета Европы, Европейский парламент и Парламентская ассамблея НАТО в течение 2022–2023-го гг. в различных формулировках объявили российский режим террористическим. 23 июня 2022 г. Комитет Сената США по международным отношениям поддержал резолюцию о признании России спонсором терроризма и рекомендовал правительству страны рассмотреть эту инициативу. Ярлык «государства — спонсора терроризма» официально закреплен США за Северной Кореей, Сирией, Кубой и Ираном. Подобный шаг в отношении России, по мнению госсекретаря США Э. Блинкена, «уничтожит остатки дипломатии между Вашингтоном и Москвой, вынудит ввести санкции против союзников США, ведущих дела

с Россией» [3].

ПРИЗНАКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА

Данный вид терроризма сохраняет его общие черты (прежде всего, устрашение (запугивание) населения и властей путем жестокого публичного насилия), обладая одновременно собственной спецификой. Многими исследователями предпринимались попытки выделить характерные признаки МТ, в том числе неудачные, когда, например, считалось что «международный террористический акт происходит в нескольких государствах» (что трудно представить) [4, с. 4]. По этому вопросу сохраняются разночтения и единого понимания МТ в совокупности его существенных признаков пока не сложилось.

В Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации (2009 г.) правомерно выделяется его такой обобщенный признак, как *интернационализация* террористической деятельности.

Нередко к признакам МТ относят принадлежность *жертв* террористических актов к разным государствам, либо к категории лиц, пользующихся международной защитой (глава государства, глава правительства, министр иностранных дел, находящиеся в иностранном государстве; любой представитель, должностное лицо государства или иной агент межправительственной международной организации, члены их семей)⁴ [5]; убийство дипломатических работников для усиления международной напряженности и развязывания политических и военных конфликтов [6, с. 83]. При этом из поля зрения выпадают иные объекты терактов, прежде всего относящиеся к институтам публичной власти, критически важной инфраструктуре, промышленности, уничтожение которых может иметь международные последствия.

Нельзя не согласиться (с небольшими уточнениями), что признаками МТ являются следующие: а) осуществление террористических акций *против лиц или объектов*, затрагивающих интересы двух и более государств; б) реализация террористической деятельности *отдельных МТО или террористических государств* на территории нескольких стран; в) координация деятельности *нескольких террористических организаций* в раз-

⁴ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/int_protected_persons.shtml

ных странах⁵; г) создание террористическими организациями международных сетей, с помощью которых иностранные боевики-террористы и средства их поддержки переправляются из страны в страну⁶.

В Конвенции по борьбе с терроризмом Шанхайской организации сотрудничества указан важный целевой признак МТ: стремление «заставить правительства или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения». «Действия международных террористов, — отмечает профессор, доктор политических наук В. П. Милецкий, — направлены главным образом против государств, их внутренней и внешней политики с целью оказания влияния на весь ход международных событий в целом» [7]. При этом важно конкретизировать статус таких государств, поскольку не каждое из них по своему весу и имеющимся ресурсам способно влиять на ход региональных и мировых событий. Вместе с тем захват террористами власти, как в случае с движением «Талибан» (запрещено в Российской Федерации) в Афганистане, создает плацдарм для последующей международной террористической активности.

Представляется целесообразным учитывать, в дополнение к перечисленным, еще несколько признаков МТ. Во-первых, это наличие филиалов, отделений, ячеек террористической организации (движения) в нескольких государствах, регионах мира и континентах, что превращает ее в МТО. Во-вторых, — нацеленность на реализацию международного политического проекта террористическими средствами. Исследователи Ю. В. Берладир и И. К. Харичкин отмечают, что сущностью международного терроризма является политическая борьба за изменение общественно-политического устройства отдельных стран и мирового сообщества [8, с. 99]. Так, движение «Талибан»⁷ ставит перед собой задачу создания «истинного исламского государства в Афгано-Пакистанском регионе» [9, с. 56]; «Исламское движение Узбекистана» нацелено на «захват всех земель Азии, которыми раньше правили мусульмане» [9, с. 50]; МТО «Исламское государство» было намерено создать «Великий

исламский халифат») [9, с. 21]. В-третьих, для МТ характерна также *политика и практика ГТ в сфере международных отношений*. Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма 1994 г. признает, что государства могут прямо или косвенно участвовать в актах терроризма. При всей опасности МТО, являющихся негосударственными формированиями, масштаб осуществляемых ими преступлений несопоставим с преступлениями МГТ, использующего все находящиеся в распоряжении властей силовые ресурсы. В этом плане показателен подрыв в исключительных экономических зонах Дании и Швеции 26 сентября 2022 г. двух нитей газопроводов «Северный поток — 1» и «Северный поток — 2», организованный спецслужбами США и Норвегии, что доказано американским журналистом Сеймуром Хершем⁸. ГТ неонацистской Украины с 2014 г. при посредстве США, Великобритании и их союзников (54 государства), оснащающих террористов самыми современными системами вооружений, непрерывно наносит ракетные, артиллерийские, авиационные удары по территории Донбасса, жертвами которых стали 5 тыс. убитых и 9 тыс. раненых мирных жителей. Еще более жестоким и антигуманным проявил себя *израильский государственный терроризм* в конфликте с палестинским движением ХАМАС. От непрерывных израильских ударов по сектору Газа с 7 октября 2023 г. по январь 2024 г. погибло свыше 26 тыс. мирных жителей (в основном женщин, стариков, детей), ранено более 64 тыс. чел.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА

Сложность феноменов терроризма в целом и международного терроризма в частности, в том числе в аспекте их соотношения с правом народов на национально-освободительную и борьбу против иностранной оккупации⁹, вызывает у ряда экспертов скептицизм в отношении возможности их однозначного определения. Так, швейцарский специалист К. Хейльброннер убежден в том, что «невозможно в принципе разработать единое и признаваемое всеми государствами мирового сообщества определение международного

⁵ Ланцов С. А., ред. Террор и террористы. Словарь. СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та; 2004.

⁶ URL: <https://base.garant.ru/71860674/>

⁷ Организация находится под санкциями ООН за террористическую деятельность.

⁸ URL: <https://rg.ru/2023/02/12/kak-amerika-vzorvala-severnij-potok-publikuem-statiu-zhurnalista-sejmura-hersha-o-tom-chto-podryv-gazoprovodov-byll-rezultatom-tajnoj-operacii-vms-ssha-i-norvezhskih-voennyh.html>

⁹ URL: <https://base.garant.ru/2561236/>

терроризма, а потому следует оставить такие попытки» [10, с. 25]. Сотрудник международного центра по противодействию терроризму в Гааге А. Шмид в числе пяти критических проблем выделяет сложность определения терроризма и его разновидностей, включая МТ [11, с. 23].

Вместе с тем в современной науке предпринимаются усилия по выработке общепризнанного определения как терроризма (по данным экспертов в 2007 г. насчитывалось свыше двухсот его дефиниций [12, с. 262]), так и его различных разновидностей, включая МТ.

Ряд авторов неправомерно сужают феномен МТ до *террористической деятельности* или до *действия, воздействия* на влиятельных политических акторов в сфере международных отношений. Так, С.А. Буткевич считает, что МТ — «международная террористическая деятельность, осуществляемая террористом или террористической организацией (группой) с целью подрыва конституционного строя иных государств, международного правопорядка или международных отношений в целом» [13]. А согласно определению А.Е. Михайлова, — это «совершаемое террористами одной или нескольких стран идеологически мотивированное насильственное воздействие на другие государства или международные организации в целях устрашения мирового сообщества (или) подрыва международного порядка, мира и безопасности, для достижения определенных политических, идеологических, национальных и социальных результатов» [14, с. 10]. Также считается, что это «насильственные, идеологически обоснованные *действия*, игнорирующие нормы международного и национального права, общечеловеческой морали, направленные на дестабилизацию общественного строя в отдельных странах, международного порядка и международных отношений, достижение определенных целей и задач»¹⁰.

Приведенные определения международного терроризма, сводящие его к международной террористической деятельности (МТД) не учитывают не только разделения понятий «терроризм», «террористическая деятельность», «акт терроризма» в Федеральном законе «О противодействии терроризму» 06.03.2006 N 35-ФЗ¹¹, но и всего

многообразия составляющих террористической деятельности, раскрытых в п. 2, ст. 3 данного закона (организация, планирование, подготовка, финансирование, реализация террористического акта; подстрекательство к нему; вербовка, вооружение, обучение и использование террористов; пропаганда идей терроризма и пр.).

Высказывается мнение о том, что МТ — это «терроризм, акты которого осуществляются гражданами одной или нескольких стран и имеют цель подрыва конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности иных государств либо международного правопорядка или международных отношений в целом»¹². Данная формулировка, однако, не отражает ни сложной структуры международного терроризма как феномена, ни наличия других (помимо граждан) субъектов террористических актов, ни организованного характера террористической деятельности.

Не все определения раскрывают существующие компоненты и взаимосвязи международного терроризма. Так, он трактуется как «сложное политико-правовое явление, включающее в себя не только акты террора, но и организационно-идейные структуры (террористические доктрины и террористические организации)» [15, с. 91]. Или же рассматривается в трех аспектах: «как преступное деяние, как террористические структуры, как террористические доктрины» [16, с. 105].

Представляется целесообразным указать, что это современный вид терроризма, возникший вследствие интернационализации террористической деятельности и глобализации информационных коммуникаций, а также систематического использования рядом государств (в противоречие нормам морали и международного гуманитарного права) террористических методов для борьбы против своих противников, осуществления агрессивных, гегемонистских, экспансионистских, неокOLONIALНЫХ целей. Он охватывает всю совокупность международных террористических организаций и террористических государств, реализуемую ими политику и практику; акты, технологии, методы, средства и формы террористической деятельности; идеологические доктрины и политические концепты

¹⁰ Терроризм в исторической ретроспективе и современных условиях. М.: ЮНИТИ-ДАНА; 2019.

¹¹ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/

¹² Сироткин И.Г., ред. Словарь основных терминов и понятий в области противодействия терроризму М.: НИЦ ФСБ России; 2022.

(проекты) терроризма; коммуникации и связи международных террористов.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВЫХ ОСНОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МТ

Российская Федерация стала одним из первых государств, столкнувшихся с МТ во всех его современных формах. В 1990-е гг., во времена первой и второй чеченских войн, против России, при координации, финансировании, поставках вооружения, пособничестве спецслужб США, Великобритании и других стран действовали боевики-наемники из пятидесяти государств, широко используя террористические методы. В то время многочисленные теракты осуществлялись не только в Чечне и на Северном Кавказе, но и в Москве и других городах России. В Беслане 1 сентября 2004 г. террористами была захвачена и заминирована школа, где три дня удерживались 1100 заложников (дети и учителя), 333 из которых погибли, а 728 были ранены. Все эти обстоятельства и трагические события сформировали у отечественных законодателей твердое понимание необходимости приоритетного решения проблем правового регулирования борьбы с терроризмом и его разновидностями¹⁵.

Победить международный терроризм в современных условиях можно, только объединив усилия всех здоровых сил мирового сообщества и сформировав единый антитеррористический фронт, при опоре на общепризнанные нормы международного права, цели и принципы Устава ООН, а также на непротиворечащие им нормы национального законодательства.

Однако в современных условиях становления нового полицентричного миропорядка, приходящего на смену однополярной гегемонии США и коллективного Запада, правдами и неправдами стремящихся не допустить утраты власти над миром, единство действий всех стран против МТ остается лишь благим намерением. Соединенные Штаты и их союзники не рассматривают Россию в качестве ключевого партнера в борьбе с МТ, хотя периодически декларируют полезность российско-американского контртеррористического взаимодействия. К настоящему времени в мире приняты 19 конвенций ООН, около 50 резолюций

Совета Безопасности ООН, сотни документов других организаций, в том числе Совета Европы, ОБСЕ, ШОС, СНГ, ОДКБ и др. При этом, к сожалению, должного объединения усилий государств, направленных против террористических вызовов и угроз, так и не произошло.

В подобной обстановке существенно возрастает значение совершенствования национального законодательства в сфере противодействия терроризму, прежде всего в аспекте *системного правового обеспечения борьбы с МТ*. Тем более, что ни термин «международный терроризм», ни его определение не имеют законодательного закрепления [17]. В базовом Федеральном законе «О противодействии терроризму» лишь в статье, касающейся применения Вооруженных Сил Российской Федерации в борьбе с терроризмом, говорится о «пресечении международной террористической деятельности за пределами территории Российской Федерации»¹⁴. Однако подобная правовая норма не соответствует фактам осуществляемой МТД на территории Российской Федерации со стороны неонацистской Украины и ее западных кураторов, а понятие «международная террористическая деятельность» не тождественно более широкому по содержанию и объему понятию «международный терроризм», включающему еще и международные террористические организации, идеологические доктрины и политические концепты (проекты) терроризма, коммуникации и связи международных террористов, а также (что особенно важно в современных условиях) — международный государственный терроризм.

В статье 361 «Акт международного терроризма» Уголовного Кодекса Российской Федерации, введенной в действие с июля 2016 г., также говорится только о «совершении *вне пределов территории Российской Федерации взрывов, поджогов или иных действий, подвергающих опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность граждан Российской Федерации в целях нарушения мирного сосуществования государств и народов либо направленных против интересов Российской Федерации, а также угроз совершения указанных действий*».

Не раскрывают возросшую опасность МТ для национальной безопасности Российской

¹⁵ После трагедии в Беслане 8 октября 2004 года по инициативе России была принята резолюция ООН 1566, предусматривающая конкретные меры по усилению контртеррористической деятельности ООН.

¹⁴ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/

Федерации Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации¹⁵ и Стратегия национальной безопасности Российской Федерации¹⁶.

В Концепции не прописаны ключевые понятия и их определения, включая применяемый в ней термин «МТО». В документе отмечается тенденция «интернационального характера террористических организаций, использования международными террористическими организациями этнорелигиозного фактора», но не используются понятия «международный терроризм», «государственный терроризм во внешнеполитической сфере», хотя они задолго до принятия Концепции вошли в международно-правовой оборот.

В Стратегии национальной безопасности, помимо термина «международные террористические организации», нашло отражение понятие «международный терроризм», однако — без определения и всего в двух случаях. В документе отмечается необходимость «предупреждения и пресечения террористической и экстремистской деятельности организаций и физических лиц», но ничего не говорится об угрозах как терроризма, так и его различных видов, включая МТ и его наиболее опасную составляющую — МГТ.

Значительный шаг вперед в характеристике угрозы МТ для национальной безопасности России сделан в Концепции внешней политики Российской Федерации¹⁷. В ст. 31 констатируется, что в целях «искоренения международного терроризма, защиты государства и российских граждан от террористических актов Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание:

1) повышению эффективности и скоординированности многостороннего сотрудничества в сфере противодействия терроризму, в том числе в рамках ООН;

2) укреплению определяющей роли государств и их компетентных органов в противодействии терроризму и экстремизму;

3) принятию политико-дипломатических и иных мер, направленных на противодействие использованию государствами террористических и экстремистских (в том числе неонацистских)

организаций в качестве инструмента внешней и внутренней политики;

4) борьбе с распространением, в том числе в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, идеологии терроризма и экстремизма (включая неонацизм и радикальный национализм);

5) выявлению причастных к террористической деятельности граждан и организаций и блокированию каналов финансирования терроризма;

6) выявлению и устранению пробелов в международно-правовом регулировании, касающихся сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом, рисков совершения террористических актов с использованием химических и биологических веществ;

7) укреплению многопланового взаимодействия с союзниками и партнерами в сфере борьбы с терроризмом, оказанию им практического содействия в проведении контртеррористических операций, в том числе в целях защиты христиан на Ближнем Востоке».

Вместе с тем определения понятий «международный терроризм», «международная террористическая организация», «государственный терроризм» отсутствуют.

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ позволяет сделать следующие основные выводы.

Во-первых, наиболее актуальной и опасной террористической угрозой международной, региональной и национальной безопасности суверенным государствам является международный терроризм, и, в первую очередь, такой его подвид, как международный государственный терроризм.

Во-вторых, первостепенной теоретической задачей остается необходимость выработки универсального определения МТ на основе систематизации его существенных признаков и учета основных структурных составляющих — МТО и МГТ.

В-третьих, назрела потребность в корректировке и взаимоувязывании друг с другом законодательных и доктринально-политических антитеррористических документов — прежде всего, Федерального закона «О противодействии терроризму в Российской Федерации», Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации и Стратегии обеспечения националь-

¹⁵ URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12070277/>

¹⁶ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/

¹⁷ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443540/

ной безопасности в части определения и обстоя- междунационального терроризма, исходящих от него
 ятельной характеристики (на системной основе) угроз и основных мер противодействия им.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бойков С. Группировки риска: ХАМАС и «Хезболлу» не признают террористическими. Почему Россия не поддержит включение палестинской и ливанской организаций в список на уровне Совбеза ООН. URL: <https://iz.ru/1601442/semey-boikov/gruppirovki-riska-khamas-i-khezbollahu-ne-priznaiut-terroristicheskimi>
2. Пальцев А.И. Методологические аспекты различения национально-освободительного движения и терроризма. В сборнике трудов конференции «Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество». М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН; 2022.
3. Шустрова М. «Это уничтожит остатки дипломатии»: почему США пока не признали Россию спонсором терроризма. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/07/30/15202478.shtml>
4. Таран А-А.В. Международное терроризм как политический феномен. Проблемы антитеррористической борьбы. Дис. ... канд. полит. наук. М.: РУДН; 2009.
5. Моисеев А.И. Международно-правовое определение терроризма. Дис. ... канд. юрид. наук. М.: МГУ им. О.Е. Кутафина; 2018.
6. Левин Д.Б. Ответственность государства в современном международном праве. М.: Международные отношения; 1966.
7. Милецкий В.П. Международное терроризм: политико-правовое измерение теории и практики противодействия. *Всероссийский криминологический журнал*. 2017;11(1):180–189.
8. Берладир Ю.В., Харичкин И.К. Политическая сущность международного терроризма. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2021;15(4):99–108.
9. Красинский В.В., Машко В.В. Кто есть кто в международном терроризме. М.: ИНФРА-М; 2019.
10. Heilbronner K. Rechtsfragen der internationalen Terrorismusbekämpfung. *Schweizerisches Jahrbuch für Internationales Recht*. Zürich; 1991.
11. Алферова Е.В. Международное терроризм и право: современные зарубежные исследования. М.: ИНИОН РАН; 2017.
12. Козодой Т.С. К вопросу об определении понятия «Терроризм». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2007;(2–1):260–266.
13. Буткевич С.А. Международное терроризм: проблемы дефиниции, криминализации и противодействия. *Юрист-Правоведъ*. 2016;6(79):85–90.
14. Михайлов А.Е. Международное терроризм как системный риск в современном обществе: проблемы минимизации правовыми средствами. *Юридическая техника*. 2019;(13):545–552.
15. Зябкин А.И. Проблема юридической квалификации терроризма как международного правонарушения. В сборнике: Ученые записки юридического факультета. СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов; 1997. Вып. 2.
16. Плотников А.В. К вопросу юридического определения понятия «Международное терроризм». *Вестник РУДН. Серия: Юридические науки*. 2009;(3):105–118.
17. Чернявский А.Г., Олейник С.А. Дефиниция «международное терроризм» в международном праве. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2018;4(44):322–327.

REFERENCES

1. Boykov S. Risk groups: Hamas and Hezbollah are not recognized as terrorist. Why Russia will not support the inclusion of Palestinian and Lebanese organizations in the list at the level of the UN Security Council. URL: <https://iz.ru/1601442/semey-boikov/gruppirovki-riska-khamas-i-khezbollahu-ne-priznaiut-terroristicheskimi> (In Russ.).
2. Pal'tsev A.I. Methodological aspects of distinguishing between a national liberation movement and terrorism. In the collection of papers of the conference "Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation". Moscow: Institut nauchnoy informacii po obshchestvennym naukam RAN; 2022. (In Russ.).
3. Shustrova M. "This will destroy the remnants of diplomacy": why the US has not yet recognized Russia as a sponsor of terrorism. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/07/30/15202478.shtml> (In Russ.).
4. Taran A-A.V. International terrorism as a political phenomenon. Problems of the fight against terrorism. Diss. ...

- Cand. Sci (Political). Moscow: RUDN; 2009. (In Russ.).
5. Moiseev A.I. International legal definition of terrorism. Diss. ... Cand. Sci. (Law). Moscow: Moscow State Law University named after O.E. Kutafin; 2018. (In Russ.).
 6. Levin D.B. State responsibility in modern international law. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 1966. (In Russ.).
 7. Miletsky V.P. International terrorism: Political and legal dimension of the theory and practice of counteraction. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal = All-Russian Criminological Journal*. 2017;11(1):180–189. (In Russ.).
 8. Berladir Yu.V., Kharichkin I.K. Political essence of international terrorism. *Evrazijskaya integraciya: ekonomika, pravo, politika = Eurasian integration: economics, law, politics*. 2021;15(4):99–108. (In Russ.).
 9. Krasinsky V.V., Mashko V.V. Who is who in international terrorism. Moscow: INFRA-M; 2019. (In Russ.).
 10. Heilbronner K. Research papers on international terrorism. Swiss Journal of International Law. Zürich; 1991. (In German).
 11. Alferova E.V. International terrorism and law: Modern foreign studies. Moscow: INION RAN; 2017. (In Russ.).
 12. Kozodoy T.S. On the issue of defining the concept of “Terrorism”. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of Saint Petersburg University. International Relations*. 2007;(2–1):260–266. (In Russ.).
 13. Butkevich S.A. International terrorism: problems of definition, criminalization and counteraction. *Jurist-Pravoved*. 2016;6(79):85–90. (In Russ.).
 14. Mikhailov A.E. International terrorism as a systemic risk in modern society: Problems of minimization by legal means. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal technique*. 2019;(13):545–552. (In Russ.).
 15. Zybkin A.I. The problem of legal qualification of terrorism as an international offense. In the collection: Scientific notes of the law faculty. Saint Petersburg: St. Sankt-Peterburgskij gumanitarnyj universitet profsoyuzov; 1997. Issue 2. (In Russ.).
 16. Plotnikov A.V. On the issue of legal definition of the concept of “International terrorism”. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki = Bulletin of RUDN. Series: Legal sciences*. 2009;(3):105–118. (In Russ.).
 17. Chernyavsky A.G., Oleynik S.A. Definition of “international terrorism” in international law. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii = Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018;4(44):322–327. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Владимир Михайлович Родачин — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Академии военных наук Российской Федерации, профессор кафедры философии, Российский новый университет (РосНОУ), Москва, Россия

Vladimir M. Rodachin — Dr. Sci. (Philos.), Prof., Corresponding Member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation, Department of Philosophy, Russian New University (RosNOU), Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-6839-999X>

Rodvm@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 12.02.2024; принята к публикации 25.03.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 12.02.2024; accepted for publication on 25.03.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-85-91
УДК 316(045)

Риски и возможности использования искусственного интеллекта в профессии социолога

К.М. Авдони́на, Я.Н. Смирнова
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье содержатся результаты авторского социологического исследования, проведенного методом экспертного интервью. Выявлена степень допустимости использования искусственного интеллекта в работе социолога, описан опыт применения новых технологий в научно-исследовательской деятельности, а также определены его преимущества и недостатки – как для студентов, так и для опытных специалистов. Авторы обсуждают влияние искусственного интеллекта на методы и практики, используемые социологами, а также возможные этические дилеммы, которые могут возникнуть в процессе его внедрения в социологию. Особое внимание уделяется задействованию нейросети студентами-социологами и воздействию данной тенденции на качество их подготовки и компетенции. Подчеркивается влияние искусственного интеллекта на трансформацию рынка труда.

Ключевые слова: искусственный интеллект; социолог; социология; риски; возможности; использование искусственного интеллекта; рынок труда

Для цитирования: Авдони́на К.М., Смирнова Я.Н. Риски и возможности использования искусственного интеллекта в профессии социолога. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(3):85-91. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-85-91

ORIGINAL PAPER

Risks and Opportunities of Using Artificial Intelligence in the Profession of Sociologist

K.M. Avdonina, Ya.N. Smirnova
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article contains the results of the author's sociological research concerning the study of the risks and opportunities of using artificial intelligence in the profession of a sociologist. The study was conducted by the method of expert interviews. The paper reveals the degree of permissibility of using artificial intelligence at various stages of sociological research, describes the experience of experts using new technologies in research activities, and identifies the advantages and disadvantages of its use for both students and experienced sociologists. The authors of the article discuss the impact of artificial intelligence on the methods and practices used by sociologists, possible ethical dilemmas that may arise in the process of its implementation in sociology. Special attention is paid to the use of the neural network by students of sociology and the consequences of this trend on their quality of training and competencies. The impact of the introduction of artificial intelligence on the transformation of the labor market is emphasized.

Keywords: artificial intelligence; sociologist; sociology; risks; opportunities; use of artificial intelligence; labor market

For citation: Avdonina K.M., Smirnova Ya.N. Risks and opportunities of using artificial intelligence in the profession of sociologist. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(3):85-91. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-85-91

ВВЕДЕНИЕ

Начало XXI века — время повсеместного распространения технологий искусственного интеллекта в самых разных сферах жизни общества. [1]. На данный момент искусственный интеллект (ИИ) позволяет компьютеру, роботу, программному обеспечению выполнять функции, которые традиционно считаются прерогативой человека, что порождает различные дискуссии среди социологов: чем является искусственный интеллект для людей — помощником или противником [2]?

Однако данный процесс уже необратим, и, несмотря на риски, ИИ — большая ценность, так как он может взять на себя ряд проблем и функций, что позволит нам заниматься более креативными и сложными задачами [3]. В социологических исследованиях искусственный интеллект стремительно занимает все новые ниши, поскольку способен обрабатывать большие данные и делать механическую работу [4]. В связи с этим возникает вопрос: несет ли ИИ реальную угрозу и опасность профессии социолога или, наоборот, способствует облегчению рутинной работы и обеспечит точность и быстроту проведения изысканий? Необходимо проводить исследования, чтобы минимизировать возможные угрозы, риски и их последствия [5].

Проблема состоит в социальном противоречии между развитием искусственного интеллекта и рынком труда [6]. С одной стороны, в современном мире искусственный интеллект активно внедряется во все сферы жизни, в том числе и на рынок труда, облегчая и упрощая работу. Он способен автоматизировать рутинные задачи, принимать решения на основе алгоритмов, предсказывать результаты и т.д. [7]. С другой стороны, возникает ряд рисков, связанных с утерей профессиональных навыков социолога. Некоторые студенты и даже исследователи пользуются новыми технологиями для проведения опросов и написания научных работ, что может в дальнейшем привести к полному исчезновению профессии. По мнению исследователей, к 2030 г. устареет порядка 57 профессий, в том числе «статистик» и «аналитик» (которые являются схожими с социологом) и появится 136 новых. Таким образом, необходимо определить риски и возможности использования искусственного интеллекта для понимания дальнейшей судьбы социологии [8].

Термин «искусственный интеллект» (от англ. — artificial intelligence), возникший в 1956 г. благо-

даря ученому из Стэнфордского университета Джону Маккартни, означает умение рассуждать разумно [9]. ИИ представляет собой совокупность разработанных и запрограммированных человеком рационально-логистических, формализованных алгоритмов, организующих процессы, которые позволяют имитировать интеллектуальные структуры, производить рациональные действия и принимать решения независимо от человека [10]. Его развитие и внедрение в жизнь способствует трансформации всех сфер общества: начиная от общения и заканчивая рынком труда [11].

Проблема возникновения искусственного интеллекта в профессии социолога поднимается в работах многих современных исследователей: Вулфа, Шварца, Коллинса, Бейнбриджа и др. [12]. По мнению ученого Алана Вулфа, особое значение имеет гипотеза о том, что его появление позволяет по-новому увидеть концептуальное единство социологии и побуждает специалистов к развитию новых теорий. Елена Эспозито обращает внимание на то, что развитие технологий порождает новые тенденции, которые формируют общество будущего [13].

Американские ученые провели исследование [9] — какие отрасли затронет искусственный интеллект, моделирующий язык, и пришли к выводу, что под угрозу попадают маркетологи, социологи, политологи, специалисты по библиотечному делу, юристы по гражданским делам и пр. Таким образом, анализ влияния искусственного интеллекта на перспективы развития профессии социолога является весьма актуальным.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для выявления рисков и возможностей использования ИИ в профессии социолога был выбран метод экспертного опроса. Выборку исследования составили 10 экспертов — преподавателей социологии. Критерии компетентности, которыми должны обладать эксперты: высшее социологическое образование; социолог-практик; наличие опыта работы в исследовательской социологической сфере более пяти лет; преподаватель Финансового университета при Правительстве РФ. Цель исследования — определить риски и возможности, связанные с использованием искусственного интеллекта в профессии социолога. Теоретическим объектом послужили изменения, происходящие

с профессией социолога, эмпирическим — эксперты в области социологических исследований. Предмет исследования — влияние развития искусственного интеллекта на профессию социолога.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1. Определить отношение экспертов к искусственному интеллекту.
2. Узнать, был ли у экспертов опыт использования искусственного интеллекта в их профессиональной деятельности.
3. Выявить риски и возможности внедрения искусственного интеллекта в профессию социолога.
4. Определить риски и возможности использования искусственного интеллекта студентами-социологами.
5. Дать прогноз развития искусственного интеллекта в профессии социолога.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Говоря об отношении к искусственному интеллекту в целом, в основном эксперты отметили противоречивость данного явления. Выделяется позитивный эффект: ИИ — это помощник, который упрощает работу, но в то же время вызывает опасения на рынке труда.

«Это очень дискуссионный вопрос. ИИ следует рассматривать как помощника для исследователя, работника, но ни в коем случае как заместителя естественного инструмента» (эксперт № 4, женщина).

«В любом случае, это хорошо, потому что это автоматизация большого количества рутинной деятельности. Но, с точки зрения обычных людей, это плохо, потому что вызывает напряжение на рынке труда» (эксперт № 9, мужчина).

Далее участникам было предложено оценить степень допустимости использования искусственного интеллекта на различных этапах социологического исследования (см. табл. 1). Результаты показали, что в основном эксперты положительно относятся к его применению при визуализации и презентации данных, и отрицательно, если речь идет о составлении анкеты и повышении оригинальности.

«Составление анкеты — искусство. Нужно чувствовать, задать такой вопрос, чтобы выстрелить, как режиссер, чтобы оказать нужное воздействие, зацепить респондента. У исследова-

теля должны быть творческое начало, интуиция, эмпатия» (эксперт № 5, женщина).

Касательно научной разработанности и подбора литературы мнения разделились: некоторые считают, что ИИ поможет рассмотреть большее количество теорий и подходов, что разнообразит исследования.

«Если робот будет легитимно собирать разные источники на любом языке (а он их может и переводить еще), это пойдет только на пользу науке, статьи станут интереснее» (эксперт № 6, мужчина).

Однако некоторые считают, что необходимы навыки общения с искусственным интеллектом. Более того, он может подкинуть фейковые теории или несуществующую литературу.

«Чтобы написать работу, ты сам должен знать ученых, он не может это сделать полноценно и релевантно. Либо нужно очень узко и правильно забить вопрос» (эксперт № 1, женщина).

Относительно передачи искусственному интеллекту анализа данных и написания выводов эксперты настроены так же скептически.

Таблица 1 / Table 1

Средняя оценка допустимости использования ИИ на различных этапах социологического исследования / The average assessment of the appropriateness of using AI in various stages of sociological research

Описание актуальности	2,9
Определение проблематики	2,3
Научная разработанность	3,3
Формулировка анкеты	2,1
Расчет выборки	3,1
Анализ полученных данных	3,6
Написание выводов	2,1
Подбор списка литературы	3,6
Повышение оригинальности	2,1
Создание визуализации (графики, таблицы)	4,6

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Примечание: респонденты ставили баллы — от 1 до 5, где 1 — применять ИИ недопустимо, а 5 — ИИ применим и даже полезен.

**Риски использования ИИ в профессии социолога /
The risks of using AI in the profession of a sociologist**

Риск	Мнение эксперта
Утрата аналитических навыков молодых специалистов	«Риск в том, что люди, особенно молодые специалисты, перестанут думать и будут принимать на веру то, что им выдает система» (эксперт № 9, мужчина)
Возложение слишком больших надежд на ИИ и его способности	«Слишком большие надежды будут на него возложены, и мы передадим ИИ ответственность. Нужно чувствовать проблему, видеть, наблюдать, понимать» (эксперт № 1, женщина)
Появление однотипных, шаблонных и пустых научных работ	«Риски – это масса бесполезных, пустых, скомпилированных искусственным интеллектом работ, то есть рост академического и научного мошенничества, в том числе и среди студентов» (эксперт № 7, женщина)
Фейковая информация	«Искусственный интеллект может создавать несуществующую информацию, например авторов, теории, литературу» (эксперт № 9, мужчина)
Потеря ценности человеческого труда	«Труд становится слишком автоматизированным, теряется человеческая ценность. Мне кажется, важно сохранять эту культуру, когда именно человек прикладывает руку» (эксперт № 3, женщина)
Риск конфиденциальности данных	«Где гарантия того, что этими данными не воспользуются другие?» (эксперт № 2, женщина)
ИИ не наделен моралью	«Не знаю, обладает ли ИИ моралью. Это очень важно в нашей сфере – вдруг он считает, что не нужно рожать недоношенных детей» (эксперт № 5, женщина)

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

**Возможности использования ИИ в профессии социолога /
The possibilities of using AI in the profession of a sociologist**

Возможности	Мнение эксперта
Ускорение работы	«Преимущество состоит в увеличении скорости производства – он может быстро провести мониторинг статистики, обзор социологических результатов» (эксперт № 10, мужчина)
Удешевление работы	«Значительно интереснее делать аналитику, например, по исследованиям, и это, в целом, меняет мир социологических исследований, это их удешевляет и ускоряет» (эксперт № 8, женщина)
Освобождение от рутины	«ИИ полезен тем, что упрощает некоторую часть в сборе данных, заменяет монотонную работу» (эксперт № 1, женщина)
Упрощение обработки и классификации данных	«Подбор источников, классификацию данных, факторный и кластерный анализ искусственный интеллект делает качественнее и интереснее» (эксперт № 6, мужчина)
Объективизация данных	«Человек – это сборище стереотипов, а робот этого лишен» (эксперт № 6, мужчина)
Приукрашивание исследования	«Это новинка, которую мы можем использовать, сделать изюминкой в работе, потому что это сейчас модно, актуально» (эксперт № 8, женщина)

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

«Нужно еще думать о своей репутации ученого. Поскольку это помощник, выводы мы пишем сами, но ни в коем случае он не должен нас заменять» (эксперт № 5, женщина).

В табл. 2 выведены риски, опасения экспертов, а также представлены их аргументы, доказывающие реальную угрозу внедрения искусственного интеллекта в профессию социолога.

Помимо негативных последствий проникновения искусственного интеллекта в социологическую деятельность, эксперты обнаружили его преимущества и возможности (табл. 3).

В отношении того, что студенты-социологи пользуются новыми технологиями, мнения разделились. С одной стороны, в качестве помощника ИИ может разнообразить теоретическую базу и выбор темы исследования. С другой стороны, оказывает негативное влияние на качество знаний студентов, так как всю работу они могут переложить на него.

«На самом деле качество подготовки специалистов будет снижаться, если студенты станут использовать такого рода помощников» (эксперт № 4, женщина).

«Есть риск и очень большой. Дело в том, что, когда мы пытаемся думать сами, формулировать своим умом, формируется определенный стиль мышления, и для социологов это суперважно» (эксперт № 9, мужчина).

ВЫВОДЫ

Развития искусственного интеллекта, в том числе в профессии социолога, не избежать. Исследования будут частично проводиться с его помощью. Рынок труда изменится: предположительно, уйдут некоторые компетенции, входящие в полномочия социолога, например, умение транскрибировать. Появятся специалисты, которые будут следить за работой искусственного интеллекта, а он, в свою очередь, сможет проводить интервью с респондентами и выполнять новые функции.

Стоит обратить внимание на то, что искусственный интеллект должен быть помощником социолога, но не следует перекладывать на него всю ответственность, ведь он не сможет полностью заменить человека. Поэтому необходимо правильно применять его возможности, уметь им пользоваться во благо, а также знать, на каком этапе исследования он способен помочь.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам научных исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

ACKNOWLEDGEMENTS

The paper was prepared on the results of scientific research carried out at the expense of budgetary funds within the framework of the government research assignment to the Financial University.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тихонов А.А. Большие данные и глубокое машинное обучение в искусственных нейронных сетях. *Наука и образование сегодня*. 2018;6(29):35–38.
2. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. М.: Манн, Иванов и Фербер; 2016. 496 с.
3. Мильгизин И.Э., Баева Л.В. К вопросу о креативности в нейросетях искусственного интеллекта. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kreativnosti-v-neyrosetyah-iskusstvennogo-intellekta>
4. Делегодина Л.А. Прогноз энергопотребления в АСКУЭ ННЦ искусственной нейронной сетью. *Проблемы информатики*. 2012;1(13):66–72.
5. Дубровский Д.И. Искусственный интеллект и проблема сознания. М.: ИИнтелЛ; 2005.
6. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Субъектность цифровой коммуникации в условиях технологической эволюции интернета: особенности и сценарии трансформации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subektnost-tsifrovoy-kommunikatsii-v-usloviyah-tehnologicheskoy-evolyutsii-interneta-osobennosti-i-stsenarii-transformatsii>
7. Рыков В.П. Модульный принцип обучения искусственных нейронных сетей на примере известных нейросетевых топологий. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки*. 2014;19(2):583–586.

8. Абдуллаев, Э.А. Искусственный интеллект: текущие достижения и перспективы. *Молодой ученый*. 2023;33(480):9–10.
9. Туровский Я.А., Кургалин С.Д., Адаменко А.А. Автоматизирование обучения нейрочипов. *Актуальные направления научных исследований века: теория и практика*. 2015;(5):191–196.
10. Резаев А.В., Трегубова Н.Д. «Искусственный интеллект», «онлайн-культура», «искусственная социальность»: определение понятий. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019;(6):35–47.
11. Сулимин В.В., Шведов В.В. Анализ использования искусственного интеллекта в цифровой экономике для улучшения прозрачности и эффективности государственного управления. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-v-tsifrovoy-ekonomike-dlya-uluchsheniya-prozrachnosti-i-effektivnosti>
12. Резаев А.В., Трегубова Н.Д. Искусственный интеллект и искусственная социальность: новые явления, проблемы и задачи для социальных наук. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021;(1):4–19.
13. Резаев А.В., Трегубова Н.Д. От социологии к новой социальной аналитике: кризис социологии и проблема искусственного интеллекта. *Социологическое обозрение*. 2021;20(3):280–301.

REFERENCES

1. Tikhonov A.A. Big data and deep machine learning in artificial neural networks. *Nauka i obrazovanie segodnya = Science and Education today*. 2018;6(29):35–38. (In Russ.).
2. Bostrom N. Artificial intelligence. Stages. Threats. Strategies. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber; 2016. 496 p. (In Russ.).
3. Milgizin I.E., Baeva L.V. On the issue of creativity in artificial intelligence neural networks. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kreativnosti-v-neyrosetyah-iskusstvennogo-intellekta> (In Russ.).
4. Delegodina L.A. Forecast of energy consumption in the ASKUE NSC by an artificial neural network. *Problemy informatiki = Problems of informatics*. 2012;1(13):66–72. (In Russ.).
5. Dubrovsky D.I. Artificial intelligence and the problem of consciousness. Moscow: IIntelL; 2005. (In Russ.).
6. Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N. Subjectivity of digital communication in the context of technological evolution of the Internet: Features and scenarios of transformation. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subektnost-tsifrovoy-kommunikatsii-v-usloviyah-tehnologicheskoy-evolyutsii-interneta-osobnosti-i-stsenarii-transformatsii> (In Russ.).
7. Rykov V.P. Modular principle of training artificial neural networks on the example of well-known neural network topologies. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Estestvennye i tekhnicheskie nauki = Bulletin of the Tambov University. Series: Natural and Technical Sciences*. 2014;19(2):583–586. (In Russ.).
8. Abdullaev, E. A. Artificial intelligence: Current achievements and prospects. *Molodoj uchenyj = Young scientist*. 2023;33(480):9–10. (In Russ.).
9. Turovsky Ya.A., Kurgalin S.D., Adamenko A.A. Automation of neurochip training. *Aktual'nye napravleniya nauchnyh issledovaniy veka: teoriya i praktika = Current directions of scientific research of the century: theory and practice*. 2015;(5):191–196. (In Russ.).
10. Rezaev A.V., Tregubova N.D. “Artificial intelligence”, “online culture”, “artificial sociality”: Definition of concepts. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny = Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2019;(6):35–47. (In Russ.).
11. Sulimin V.V., Shvedov V.V. Analysis of the use of artificial intelligence in the digital economy to improve transparency and efficiency of public administration. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-v-tsifrovoy-ekonomike-dlya-uluchsheniya-prozrachnosti-i-effektivnosti> (In Russ.).
12. Rezaev A.V., Tregubova N.D. Artificial intelligence and artificial sociality: New phenomena, problems and tasks for the social sciences. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny = Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2021;(1):4–19. (In Russ.).
13. Rezaev A.V., Tregubova N.D. From sociology to new social analytics: The crisis of sociology and the problem of artificial intelligence. *Sociologicheskoe obozrenie = Sociological Review*. 2021;20(3):280–301. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Ксения Максимовна Авдонина — студентка 4-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Ksenia M. Avdonina — a 4th year student of the Department of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0009-0002-5964-7661>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

89151102337@mail.ru

Яна Николаевна Смирнова — студентка 4-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, стажер-исследователь учебно-научной социологической лаборатории кафедры социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Yana N. Smirnova — a 4th year student of the Department of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0009-0009-1624-7167>

YNSmirnova@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.02.2024; принята к публикации 15.04.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 10.02.2024; accepted for publication on 15.04.2024

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-92-98
УДК 172.3(045)

Фундаментализм: научный термин или пейоративный ярлык? О некоторых аспектах неакадемического применения термина

А.В. Волобуев

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена критическому анализу обоснованности расширенного применения термина «фундаментализм» преимущественно в неакадемических источниках. В последние десятилетия фундаментализмом называют широкий круг общественных явлений и идеологий, которые на поверку оказываются консервативными, а ярлык фундаментализма работает в качестве возможности придать предмету полемики негативную коннотацию, которая сформировалась у широкого круга людей в силу борьбы с радикальными террористическими группировками, некоторые из которых и в самом деле исповедовали идеологию исламизма. Автор проводит социально-философский анализ феномена фундаментализма, проводя четкую и обоснованную грань, очерчивающую объем понятия и позволяющую отделить его от поверхностно схожих явлений, например, консерватизма.

Ключевые слова: фундаментализм; салафизм; ваххабизм; религия; философия религии; социальная философия; политическая философия

Для цитирования: Волобуев А.В. Фундаментализм: научный термин или пейоративный ярлык? О некоторых аспектах неакадемического применения термина. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(3):92-98. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-92-98

ORIGINAL PAPER

Fundamentalism: A Scientific Term or a Pejorative Label? On Some Aspects of the Non-Academic Use of the Term

A.V. Volobuev

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article is devoted to a critical analysis of the validity of the extended use of the term “fundamentalism” mainly in non-academic sources. In recent decades, fundamentalism has been used to refer to a wide range of social phenomena and ideologies that turn out to be conservative upon examination, and the label of fundamentalism serves as an opportunity to give the discussed subject a negative connotation that has formed among a wide range of people due to war on radical terrorist groups, some of which actually professed the ideology of Islamism. The author conducts a socio-philosophical analysis of the phenomenon of fundamentalism, drawing a clear and justified line that outlines the scope of the concept and allows it to be separated from superficially similar phenomena, such as conservatism.

Keywords: fundamentalism; salafism; wahhabism; religion; philosophy of religion; social philosophy; political philosophy

For citation: Volobuev A.V. Fundamentalism: A scientific term or a pejorative label? On some aspects of the non-academic use of the term. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(3):92-98. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-92-98

ВВЕДЕНИЕ

Применение понятия «фундаментализм» в академических и публицистических источниках вышло за рамки обозначения специфического типа религиозной доктрины или движения, пишут о политическом фундаментализме, экономическом фундаментализме [1], культурном фундаментализме, фундаментализме в философии и даже таких экзотических идеях, как академический [2, с. 47] и мужской фундаментализм. Значение термина настолько пролиферировало по сравнению с первоначальным объемом понятия, что перед словом «фундаментализм» нависла угроза превращения в пейоративный ярлык, используемый для клеймения обскурантистским клеймом не нравящихся автору мнений, течений и движений, но при этом термин практически теряет свое самостоятельное, устойчивое значение, а значит, и статус термина.

На это обращает внимание И.В. Симонов: «Слишком широкая и многозначная трактовка понятия «религиозный фундаментализм» (когда фундаменталистами именуют и любых экстремистов, использующих религиозную лексику, и неэкстремистов — «ревнителей древнего благочестия», и просто противников радикального религиозного модернизма и радикального экumenизма) особенно неприемлема сегодня, когда данное выражение стало активно применяться в политической сфере» [3, с. 21–27]. И.В. Симонов отмечает, что клеймо фундаментализма активно и, зачастую, бездумно используется в публичной политической борьбе. Например, негативно настроенные по отношению к Русской Православной Церкви политические и церковные деятели, такие, как украинский публицист Ю. Черноморец, пугают своих читателей оборотами «наступление православного фундаментализма», называют Патриарха Кирилла «фундаменталистом»¹, пользуясь тем, что благодаря деятельности исламских фундаменталистов на Ближнем Востоке в последние десятилетия за фундаменталистами тянется ярко выраженный негативный шлейф радикализма и обскурантизма.

В данной статье автор постарается очертить четкую и обоснованную границу применения понятия «фундаментализм» с целью возвращения ему размывающегося статуса научного термина.

Для этого обратимся к истории становления и развития термина.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА

Термин «фундаментализм» к концу XIX в. являлся весьма узкоспециальным богословским понятием, обозначавшим в экзегетике буквальный подход к толкованию религиозных текстов в противовес характерному для эпохи Просвещения вольному толкованию, концентрировавшемуся на этическом смысле христианского вероучения.

Начало осмыслению фундаментализма в современном смысле этого слова положили так называемые «Ниагарские конференции», на которых собирались и формировали свою позицию противники модернизации евангелического вероучения. В 1910–1915 гг. был издан двенадцатитомный труд под названием «Основы» (The Fundamentals), сборник статей с изложением евангелического вероучения и критикой «новомодных идей» «высшего критицизма», либеральной теологии, католицизма, социализма, атеизма, учения мормонов, спиритизма, теории эволюции и др., основана Всемирная христианская фундаменталистская ассоциация, которая объединила различные евангелические организации.

Основными положениями, которые объединяли фундаменталистов, была непререкаемая вера в непогрешимость Св. Писания, непорочное зачатие Христа, искупление на кресте Христом грехов людей, его телесное Воскресение, подлинность всех библейских чудес. Никаких иносказаний, метафорических интерпретаций сакрального текста не допускалось.

Первая мировая война принесла многим разочарование в идее прогресса, что в некоторой степени вдохновило фундаменталистов, но стоит отметить, что в Америке влияние этого фактора было значительно ниже, чем в Европе, к тому же американские фундаменталисты никогда не представляли собой единую силу, многократно делившись на различные направления. К 30-м годам XX в. более умеренные евангелисты начали отмежевываться от евангелистов, толчком к этому послужил печально известный «Обезьяний процесс» в Дейтоне, штат Теннесси (США) в 1925–1926 гг., когда фундаменталистам удалось в суде протолкнуть запрет на преподавание теории эволюции в школе.

Американский исламовед Дж. Эспозито характеризует фундаментализм как анахроническое и обскурантистское движение, представляющее собой реакцию на широкую вол-

¹ URL: <http://naukavestnik.ru/doc/gv1802Simonov.pdf>

ну либерализации и демократизации религии и околорелигиозной жизни [4, p. 15].

Любопытно, что Эспозито в тексте 1992 г. «Исламская угроза: миф или реальность?» говорил о том явлении, которое мы характеризуем как исламский фундаментализм, скорее как об «исламском возрождении» или «исламском активизме» [5, p. 7–8]. Он уже тогда выражал озабоченность поверхностным и необоснованным использованием термина, которое, по его мнению, было продиктовано формированием исламистской политической системы в Ливии, Саудовской Аравии, Пакистане и Иране. По мнению американского исламоведа, для исламской традиции с самых ранних веков характерно наличие разработанной концепции общественного активизма, который обозначается термином таджвид («возрождение») и ислах («реформа, преобразование») и ассоциируется с возвращением к первоначальному состоянию мусульманской общины. Впрочем, происламская позиция Эспозито вызывает критику: например, Д. Хоровиц приводит слова Эспозито о том, что исламская демократия способна привести к высокому уровню участия населения в политической жизни, в отличие от Вестминстерской модели или американской системы, которые слишком сфокусированы на этносе [6]. А печально известный теракт 11 сентября Эспозито объясняет не экстремизмом, а эксплуатацией исламского мира Западом. На этом основании Хоровиц заносит Эспозито в список 101 самого опасного ученого в США. Приведенные Хоровицом цитаты из выступлений и текстов Эспозито наталкивают на мысль о серьезном профессиональном искажении личности у последнего и предвзятости его мнения.

С точки зрения Эспозито, фундаменталистами можно называть тех, кто выступает за возврат к основополагающим религиозным убеждениям. Также американский исследователь подчеркивает, что евангелическое движение в США XX в. оказало огромное влияние на формирование фундаментализма, сделав акцент на принципиальной важности изучения и толкования Библии для жизни христианина. Фундаментализм — реакционное явление и противостоит либерализму.

Самый масштабный исследовательский проект, посвященный фундаментализму, выполнили американские религиоведы Марти и Эпплби с 1987

по 1995 г. Его результаты авторы изложили в пяти объемных томах. Основные тезисы американских исследователей можно изложить в следующих положениях:

Во-первых, фундаментализм всегда имеет религиозную сущность; во-вторых, фундаменталисты самого различного толка фокусируются на избранных фрагментах священных текстов и настаивают на их буквальном толковании, формулируя непререкаемые догматы своего вероучения и строя на них «неприступные бастионы» [7, p. 16–18] вероучения. Во-вторых, фундаменталисты — непримиримые сторонники буквального следования этим положениям, защищая их от попыток реинтерпретации и метафорического понимания, а также они абсолютизируют традицию. В-третьих, несмотря на превалирование фундаменталистов авраамических религий, фундаментализм необязательно привязан к ним. Существуют буддийские фундаменталисты, фундаменталисты-сикхи и другие.

Вместе с тем Марти и Эпплби подчеркивали, что прямой связи между фундаменталистами и насилием нет, фундаменталисты в целом не являются фанатиками, террористами и экстремистами. Также неверно утверждение о том, что фундаменталисты — это всегда социальные или идеологические аутсайдеры, хотя и такие в среде фундаменталистов есть. Связь между культом личности и фундаменталистами также отсутствует: фундаментализм иногда опирается на харизматических и авторитарных лидеров, но, в целом, авторитаризм духовных наставников фундаменталистов может ограничиваться продвижением их специфической интерпретации священного текста или ритуала, которую они считают единственно правильной и «непогрешимой».

Тем не менее фундаменталист противопоставляет себя «безбожному» внешнему миру и воспринимает модернизацию религии и либерализацию общественных институтов вокруг себя как угрозу, с которой нужно активно бороться. Важно отметить, что нельзя воспринимать фундаменталиста как крайнего консерватора (подобную путаницу мы можем встретить достаточно часто в СМИ и публицистике, даже в русскоязычной википедии). Консерватор стремится сохранить существующий порядок, тогда как фундаменталист, напротив, хочет радикального

преобразования действительности, которое он видит в возвращении к истокам веры, а не консервировании существующего порядка вещей. Фундаменталиста отличает активная общественная позиция, для него нет принципиальной грани между личным и общественным (ведь бог всеведущ), между политикой и религией, поэтому политический активизм для фундаменталистов вполне естественен. Фундаментализм видит в либеральной демократии врага или, как минимум, вызов своему идеализированному порядку.

Значимое дополнение делает богослов Дж. Барр, который подчеркивает, что фундаменталист стремится навязать исповедуемые его религиозной группой идеи и ценности другим, в особенности своим единоверцам [8].

Американский историк Дж. Марсден сужает понятие фундаментализма до его исходного североамериканского значения, характеризуя его как рассерженного евангелиста. Марсден пишет: «фундаментализм — это воинствующий антимодернистский протестантский евангелизм... свободная, разнообразная и изменчивая федерация единомышленников, объединенных яростным противодействием модернистским попыткам привести христианство в соответствие с современной мыслью» [9]. Фундаменталист, согласно Марсдену, видит своего врага в первую очередь в модернистской теологии, которую Марсден понимает как систему рационалистических методов интерпретации Священного Писания, позволяющих осмысленный селективный подход к толкованию некоторых его элементов, например, библейских притч и чудес. Также Марсден упоминает, что эта система взглядов на религию подразумевает возможность ошибочности некоторых положений религиозной веры и даже фрагментов текста Библии, воспринимая ее как творение человека, который мог и ошибаться.

Американский публицист Карен Армстронг, известная своими книгами по фундаментализму, определяет его как общественное движение, направленное на сохранение религиозного благочестия и духовной воинственности. При этом Армстронг подчеркивает, что фундаментализм необязательно связан с насилием [10].

Другой исторической формой религиозного фундаментализма, ответственной за его недобрую славу, является исламский фундамента-

лизм. Исламский фундаментализм, особенно его суннитская форма, салафизм, направлен на радикальную «очистку» ислама как вероучения и номократической системы и мусульманской общины («уммы») как социальной реальности от поздних наслоений и изменений («бида»), не соответствующих букве Корана и Сунны в буквальном толковании и духу «праведных» халифов, построению исламского теократического государства («халифат») и подчинению всех мусульман системе религиозно-правовых норм, регламентирующих все ключевые сферы жизни («шариат») в прочтении салафитов.

Особую роль в идеологии салафитов занимает вышеупомянутый термин «бида»: он обозначает новшество (нововведение в жизни, заблуждение в знании, правовое или политическое решение), которого не было в Коране и Сунне. Характеризуется оно резко негативно: «худшими из дел являются [дела] новоизобретенные, а всякое нововведение есть заблуждение!» [11].

Традиционная интерпретация этого хадиса заключается в том, что в исламе недопустимо введение доктринальных новшеств, подрывающих основы исламской веры: нужно следовать Корану и Сунне и избегать нововведений в религиозной жизни, расходящихся с Кораном и Сунной. Но хадис оставляет широкое поле для толкований, так что сам по себе широко известный текст закладывает своеобразную основу фундаментализма.

Исламские фундаменталисты чрезвычайно враждебно относятся к модернизации, либерализации и рационализации духовной жизни. Согласно их убеждениям, либеральные теории способствовали становлению социума, в котором стали нормой эгоизм и неограниченная свобода, однако в подобных условиях люди предаются самым низменным страстям и биологическим инстинктам, а потому такое общество обречено на деградацию и раздоры. Помимо возврата к широкому внедрению норм шариата в общественную жизнь, некоторые радикалы призывают также к имущественному равенству. Это характерно для ваххабитов.

Требование подчинения воле большинства, фундаментальное для либеральной демократии, прямо противоречит идеологии исламского фундаментализма, которую можно сформулировать как: «за Бога не голосуют, Богу подчиняются».

Можем ли мы назвать обоснованным расширение понятия «фундаментализм» за пределы североамериканской евангелической традиции? Исходя из вышеизложенного, мы можем отчетливо видеть общую сущность как американского евангелического фундаментализма, так и исламского салафизма: не признавать исламский фундаментализм представляется таким же необоснованным решением, как и не признавать конфуцианство или локаяту философией только на основании того, что в китайском и санскрите термина, соответствующего философии, нет (и то для санскрита это спорно, так как есть слово «дхарма»).

ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ

Логически возможно сделать следующий шаг и расширить понятие фундаментализма на нерелигиозные сферы жизни. Примером может служить рыночный фундаментализм, который опирается на неолиберальную политическую идеологию [12, с. 27–49]. Неолибералы считают, что любое вмешательство государства в экономику приводит к негативным последствиям, так как локусом человеческого совершенства является «невидимая рука рынка», которая является наилучшим регулятором экономики и даже общественных отношений. Ни один орган государственной власти не может сравниться с объективным рыночным механизмом по эффективности и скорости принятия решений. Частная собственность и управление всегда эффективнее государственной собственности и управления, следовательно, снижение налогов, сборов и пошлин ведет к более эффективной экономике, поскольку частные собственники всегда тратят деньги более эффективно, чем государство. Любые попытки регулирования экономики ведут к созданию вредоносной административной ренты, а социальное государство порождает паразитов и неэффективность. Протекционизм и субсидии вредны, так как снижают конкурентоспособность бизнеса, который «подсаживается» на иглу субсидий и более не может с нее «слезть», переключившись на административную ренту вместо создания конкурентоспособной продукции. Дж. Стиглиц называл эту идеологию религией, потому что она не была основана на экономической науке или исторических свидетельствах: «с исторической

точки зрения, именно рыночный фундаментализм был превалирующей религией Запада на протяжении четверти века» [13, р. 345–360]. Рыночные фундаменталисты буквально воспринимали модель «невидимой руки рынка» практически как реальную сущность и следуют буквальному толкованию излюбленных ими фрагментов из трудов классической экономической теории (иронично, что сам Адам Смит подчеркивал ограниченность своей модели). На основании этого рыночные фундаменталисты требуют радикального решения сложнейшего клубка социально-экономических проблем, с которыми столкнулась мировая и национальные экономики к 1970-м путем возврата к упрощенному, идеализированному прошлому, в котором этих проблем не было, через демонтаж кейнсианского социального государства всеобщего благоденствия. Рыночный фундаментализм, безусловно, является одной из форм фундаментализма и несет в себе все сущностные черты последнего.

Необходимо отметить: неверным является отождествление фундаментализма с консерватизмом и характеристика первого как крайней, радикальной формы последнего. Консерватор стремится сохранить существующий порядок вещей и следовать традиции. Фундаменталист, напротив — пламенный реформатор. Фундаменталист воспринимает мир вокруг себя как греховный, неправильный, и стремится к его радикальному изменению путем возвращения к основам, истокам религии. С этой целью фундаменталисты фокусируются на определенных, избранных ими текстах, формулируют систему их буквальной интерпретации и строят вокруг этого буквалистского толкования неприступную догматическую крепость, объявляя именно свое толкование единственно верным и свою доктрину непогрешимой. Фундаменталист остро переживает низвержение сакрального в ходе реформ и либерализации как общественной жизни вообще, так и религии в частности. Особенное недовольство фундаменталиста вызывает выдавливание религии в ходе триумфального шествия проекта Просвещения из публичной сферы в частную, профанация сакрального и секуляризация в целом. Мышление фундаменталиста носит синкретический, домодерновый характер, в нем отсутствует закрепившееся в ходе модернизации четкое

разделение духовной сферы на политическую, экономическую, религиозную и другие — для фундаменталиста это все стороны одного и того же божественного замысла, именно поэтому он сознательно и бессознательно стремится вернуть это единство, вернуть религию в политику и публичную сферу.

ВЫВОДЫ

Фундаментализм — это ответ на вызов модернизации, но своеобразный. В отличие от консерваторов, которые хотят сохранить существующий порядок вещей, фундаменталист хочет радикального преобразования человека и общества, но в соответствии с идеализированным образом прошлого. Решение острых личностных, социальных и даже политических проблем фундаменталист видит в возврате к упрощенному, идеализированному прошлому, когда этих проблем не было. Ярким примером является представление рыночных фундаменталистов о том, что причина социально-экономических проблем и финансовых кризисов в отходе от принципов классической экономики, вмешательство человека в работу «невидимой руки рынка», которая все расставит на свои справедливые места. Исходя из вышеизложенного, мы можем заключить, что фундаментализм — антимодернистский ответ на

модернизацию. «Фундаментализм — это продукт современности, поскольку он не просто защищает традицию, но акцентирует, упрощает ее, подавая в средствах массовой информации»² — резюмирует Э. Гидденс.

В силу вышеизложенного фундаменталистская идеология стремится к преобразованию многих или всех сфер действительности, тем не менее фундаментализм всегда так или иначе связан с религией. Именно поэтому рыночными фундаменталистами чаще всего становятся именно люди, исповедующие евангелические учения. Даже в экономической теории фундаменталисты находят избранные тексты «священного учения», основополагающие идеологемы и сакрализуют их: например, рыночные фундаменталисты поступают так с «Исследованием о природе и причинах богатства народов» Адама Смита.

Дальнейшее расширение объема понятия «фундаментализм», например, мужской фундаментализм или характеристика Патриарха Кирилла как фундаменталиста представляется журналистским штампом, не обоснованным сущностью явления и используемым, как правило, для очернения предмета полемики.

² URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2003/1/chto-zavtra-fundamentalizm-ili-solidarnost.html>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Smith D. G. Economic fundamentalism, globalization, and the public remains of education. *Interchange*. 1999;(30):93–117. DOI: 10.1023/A:1007577616645
2. Заболотная Г.М., Якупов В.Ш. Фундаментализм: природа и проявления в современном обществе. *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*. 2016;(2):47.
3. Симонов И.В. Религиозный фундаментализм и религиозный традиционализм: к вопросу о корректном употреблении терминов. *Гуманитарный научный вестник*. 2017;(11):21–27.
4. Esposito J. L., Voll J. O. Islam and Democracy. New York and Oxford. *Oxford University Press*; 1996. 321 p.
5. Esposito J. L. The Islamic threat: myth or reality? New York and Oxford. *Oxford University Press*; 1992. 318 p.
6. Horowitz D. The Professors: The 101 most dangerous academics in America. Simon and Schuster; 2013. 248 p.
7. Appleby R. S., Marty M. E. Fundamentalism. *Foreign policy*. 2002;(128):16–18.
8. Barr J. Escaping from fundamentalism. London: SCM Press; 1984. 195 p.
9. Marsden G. M. Fundamentalism and american culture. Oxford: Oxford University Press; 2006. 324 p.
10. Армстронг К. Битва за Бога. История фундаментализма. М.: Альпина нон-фикшн; 2013. 502 с.
11. «Сахих» Имама Муслима. Краткое изложение, составленное имамом аль Мунзири. М.: УММАН; 2011. 186 с.
12. Челищев В.И. Либерализм — неолиберализм — рыночный фундаментализм: от концепции свободы к тоталитарной догме. *Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология*. 2015;(4): 27–49.
13. Stiglitz Joseph E. Moving beyond market fundamentalism to a more balanced economy. *Annals of Public and Cooperative Economics*. 2009;(80:3):345–360.

REFERENCES

1. Smith D. G. Economic fundamentalism, globalization, and the public remains of education. *Interchange*. 1999;(30): 93–117. DOI: 10.1023/A:1007577616645
2. Zabolotnaya G. M., Yakupov V. Sh. Fundamentalism: Nature and manifestations in modern society. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Tyumen State University. Social, economic and legal research*; 2016; (2):47. (In Russ.).
3. Simonov I. V. Religious fundamentalism and religious traditionalism: On the issue of the correct use of terms. *Gumanitarny nauchny vestnik = Humanitarian Scientific Bulletin*. 2017;(11):21–27. (In Russ.).
4. Esposito J. L., Voll J. O. Islam and democracy. New York and Oxford. Oxford University Press; 1996. 321 p.
5. Esposito J. L. The Islamic threat: myth or reality? New York and Oxford. Oxford University Press; 1992. 318 p.
6. Horowitz D. The Professors: The 101 most dangerous academics in America Simon and Schuster; 2013. 248 p.
7. Appleby R. S., Marty M. E. Fundamentalism. *Foreign Policy*. 2002;(128): 16–18.
8. Barr J. Escaping from fundamentalism. London: SCM Press; 1984. 195 p.
9. Marsden G. M. Fundamentalism and American Culture. Oxford: Oxford University Press; 2006. 324 p.
10. Armstrong K. The Battle for God. History of fundamentalism. M.: Alpina non-fiction. 2013. 502 p. (In Russ.).
11. Sahih of Imam Muslim. A summary compiled by Imam al-Munziri. Moscow: UMMAH; 2011. 186 p. (In Russ.).
12. Chelishchev V. I. Liberalism – neoliberalism – market fundamentalism: From the concept of freedom to totalitarian dogma. *Vestnik Moskovskogo universiteta = Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science*. 2015;(4):27–49. (In Russ.).
13. Stiglitz Joseph E. Moving beyond market fundamentalism to a more balanced economy. *Annals of Public and Cooperative Economics*. 2009;(80:3):345–360.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Алексей Викторович Волобуев — доцент кафедры гуманитарных наук факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Alexey V. Volobuev — Assoc. Prof. at the Department of Humanities, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
avvolobuev@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.06.2024; принята к публикации 11.07.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.06.2024; accepted for publication on 11.07.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-99-108
УДК 32.019.5(045)

Факторы и стратегии демобилизации протестной активности российской молодежи

Р.В. Парма

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье протестные настроения дифференцированы по характеру конструктивности и конвенциональности. Деструктивные и неконвенциональные протестные настроения часто выливаются в экстремистские и радикальные действия, которые представляют угрозу устойчивому развитию общества. Протестная аудитория молодежи подразделяется на заряженных активистов, ситуативных сторонников и пассивных наблюдателей. Дискурс-анализ современных научных исследований выявил преобладание в формировании протестных настроений информационных, социальных, политических и психологических факторов. Дискурсивные предложения исследователей сопоставляются с социологическими данными, раскрывающими представления российской молодежи о нужных способах развития общественной активности. В зависимости от типов политической ориентации определяются возможные стратегии демобилизации радикальных протестных настроений, которые строятся на основании общественного участия и доступа к ресурсам.

Ключевые слова: протестные настроения; протестная мобилизация; демобилизация протеста; профилактика протеста; российская молодежь

Для цитирования: Парма Р.В. Факторы и стратегии демобилизации протестной активности российской молодежи. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(3):99-108. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-99-108

ORIGINAL PAPER

Factors and Strategies of Russian Youth's Protest Activity Demobilization

R.V. Parma

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

In the article, protest sentiments are differentiated by the nature of constructiveness and conventionality. Destructive and unconventional protest sentiments often result in extremist and radical actions that pose a threat to the sustainable development of society. The protest youth is divided into activists, situational supporters and passive observers. The discourse analysis of modern scientific research has revealed the predominance of informational, social, political and psychological factors in the formation of protest sentiments. The researchers' discursive proposals are compared with sociological data revealing the ideas of Russian youth about the necessary ways to develop social activity. Depending on the type of political orientation, potential strategies for the de-escalation of radical protest sentiment are determined. These strategies are based on public engagement and access to resources.

Keywords: protest sentiments; protest mobilization; demobilization of protest; protest prevention; Russian youth

For citation: Parma R.V. Factors and strategies of Russian youth's protest activity demobilization. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(3):99-108. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-99-108

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Протестная активность граждан может носить как конструктивный, так и деструктивный характер, нарушая установленные законом правила и попирая нравственные устои. Протестные действия также различают по уровню конвенциональности — готовности участников достигать соглашения с властями. Диагностика протестной активности связана с разнообразием декларируемых и скрытых мотиваций участников, несовпадением выдвигаемых и реально преследуемых намерений. Заявляемая мирная протестная активность участников нередко выходит за установленные ограничения, преобразуясь в силовые противоправные действия. В определенной политической ситуации деструктивный неконвенциональный протест приобретает радикальные и даже экстремистские черты.

Меры противодействия радикальным и экстремистским проявлениям общественной активности отражены в ряде нормативно-правовых актов. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» одной из целей обозначает конструирование комплекса нравственных, смысловых ориентиров развития личности, которые позволяют молодежи противостоять идеологиям экстремизма, национализма, ксенофобии, проявлениям ненависти и дискриминации по расовой, религиозной, национальной и социальной принадлежности¹. В свою очередь, в «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» привлечение молодежи к участию в несогласованных властями массовых акциях обозначается как инструмент дестабилизации социально-политической ситуации. В документе распространение протестных настроений в российском обществе, прежде всего среди молодежной аудитории, связывается с расширением цифрового пространства коммуникаций, включающим интернет-ресурсы и социальные сети².

В настоящее время российское общество пребывает в ситуации неопределенности. Переустройство мира, конфронтация со странами коллективного Запада и ведение боевых действий на сопредельных территориях формируют тревожное состояние у населения. В этих условиях наиболее уязвимой

социальной группой оказалась молодежь, чьи ценности, интересы и стратегии были в значительной степени ориентированы на Западный мир. Крушение надежд, очевидно, порождает недовольство, которое потенциально может перерасти в массовые протестные действия. Таким образом, цель исследования состоит в систематизации факторов демобилизации протестной активности молодежи, отраженных в научных работах российских авторов. Применение эффективных способов позволит нивелировать радикальные проявления протестных настроений среди молодежи в трудные времена.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В основе настоящего исследования — критический дискурс-анализ Т. Ван Дейка, используемый для выявления преобладающих контекстов и особенностей формируемого дискуссионного поля, учитывающего как отдельные характеристики социальной реальности, цели и установки адресантов, так и динамические изменения в структуре и содержании практик [1]. Источниковую базу составили актуальные статьи российских авторов, ориентированные на анализ протестных настроений молодежи, а также технологий и механизмов противодействия негативным эффектам ее протестной мобилизации (в том числе реализуемых в пространстве цифровых коммуникаций). Ключевыми параметрами дискурсивного анализа научной литературы выступают выделяемые факторы распространения протестных настроений и меры протестной демобилизации.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Согласно данным социологических исследований, среди всей российской молодежи немногим менее половины (47%) составляет аудитория протестных действий. Из них около половины (51% — самая многочисленная когорта, примерно 25% от всей численности молодежи) следует отнести к ролевой модели зрителей, которые отслеживают информацию протестного характера оппозиционной направленности. Более трети (37%) относятся к ролевой модели сторонников, демонстрирующих поддержку и выражающих готовность принять участие в уличных акциях протеста. Среди протестной аудитории существенная часть (12%) — представители ролевой модели активистов, имеющих опыт участия в протестных действиях [2] (рис. 1).

¹ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328>

² URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45555>

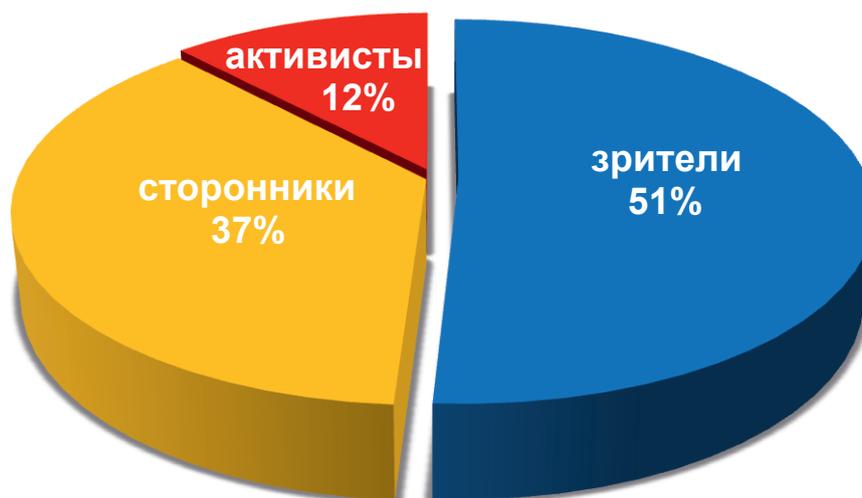

Рис. 1 / Fig. 1. Стратификация протестной аудитории российской молодежи / Stratification of the protest audience of Russian youth

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Меры профилактики обычно принимаются с учетом различных причин, способствующих формированию протестных настроений и вовлечению в протестные действия. Важным фактором протестной мобилизации выступают оценки состояния и перспектив социально-экономического развития. Ю.А. Зубок и В.И. Чупров отмечают, что нереализованные ожидания молодежи в сферах образования и труда сказываются на нарастании потенциала протестных действий. Ухудшение личного материального положения оказывается еще более сильным мотивом недовольства и вовлечения в протестную активность. Способом предупреждения эскалации таких действий обозначается создание условий для реализации жизненных стратегий молодежи [3]. К.М. Макаренко формирование протестных настроений в российском обществе связывает с конъюнктурной тематикой, отражающей принятие властью непопулярных решений. Среди наиболее распространенных событий-триггеров протеста выделяются пенсионная реформа, экологические проблемы, вопросы социального обеспечения, нарушения на выборах, оптимизация сферы здравоохранения [4].

Когнитивными факторами нарастания протестных настроений молодежи является распространение психоэмоционального ощущения несправедливости, а также представлений о нелегитимности существующего порядка, нравственной деградации общества и отсутствии

позитивного образа будущего. Д.В. Руденкин говорит о продвигаемом внесистемной оппозицией негативном восприятии государства, которое характеризуется как чиновное, коррумпированное, неэффективное и неспособное решать насущные социально-экономические проблемы [5]. В свою очередь, В.А. Франц отмечает, что возрастание значимости культурного аспекта идентичности повышает эффективность влияния «мягких» технологий на общественное мнение и поведение российской молодежи посредством усвоения «когнитивных кодов» [6].

Согласно исследованиям, новому поколению, особенно в мегаполисах, свойственны выраженные характеристики индивидуализма, гедонизма и толерантности; склонность к самовыражению, эпатажу и перформансу, следованию нестандартным моделям поведения. В.В. Титов политические взгляды поколений Y и Z характеризует как весьма неустойчивые и внутренне фрагментированные [7]. По мнению М.А. Кленова, для оппозиционной молодежи характерна более высокая, чем у провластной, гражданская активность [8].

К числу вышеуказанных факторов, наряду с запросом на ценность справедливости и несформированным позитивным образом будущего, О.В. Попова относит недостаток социального опыта, пропаганду общества потребления, слабую привязанность к национальным символам, погруженность в цифровую среду. В этих условиях политическое недовольство в сети трансформи-

руется в публичные выступления под воздействием триггеров «рекрутирующих событий». Дополнительным импульсом может стать жесткое подавление властями гражданских акций. Молодежь более склонна к протестной мобилизации, не в полной мере осознавая риски неконвенционального поведения [9].

А. А. Керимов и А. А. Эбзеев рассуждают об отсутствии политической силы, представляющей интересы молодых людей на государственном уровне. Молодежь выражает недовольство и испытывает фрустрацию, так как находится в наиболее уязвимом социально-экономическом положении, чутко реагируя на протестную повестку несистемной оппозиции. Выстраивание диалога представителей власти с молодым поколением, включение в публичную политику посредством расширения его представительства в государственных структурах способны перевести недовольство в русло конвенциональных отношений [10].

Ряд авторов на основании теоретического анализа и эмпирических исследований выявляют факторы, влияющие на интенсивность протестной активности молодежи. Е. В. Бродовская и Т. Хуанг полагают, что протестный потенциал молодых людей целенаправленно стимулируют адресные интенсивные информационные потоки на платформах социальных медиа. Аудитория протеста дифференцируется в цифровой среде по степени вовлеченности в действия и по ценностным установкам. Наблюдающие «зрители» и преданные «сторонники» ориентированы на макросоциальное взаимодействие и получение удовольствий. Включенные «активисты» настроены на тесное социальное взаимодействие, для них важны общественно значимые цели. Отмечается, что наибольшим потенциалом протестной активности обладают не типичные представители большинства цифрового поколения, а отклоняющиеся меньшинства с иными ценностными установками [11].

Официальные СМИ формируют позитивную повестку и создают представление о более благополучной ситуации в стране. Тогда как, по мнению В. Б. Звоновского с соавторами, альтернативные каналы информации — интернет и социальные медиа — предоставляют негативные сведения, провоцирующие недовольство молодежи. При этом в современных условиях протестная мобилизация носит скорее ценност-

но-рациональный характер: участники акций не столько требуют смены власти, сколько отстаивают поправленные права и ценности [12].

Как полагают С. А. Панкратов, С. И. Морозов и С. Д. Гаврилов, социальные медиа оказывают на протестную активность молодежи целенаправленное воздействие посредством формирования информационной повестки дня, вовлечения в сообщества, используя статусные и ролевые стимулы достижения успеха для продвижения радикальных ценностей и моделей поведения. Цифровые коммуникации предоставляют возможности для самоорганизации протестных сообществ и имитации масштабных действий молодежи. Лидеры протестных движений активно используют сетевые технологии мобилизации граждан через расширение поддержки политизированных онлайн-каналов, которые интегрируют протестные сообщества, используя манипулятивные механизмы влияния на сознание и поведение пользователей [13]. Взаимодействие в онлайн-сети посредством координации протестных действий позволяет организовать массовые офлайн-акции.

А. В. Шентякова и Н. В. Гришин, используя когнитивное картирование информационных материалов протестных сообществ в социальных медиа, выявляют ценностную картину в интерпретациях происходящих событий лидеров общественного мнения. Популярными у молодого поколения блогеры конструируют «консолированное символическое пространство смысла», апеллируют к справедливости, конституционным правам, принципам демократии, оскорблению и игнорированию требований граждан. Оппозиционные инфлюенсеры, накопившие социальный капитал, обладают влиянием на аудитории социальных медиа, играя роли агентов политической социализации и ретрансляторов либерального дискурса [14].

Применение А. Ю. Домбровской и А. В. Синяковым кластерного анализа позволило выявить следующие факторные зависимости политического поведения российской молодежи:

- конвенциональность и конструктивность лидерских гражданских установок сопряжена с осознанием важности ценностей социального порядка, сохранения культуры, исторической памяти, взаимопомощи и порядочности;
- неконвенциональность и неконструктивность лидерских гражданских установок чаще

всего проявляется в политических форматах гражданского активизма, а также в сферах, связанных с реализацией экологических проектов;

- неконвенциональность и неконструктивность гражданских установок взаимосвязана

с наличием прагматических доминант в жизненной стратегии молодежи;

- «зрительская» (кликтивистская) активность взаимосвязана с фокусировкой внимания на личных проблемах при меньшем интересе к со-

Таблица / Table

Представления российской молодежи о способах развития общественной активности. Ответы на вопрос: Какие из возможных путей развития гражданских и политических инициатив вы считаете оптимальными в России? (несколько ответов, %) / The views of young people in Russia regarding methods to promote social engagement. Responses to the query: "In your opinion, which of the following methods for promoting civil and political involvement are optimal in Russia?" (multiple choices, %)

Инициативы/возраст	Все	Молодежь				
	15 лет и старше	15–34 лет	15–19 лет	20–24 лет	25–29 лет	30–34 лет
Расширение гражданских прав и свобод	41	47	45	47	48	46
Внедрение программы гражданского воспитания в систему образования	39	39	38	39	45	32
Повышение качества коммуникации между гражданами и властью	35	36	41	37	41	26
Самостоятельное развитие структур гражданского общества	24	27	24	33	24	25
Поддержка государством гражданских инициатив и общественных объединений	21	21	18	33	17	17
Использование цифровых социальных сетей в развитии гражданского общества	14	17	25	17	17	9
Развитие политических партий и общественных движений	11	15	10	18	19	11
Ужесточение наказания за уклонение от гражданских обязанностей	7	4	5	1	6	5
Внедрение в стране социального рейтинга граждан	5	5	2	4	8	6
Затруднились ответить	8	8	13	7	6	6
Другое	1	2	1	2	0	3

Источник / Source: составлено автором по результатам соцопроса / compiled by the author based on the results of a social survey.

Примечание / Note: соцопрос проведен Центром политических исследований Финансового университета в марте 2022 г., репрезентативная выборка 1600 респондентов из числа граждан России старше 14 лет / The social survey was conducted by the Center for Political Studies at the Financial University in March 2022. A representative sample of 1,600 Russian citizens aged 14 and over participated in the survey.

циальным противоречиям и ориентированностью на онлайн-форматы социальной активности;

- пассивность гражданской позиции коррелирует с микросоциальными ценностями и неосознанием важности соблюдения норм/законов во всех сферах общественной жизни [15].

Между тем, согласно социологическим данным, в общественных настроениях молодых людей преобладает установка на расширение гражданских прав и свобод, но не приветствуется введение наказаний за уклонение от гражданских обязанностей. Они настроены на взаимодействие с органами власти, но не одобряют государственный контроль. Молодежь приемлет гражданское воспитание в системе образования, меньше рассчитывая на политические партии и общественные движения и практически в равной степени — на свободное развитие гражданского общества и поддержку общественных объединений со стороны государства. Примечательно, что социальные медиа не рассматриваются новым поколением как приоритетная возможность проявления гражданской активности. Школьники несколько больше настроены на коммуникацию с органами власти и взаимодействие в социальных медиа, а студенты — на самостоятельное развитие гражданского общества и поддержку государством общественных объединений. Молодежь рабочего возраста в большей степени уповает на гражданское воспитание в образовательных учреждениях и на взаимодействие граждан с властью (см. таблицу).

Меры профилактики протеста должны учитывать внутренние различия в паттернах по-

литического поведения российской молодежи. Исходя из типологии политической идентичности молодых людей, следует обозначить стратегии в отношении выстраивания комплекса мер по профилактике протестных настроений. Риски для политического режима создают активные оппозиционеры, а устойчивость ему придают активные лоялисты. Между этими группами балансирует наиболее многочисленная когорта пассивистов. Расклад сил зависит как от соотношения численности, так и от интенсивности действий. Для адресной профилактики протестных настроений важно определить стратегии действий выделенных групп (рис. 2).

Проблема профилактики протестных настроений рассматривается в ракурсе как влияния внешней среды, так и внутренней мотивации активности молодежи. В своем исследовании А. В. Палагичева исходит из того, что кампания демобилизации протестных настроений в обществе предполагает разработку стратегии и тактики действий. Выбор стратегии учитывает приоритетные направления и условия среды. Достижение намеченной цели обеспечивают имеющиеся ресурсы и настроенная система управления [16]. Общий подход в применении технологий демобилизации, как полагают А. В. Соколов и А. В. Палагичева, заключается в ограничении возможностей и потенциала протестных групп [17]. В условиях глубокого «погружения» молодежи в цифровую среду Е. В. Бродовская, А. Ю. Домбровская и их соавторы предлагают выявлять стратегии поведения

	Активные	Пассивные
Лояльные конструктивные	Группа развития Взаимодействие, содействие общественному участию и поиску ресурсов	Группа потенциала Стимулирование, расширение общественного участия и ресурсных возможностей
Оппозиционные деструктивные	Группа дестабилизации Подавление, блокирование общественного участия и ресурсных возможностей	Группа риска Ограничение, сужение общественного участия и доступа к ресурсам

Рис. 2 / Fig 2. Стратегии демобилизации протестных настроений в зависимости от типов политических действий / Strategies for demobilization of protest sentiments depending on the types of political actions

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

и протестные настроения по ряду маркеров, среди которых: частота присутствия в социальных медиа, количество лайков и репостов в различных сообществах и содержание контента [18].

С.Д. Гаврилов, С.А. Панкратов и Д.К. Азизова на основании дискурс-анализа цифровых текстов выделяют два подхода к минимизации протестной активности молодежи: 1) медиация как средство формирования общей конструктивной среды для коммуникации между политическими институтами и группами молодых людей; 2) дискредитация и/или игнорирование как противоположный способ прямого воздействия на оппозиционные группы. Согласно первому подходу, государство ответственно за создание горизонтально-интегрированного пространства для коммуникаций молодежи, а также механизмов предоставления ей условий для самореализации и развития. Смысловую основу второго подхода составляет необходимость силового воздействия на протест как таковой, включая основных лидеров мнений, публичных представителей и организаторов массовых акций [19].

В целях профилактики радикализма С.В. Расторгуев предлагает применять как мягкие, так и жесткие технологии для поддержания конвенциональных и противодействия протестным моделям поведения. Нейтрализации радикализма в молодежной среде будет способствовать максимизация доли конформистов и инноваторов, ограничение доли ритуалистов и минимизация доли ретритистов и мятежников. Трансформация указанных групп обеспечит сдвиг от экстремизма к большей конвенциональности и лояльности политической системе и режиму. Акторами мягких технологий определены федеральные гражданские министерства и ведомства, а жестких — силовые министерства и ведомства [20].

Е.Л. Омельченко и И.В. Лисовская отмечают ряд ключевых дискуссионных моментов молодежной политики. С одной стороны, молодые люди рассматриваются как ресурс для развития страны, созидания будущего. С другой — как

опасность для общества и государства, что вызывает необходимость усиления социального контроля [21]. Такое противоречие порождает широкий спектр мнений о путях, механизмах, инструментах развития молодого поколения и противодействия радикальным проявлениям в этой среде. Во многом конкурирующие позиции обуславливают избрание системы мер по противодействию формированию протестных настроений.

ВЫВОДЫ

На основании анализа дискурсивного поля научных исследований по избранной теме можно провести систематизацию факторов протестных настроений среди молодежи и мер их профилактики. Анализ соотношений показывает, что в формировании протестных настроений преобладают политические, информационные, социальные, психологические и культурные факторы. Однако среди предлагаемых действий по профилактике протеста преобладают информационные, политические, социальные и правовые меры. Расхождение между факторами и мерами демобилизации выявляет необходимость комплексного подхода к разработке эффективной стратегии противодействия нарастанию радикальных проявлений протестных настроений.

В настоящее время протестные настроения молодых людей не выражены. Однако в связи с происходящими событиями, вызывающими личную тревожность и общественную неопределенность будущего, недовольство среди них заметно возросло. В условиях проведения СВО усилилось внешнее информационное давление и наблюдается активизация внутренних внесистемных сил, нацеленных на дезорганизацию российской политической системы посредством агрессивных неконвенциональных действий. В сложившейся ситуации молодежь стала весьма уязвимой социальной группой — мишенью протестной мобилизации в цифровой среде, что требует особого внимания к данной аудитории, способной на активные действия под влиянием выделенных факторов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ван Дейк Т. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «Либроком»; 2013. 344 с.
2. Парма Р.В. Протестные настроения российской молодежи в цифровой сети. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(6):100–110. <https://doi.org/26794/2226-7867-2019-9-6-100-110>

3. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020;(3):13–41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>
4. Макаренко К. М. Протестный дискурс онлайн- и офлайн-митингов в современной России. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения*. (2022);27(1): 225–235. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.19>
5. Руденкин Д. В. Протестные настроения российской молодежи через год после митингов 2017 г. *Социодинамика*. 2019;(2):23–33. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.2.28963>
6. Франц В. А. «Мягкие» технологии формирования протестных настроений в контексте проблемы идентичности российской молодежи. Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: ежегодник. М.: ИНИОН РАН; 2019.
7. Титов В. В. Стратегии социального протеста молодежи в Рунете: сравнительный анализ поколений Y и Z. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020;(3):139–158. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1674>
8. Кленова М. А. Протестная активность как форма проявления социальной активности молодежи. *Русская политология — Russian political science*. 2020;1(14):87–92.
9. Попова О. В. Потенциал политического протеста молодежи российских мегаполисов через призму анализа коммуникации в ВКонтакте. *Южно-российский журнал социальных наук*. 2020;21(4):6–23. <https://doi.org/10.31429/26190567-21-4-6-23>
10. Керимов А. А., Эбзеев А. А. Факторы и тенденции протестной активности молодежи в современной России. *Дискурс-Пи*. 2022;19(1):104–123. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_104
11. Бродовская Е. В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019;(5):3–18. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01>
12. Звоновский В. Б., Соловьева Ю. В., Ходыкин А. В., Азимова А. М., Кожевникова А. А., Акимова Е. С., Еловикова А. А. Политическая мобилизация российской оппозиции на примере акций протеста в январе 2021 года. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021;(6):386–409. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2011>
13. Панкратов С. А., Морозов С. И., Гаврилов С. Д. Протестная активность современной молодежи в контексте институционализации цифровой политики. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения*. 2022;27(1):213–224. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.18>
14. Шентякова А. В., Гришин Н. В. Мобилизация политического протеста молодежи и российские видеоблогеры: результаты когнитивного картирования. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2021;3(2):88–109. <https://doi.org/10.46539/gmd.v3i2.155>
15. Домбровская А. Ю., Синяков А. В. Стратегии онлайн-сетевой гражданской активности и ценностные профили молодых россиян: результаты кластерного анализа и многомерного шкалирования. *Власть*. 2021;29(4):180–186. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i4.8402>
16. Палагичева А. В. Технологии политической демобилизации граждан в протестных кампаниях. *Среднерусский вестник общественных наук*. 2019; 14(1):218–231. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2019-14-1-218-231>
17. Соколов А. В., Палагичева А. В. Мобилизация и демобилизация в сетевом политическом протесте. *Политическая наука*. 2020;(3):266–297. <https://doi.org/http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.03.12>
18. Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Пырма Р. В., Азаров А. А. Гражданские и политические онлайн-практики в оценках российской молодежи (2018). *Политическая наука*. 2019;(2):180–197. <https://doi.org/10.31249/poln/2019.02.09>
19. Гаврилов С. Д., Панкратов С. А., Азимова Д. К. Условия и технологии минимизации протестной активности российской молодежи в контексте современного медиадискурса в цифровой среде. *Конфликтология / nota bene*. 2021;(4):24–34. <https://doi.org/10.7256/2454-0617.2021.4.36896>
20. Расторгуев С. В. Экстремизм в молодежной среде современной России: виды, факторы распространения, мягкие технологии профилактики. *Политическая наука*. 2018;(4):124–145. <https://doi.org/10.31249/poln/2018.04.07>

21. Омельченко Е.Л., Лисовская И.В. Молодежь как барометр будущего? Молодежная повестка в современной России сквозь мнения экспертов по молодежной политике. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2022;(2):66–92. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2078>

REFERENCES

1. Van Dyck T. Discourse and power: Representation of dominance in language and communication. Moscow: Book house “Librokom”; 2013. 344 p. (In Russ.).
2. Pyrma R. V. Protest sentiments of Russian youth on the digital network. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanitarian and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6):100–110. <https://doi.org/26794/2226-7867-2019-9-6-100-110> (In Russ.).
3. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Life strategies of young people: Realization of expectations and social moods. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny = Monitoring public opinion: Economic and social changes*. 2020;(3):13–41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602> (In Russ.).
4. Makarenko K. M. Protest discourse of online and offline rallies in modern Russia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of Volgograd State University. Series 4. History. Regional studies. International relationships*. 2022;27(1):225–235. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.19> (In Russ.).
5. Rudenkin D. V. Protest sentiments of Russian youth a year after the 2017 rallies. *Sociodynamica = Sociodynamics*. 2019;(2):23–33. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.2.28963> (In Russ.).
6. Franz V.A. “Soft” technologies for the formation of protest sentiments in the context of the problem of identity of Russian youth. Greater Eurasia: development, security, cooperation: yearbook. Moscow: INION RAS; 2019. (In Russ.).
7. Titov V.V. Strategies of social protest of youth in RuNet: A comparative analysis of generations Y and Z. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny = Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2020;(3):139–158. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1674> (In Russ.).
8. Klenova M.A. Protest activity as a form of manifestation of social activity of young people. *Russkaya politologiya = Russian political science*. 2020;1(14):87–92. (In Russ.).
9. Popova O.V. The potential of political protest among young people in Russian megacities through the prism of analyzing communication on VKontakte. *Yuzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk = South Russian Journal of Social Sciences*. 2020;21(4):6–23. <https://doi.org/10.31429/26190567-21-4-6-23> (In Russ.).
10. Kerimov A.A., Ebzeev A.A. Factors and trends in youth protest activity in modern Russia. *Discourse-Pi*. 2022;19(1):104–123. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_104 (In Russ.).
11. Brodovskaya E. V., Huang T. Digital generation: Civil mobilization and political protest of Russian youth. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny = Monitoring public opinion: Economic and social changes*. 2019;(5):3–18. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01> (In Russ.).
12. Zvonovsky V. B., Solovyova Yu.V., Khodykin A. V., Azimova A. M., Kozhevnikova A. A., Akimova E. S., Elovikova A.A. Political mobilization of the Russian opposition using the example of protests in January 2021. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny = Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2021;(6):386–409. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2011> (In Russ.).
13. Pankratov S.A., Morozov S.I., Gavrilov S.D. Protest activity of modern youth in the context of the institutionalization of digital politics. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of Volgograd State University. Series 4. History. Regional studies*. 2022;27(1):213–224. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.18> (In Russ.).
14. Shentyakova A.V., Grishin N.V. Mobilization of youth political protest and Russian video bloggers: Results of cognitive mapping. *Galactica Media: Journal of Media Studies = Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2021;3(2):88–109. <https://doi.org/10.46539/gmd.v3i2.155> (In Russ.).
15. Dombrovskaya A. Yu., Sinyakov A.V. Strategies of online network civic engagement and value profiles of young Russians: Results of cluster analysis and multidimensional scaling. *Vlast = Power*. 2021;29(4):180–186. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i4.8402> (In Russ.).
16. Palagicheva A.V. Technologies for political demobilization of citizens in protest campaigns. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk = Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2019; 14(1):218–231. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2019-14-1-218-231> (In Russ.).

17. Sokolov A.V., Palagicheva A.V. Mobilization and demobilization in network political protest. *Politicheskaya nauka = Political Science*. 2020;(3):266–297. <https://doi.org/http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.03.12> (In Russ.).
18. Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A. Yu., Pyrma R.V., Azarov A.A. Civic and political online practices in the assessments of Russian youth (2018). *Politicheskaya nauka = Political Science*. 2019;(2):180–197. <https://doi.org/10.31249/poln/2019.02.09> (In Russ.).
19. Gavrilov S.D., Pankratov S.A., Azizova D.K. Conditions and technologies for minimizing the protest activity of Russian youth in the context of modern media discourse in the digital environment. *Konfliktologiya / nota bene = Conflictology / nota bene*. 2021;(4):24–34. <https://doi.org/10.7256/2454-0617.2021.4.36896> (In Russ.).
20. Rastorguev S.V. Extremism among the youth of modern Russia: Types, distribution factors, soft technologies of prevention. *Politicheskaya nauka = Political Science*. 2018;(4):124–145. <https://doi.org/10.31249/poln/2018.04.07> (In Russ.).
21. Omelchenko E.L., Lisovskaya I.V. Youth as a barometer of the future? The youth agenda in modern Russia through the opinions of youth policy experts. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny = Monitoring public opinion: Economic and social changes*. 2022;(2):66–92. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2078> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Роман Васильевич Парма — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, ведущий научный сотрудник факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Roman V. Parma — Cand. Sci. (Pol.), Assoc. Prof. of the Department of Political Science, Leading Researcher of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-3413-4264>
rvparma@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 17.03.2024; принята к публикации 20.04.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 17.03.2024; accepted for publication on 20.04.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-109-117
УДК 327.8 (045)

Борьба за влияние в Каспийском и Центральноазиатском регионах на современном этапе: транспортные коридоры

С.А. Притчин^а, М.М. Соболев^б, А.Э. Агеев^с

^аИМЭМО РАН, Москва, Россия;

^{а,б,с}Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В настоящее время Центральная Азия и Каспийский регион второй раз с момента обретения независимости переживают возрастание геополитического интереса со стороны крупных внешних игроков. В 90-х гг. прошлого века основной сферой интересов были природные ресурсы — нефть и газ, запасы которых в регионе значительны по мировым меркам. Нынешняя активность крупных акторов сосредоточена в транспортной сфере. Сложности с морскими перевозками из-за проблем безопасности и экологии, нарастание напряженности по линии Россия — Запад подталкивают к развитию альтернативных сухопутных маршрутов, в первую очередь, в Евразии. Данное обстоятельство обуславливает огромный интерес к развитию транспортных коридоров через Центральную Азию и Каспий, при этом логистические проекты, как правило, рассматриваются инициаторами как инструмент усиления собственного влияния в регионе.

Ключевые слова: Каспийское море; Центральная Азия; транспортные маршруты; конкуренция геополитических маршрутов; Новая «Большая игра»

Для цитирования: Притчин С.А., Соболев М.М., Агеев А.Э. Борьба за влияние в Каспийском и Центральноазиатском регионах на современном этапе: транспортные коридоры. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(3):109-117. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-109-117

ORIGINAL PAPER

A Struggle for Influence in the Caspian and Central Asian Regions at the Present Stage: Transport Corridors

S.A. Pritchinn^a, M.M. Sobolev^b, A.E. Ageev^c

^aIMEMO RAS, Moscow, Russia;

^{a,b,c}Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

Currently, Central Asia and the Caspian region are experiencing a boom in geopolitical interest from major external players for the second time since gaining independence. In the 90s of the last century, the main area of interest was natural resources, primarily oil and gas, the reserves of which in the region are significant by world standards. The current rapid growth in the activity of major players is concentrated in the transport sector. Difficulties in maritime transportation due to security and environmental issues, and increasing tensions between Russia and the West are pushing for the development of alternative land routes, primarily in Eurasia. This leads to a huge interest in the development of transport corridors through Central Asia and the Caspian Sea, while logistics projects are usually considered by initiators and major players as a tool to strengthen their influence in the region.

Keywords: The Caspian Sea; Central Asia; transport routes; competition of geopolitical routes; The new “Big Game”

For citation: Pritchinn S.A., Sobolev M.M., Ageev A.E. A struggle for influence in the Caspian and Central Asian Regions at the present stage: Transport corridors. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(3):109-117. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-109-117

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в Центральной Азии и Каспийском регионе происходят фундаментальные политические и экономические изменения. В 90-х гг. прошлого века объектом внешнего интереса к региону были, в первую очередь, нефть и газ, а также маршруты их транспортировки. В результате к середине 2010-х гг. сложилась сбалансированная региональная трубопроводная система, направленная на восток в Китай (нефтепровод Атасу — Алашанькоу, газопровод Туркменистан — Узбекистан — Казахстан — Китай), на север через РФ (нефтепроводы Тенгиз — Новороссийск, Баку — Новороссийск, Атырау — Самара, газопроводы Центральная Азия — Центр), на запад через Азербайджан (нефтепроводы Баку — Тбилиси — Джейхан, Баку — Супса, Южный газотранспортный коридор). Сейчас основная геополитическая борьба в регионе сфокусирована в транспортной сфере. Причин этому несколько. В первую очередь, существуют системные проблемы с морскими перевозками между основными экономическими центрами, регионом АТР и Европой из-за пиратства и террористических атак, а также экологических проблем — снижения уровня воды ключевых каналов и, как следствие, ограничения их пропускной способности [1, 2]. С учетом надежности сухопутных маршрутов, по сравнению с морскими, возник серьезный запрос на развитие альтернативной транспортной системы для торговли между ЕС и КНР, которая частично может пройти через территорию Евразии.

Вместе с тем с началом специальной военной операции на Украине и ростом конфронтации России и Запада были нарушены основные транспортные цепочки в торговле между евразийскими странами и ЕС. Как следствие, колоссально возрос интерес к альтернативным транспортным и торговым направлениям, в том числе через Каспийский регион и Центральную Азию.

В условиях обострения конкуренции за влияние в Евразии между РФ, Китаем, ЕС, США, Турцией и рядом других стран борьба за выбор транспортных коридоров становится одним из наиболее острых вопросов. Дело в том, что контроль над транспортными потоками — это не только возможность получения платежей от транзита товаров, но и технологическая привязка, выбор стандартов транспортной инфраструктуры, управление инвестиционными потоками, что в совокупности дает высокое добавочное политическое влияние инициатору и инвестору транспортного коридора.

Целью данной статьи является анализ основных участников и заинтересованных «Большой игры» в транспортной сфере Центральной Азии и Каспийском регионе, оценка перечня реализуемых и проектируемых проектов в логистической сфере, а также выявление основных узких мест для развития транспортных коридоров. Транспортная сфера выступает важным элементом конкуренции, а значит, требует внимательного изучения. Теоретико-методологической основой исследования стал системный (комплексный) подход, в рамках которого развитие транспортных коридоров в регионе рассматривается как важный элемент международных отношений.

Основные результаты исследования позволяют оценить наиболее перспективные транспортные проекты в Центральной Азии и Каспийском регионе и эффективность иницилирующих их крупных региональных акторов.

ИНТЕРЕСЫ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА В РАЗВИТИИ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Страны Центральной Азии и Каспийского региона стремятся расширить географический потенциал внешней торговли и выйти из состояния закрытости, определенной изоляции от мировой торговли, а также реализовать свой транзитный потенциал.

Из пяти государств Центральной Азии только два имеют выход к морю — Казахстан и Туркменистан, при этом Каспийское море, омывающее их берега, не связано с мировым океаном напрямую, а только — через российскую систему рек и каналов. Такая закрытость во многом обуславливает зависимость центральноазиатских республик от транзитных стран (в первую очередь от России и Китая), а также друг от друга.

Кроме того, существует проблема реализации их транзитного потенциала. После распада СССР фактически все транспортные коридоры, проходящие через регион, оказались связаны исключительно с Россией. С 2014 г., и особенно после начала специальной военной операции в 2022 г., подобная зависимость несет странам потенциальные риски нарушения транзитных маршрутов. Сотрудничество с Россией может быть квалифицировано как нарушение санкционного режима, который США создали вместе с союзниками.

В таких условиях страны Каспийского региона и Центральной Азии готовы строить альтернативные транспортные пути, задействуя и реализуя свой

транзитный потенциал. В этом контексте показателем казахстанский кейс: несмотря на то, что Казахстан публично заявляет о следовании санкционно-му режиму против России, он не может разрывать отношения с Москвой исходя из экономических интересов¹. По словам президента Токаева, коридор «Север — Юг», проходящий через Россию, крайне важен для Казахстана, так как на него приходится от 35 до 45% объема перевозок. Параллельно с этим власти Астаны уделяют значительное внимание развитию и других инфраструктурных проектов. К ним можно отнести строительство второй железнодорожной линии Достык — Мойынты протяженностью 836 км, которая должна увеличить пропускную способность участка в пять раз².

Об интересе Казахстана говорит также Концепция развития транспортно-логистического потенциала РК до 2030 г. Согласно ее положениям, к 2030 г. предполагается увеличение объема транзита через территорию Казахстана до 35 млн т³. Кроме того, в ноябре 2022 г. представители Казахстана, Азербайджана, Грузии и Турции подписали дорожную карту касательно синхронного устранения узких мест и развития Транскаспийского международного транзитного маршрута до 2027 г., а в августе 2023 г. был представлен актуализированный вариант документов⁴.

Схожей стратегии придерживаются Узбекистан и Туркменистан. С 2014 г. действует железнодорожный коридор Китай — Казахстан — Туркменистан — Иран.

Кроме того, страны признают важность реализации проектов межрегионального значения, в том числе транскаспийского коридора⁵. Туркменистан ведет себя довольно активно, реализовывая такие проекты, как железная дорога Серхетабат — Тургунди, а также Туркменистан — Афганистан — Таджикистан (ТАТ). Причем, в отличие от своих конкурентов в Центральной Азии, он делает это преимущественно за счет собственных средств, стараясь не прибегать к практике заимствования,

что еще раз подчеркивает его амбиции и возможности в регионе [3].

Говоря о выгодах каждого из государств Центральной Азии, стоит подчеркнуть, что реализация инфраструктурных проектов, в том числе транспортных коридоров, будет способствовать дальнейшему развитию региона за счет роста его ВВП до 350 млрд долл., согласно оценке Всемирного банка⁶.

Для Азербайджана и Грузии важнейшей задачей в развитии транспортных маршрутов в регионе также является реализация своего транзитного потенциала, так как через их территорию проходят практически все транспортные коридоры, соединяющие Запад с Востоком в обход России и Ирана.

И если Грузия выступает во многом пассивным игроком, предоставляя свою территорию для проектов, то Азербайджан их самостоятельно инициирует, инвестирует и развивает — как у себя, так и в соседних странах. Для максимального использования собственного потенциала Азербайджан обновляет нормативно-правовую базу своего экономического развития: в 2022 г. была принята Стратегия социально-экономического развития Азербайджана на 2022–2026 годы⁷. Одно из ее ключевых положений — развитие несырьевого сектора экономики страны, составной частью которого власти Азербайджана видят доходы от транзита. Согласно имеющемуся плану, к 2027 г. доходы от транзита должны составить 450 млн манатов, или 265 млн долл., исходя из курса на январь 2024 г.⁸ Кроме того, Азербайджан активно вкладывается в строительство и модернизацию транспортных проектов за рубежом. Так, он выступил главным инвестором при строительстве грузинского участка железной дороги Баку — Тбилиси — Карс. В настоящее время осуществляется модернизация участка, и в среднесрочной перспективе планируется увеличение его пропускной способности до 17 млн т грузов и 3 млн чел. в год [4].

За счет развития транзитных маршрутов Азербайджан стремится улучшить свою внутреннюю связанность. Так, через Зангезурский коридор на территории Армении Баку планирует выстроить сухопутное сообщение со своим эксклавом — Нахичеванской республикой [5].

¹ URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/09/2023/651580c69a7947350ee3ef00>

² URL: <https://telegra.ph/Transport-Kazahstana--2024-Ambicioznye-celi-i-nakopivshiesya-problemy-01-22>

³ URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200001116>

⁴ URL: <https://primeminister.kz/ru/news/po-vode-i-sushe-v-kazahstane-rasshiryayut-set-alternativnykh-transportnykh-koridorov-25794>

⁵ URL: <https://isrs.uz/ru/xorijiy-ekspertlar-fikri/uzbekistanu-i-kazahstanu-vazno-maksimalno-ispolzovat-transportno-tranzitnyj-potencial>

⁶ URL: <https://isrs.uz/ru/smti-ekspertlari-sharhlari-strany-centralnoj-azii-vystupaut-za-razvitie-transportno-tranzitnogo-potenciala>

⁷ URL: <https://president.az/ru/articles/view/56723>

⁸ URL: <https://az.sputniknews.ru/20220731/chtomozhet-azerbaydzhanu-prevratitsya-v-transportnyukhab-444523256.html>

ИНТЕРЕСЫ ВНЕШНИХ ИГРОКОВ К РАЗВИТИЮ ТРАНСПОРТНЫХ ПРОЕКТОВ В РЕГИОНЕ

В силу своего географического положения и ряда других факторов Центральная Азия и Каспийский регион привлекают внимание крупных игроков: внерегиональных — ЕС, США и Турции, и региональных — России, Ирана и Китая.

Изначальные позиции России в транспортной сфере Центральной Азии и Каспийского региона были фактически безальтернативными, так как вся существующая транспортная инфраструктура была построена во времена Российской империи и СССР и в основном формировалась для связи регионов с Центром. Несмотря на проекты конкурентов и санкционный режим, Россия остается основным транзитным государством для всех центральноазиатских государств, а по ряду направлений — и для Азербайджана.

Кроме того, Россия активно развивается как транзитный хаб, модернизируя свою транспортную систему, а также реализуя такие крупные проекты, как «Север — Юг», «Меридиан» и «Центральный Евразийский коридор», благодаря которым товарооборот РФ со странами Центральной Азии в 2022 г. достиг показателя в 42 млрд долл.⁹

Иран в силу своего выгодного географического положения стремился стать связующим звеном для стран Центральной Азии и Каспийского региона, но санкционный режим со стороны США, а также неразвитая транспортная инфраструктура не позволяют ему быть полноценным хабом для соединения региона с бассейном Индийского океана. Тем не менее за счет подключения партнеров Иран развивает свою железнодорожную сеть в рамках проекта «Север — Юг» для связи с Россией и Азербайджаном и уже запустил с Туркменистаном и Казахстаном совместную железную дорогу Теджен — Серахс — Мешхед¹⁰.

Говоря о Китае, в первую очередь стоит подчеркнуть, что его проникновение в Центральную Азию носило поступательный характер. Если с начала 1990-х и вплоть до 2000-х гг. Китай скорее налаживал отношения с региональными странами и формировал долгосрочную стратегию развития с ними,

то к 2011–2013 гг. он начал масштабную экономическую и инфраструктурную экспансию в регион. Наиболее показательным здесь является запуск и активная реализация инициативы «Один Пояс — Один Путь» (ОПОП), благодаря которой Центральная Азия и Прикаспий могут быть полноценно интегрированы в экономические и логистические цепочки. В контексте указанной инициативы в первое десятилетие XXI в. Китаем был осуществлен целый ряд проектов, благодаря которым логистические нити Китая и Центральной Азии оказались переплетены. К ним относятся: газопровод Центральная Азия — Китай; нефтепровод Казахстан — Китай, а также трубопровод Туркменистан — Узбекистан — Казахстан — Китай [6].

Подобные масштабы возведения транспортных коридоров через Центральную Азию и Прикаспий стали возможными из-за колоссальных инвестиций Китая в данные регионы. Только на долю Пекина приходится порядка 80 млрд долл. прямых инвестиций в Центральную Азию, что практически равняется годовому товарообороту между ними (70,2 млрд долл. по итогам 2022 г.)¹¹. А к 2030 г. за счет реализации текущих и будущих транспортных проектов ожидается увеличение объема торговли Китая со странами Центральной Азии до 100 млрд долл.¹²

Еще один важнейший внерегиональный актор — Турция. Интерес Анкары к регионам принято связывать с общими корнями и тюркоязычной культурой. Турция пытается выступать в роли посредника, транзитного центра между Европой и Азией — об этом свидетельствуют и действующие трубопроводы, по которым энергоресурсы Каспийского бассейна поступают к ней: нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан, газопровод Баку — Тбилиси — Эрзурум, а также железная дорога Баку — Тбилиси — Карс.

Подобная активность страны в обозначенных регионах символизирует их важность в контексте того, что Турция позиционирует себя в качестве сильной как региональной, так и межрегиональной державы, исходя из воззрений Эрдогана о «мире больше пяти» (Dünya beşten büyüktür). Более того, повышенный интерес к Каспийскому региону и Центральной Азии во многом вызван зависимостью самой Турции от поставок оттуда нефти и газа.

⁹ URL: <https://tass.ru/ekonomika/17600953>

¹⁰ URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/rol-irana-v-tsentralnoy-azii-faktor-bezopasnosti-kak-osnovnoy/> (дата обращения: 29.01.2024).

¹¹ URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/05/2023/646e43449a794715028aa655>

¹² URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6320992>

Своего рода антиподом России в обозначенных регионах выступают западные страны, особенно США. Их заинтересованность преимущественно основана на желании ослабить позиции РФ за счет создания различных проектов в обход ее территории. Так, США активно «лоббируют» развитие и расширение Транскаспийского международного транзитного маршрута (ТМТМ), соединяющего Запад с Востоком через Центральную Азию и, главным образом, через Казахстан в обход России¹³. Как полагают американские чиновники, реализация данного проекта способна ограничить влияние России с ее ставкой на коридор «Север — Юг».

Наряду с США Европейский союз также преследует свои интересы касательно транспортного конструктора Центральной Азии и Прикаспия, всячески стремясь развивать транспортный коридор «Европа — Кавказ — Азия» (ТРАСЕКА). Так, по итогам 2022 г., порядка 58% инвестиций в Казахстан пришлось на США и страны ЕС в лице Нидерландов, Бельгии, Франции и Германии¹⁴.

РЕАЛИЗУЕМЫЕ И ПЛАНИРУЕМЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ ПРОЕКТЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Одним из наиболее амбициозных проектов, предложенных Россией для развития региональной логистики, является международный транспортный коридор (МТК) «Север — Юг»¹⁵, соглашение о котором подписано еще в 2000 г. между Россией, Ираном и Индией. Маршрут предполагает выстраивание коммуникаций через Иран и страны Каспия с российской транспортной системой, чтобы создать кратчайший путь между Индией и ЕС.

МТК имеет три основных транспортных коридора: 1) транскаспийский — через морские порты России, Ирана, Казахстана, Туркменистана и Азербайджана; 2) железнодорожное и автомобильное сообщение по западной ветви по маршруту Астрахань — Махачкала — Самур, а далее — по территории Азербайджана с выходом в Иран через пограничную станцию Астара; 3) по восточному побережью: по железной дороге через Казахстан и Туркменистан с выходом на железнодорожную сеть Ирана по по-

граничному переходу Теджен — Серахс¹⁶. Все три направления в итоге должны вливаться в инфраструктуру российских железных и автомобильных дорог или внутренние водные РФ.

Основная сложность в реализации проекта заключается в слабой развитости железнодорожной сети Ирана, где для сквозного маршрута из Персидского залива до границы с Азербайджаном не хватает участка Казвин — Решт — Астара общей протяженностью 375 км. За 23 года с момента старта проекта Иран так и не смог достроить этот участок самостоятельно. В мае 2023 г. президенты России и Ирана подписали соглашение о достройке участка железной дороги протяженностью 162 км между городами Решт и Астара. Москва выделит для этого кредит на 1,3 млрд евро из необходимых 1,6 млрд евро. Предполагается, что строительство должно завершиться к 2027 г.,¹⁷ но уже сегодня наблюдается заметный рост перевалки грузов на маршруте: от 5,1 млн т в 2020 г. до 8,4 млн т в 2022 г. (+64,6%) и 17,6 млн т в 2023 г. В перспективе ожидается, что к 2030 г. общий объем грузоперевозок по МТК составит от 35 до 41–45 млн т¹⁸.

Еще одним важным звеном коридора «Север — Юг» стала железная дорога Узень — Гызылгай — Бекрекет — Этрек — Горган, которая должна соединить Иран, Туркменистан, Казахстан и Россию по восточному побережью Каспийского моря. 3 декабря 2014 г. состоялось торжественное открытие железной дороги протяженностью 146 км — в Казахстане, 470 км — в Туркменистане и 70 км — в Иране. Официально было объявлено, что объем грузов может достичь 10 млн т в год. Стоимость дороги для Туркменистана составила 371 млн долл., для Казахстана — 430 млн долл., для Ирана — 106 млн долл.¹⁹

С учетом того, что все связи между Россией и Центральной Азией проходят через Казахстан, а при транзите время от времени наблюдаются сложности и задержки, было принято решение о развитии альтернативного коридора Киргизия — Узбекистан — Туркменистан — Каспийское море — Россия. В настоящее время стороны прорабатывают технические вопросы реализации маршрута, который должен будет способствовать улучшению

¹³ URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ssha-vozvrashchayutsya-v-tsentralnuyu-aziyu-no-est-nyuansy/>

¹⁴ URL: <https://primeminister.kz/ru/news/kazakhstan-privlekrekdnyy-obem-pryamykh-inostrannykh-investitsiy-23663>

¹⁵ URL: http://cargo.rzd.ru/wps/portal/cargo?STRUCTURE_ID=682

¹⁶ URL: http://cargo.rzd.ru/wps/portal/cargo?STRUCTURE_ID=682

¹⁷ URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/05/2023/6464d6bd9a794744d3582605?from=copy>

¹⁸ URL: <https://morvesti.ru/analitika/1685/106899/>

¹⁹ URL: <http://old.mgimo.ru/news/experts/document276208.phtml>

внутрирегиональной логистики в целом в Центральнокаспийском и Каспийском регионах²⁰.

Западные страны с момента распада СССР активно включились в геополитическую борьбу и предлагали реализовать проект «Новый Шелковый путь» или создать транспортный коридор ТРАСЕКА, чтобы соединить регион в обход России. Но в проектном виде он так и не был реализован, хотя сама идея формирования глобального транспортного маршрута подтолкнула страны региона к ряду самостоятельных проектов, а Китай перехватил инициативу, фактически заменив ее своим глобальным проектом.

Китай — один из основных инвесторов в транспортную инфраструктуру стран Центральной Азии, а глобальная инициатива «Один Пояс — Один Путь» предполагает создание транспортных сетей, которые смогут поддержать китайские экспортные потоки. Правительство КНР рассматривает ее как долгосрочный проект, который поможет в ближайшие годы развивать западные регионы страны, связав их сетью полезных путей и дорог с ключевыми мировыми рынками, в первую очередь с ЕС, через Центральную Азию и Каспийский регион.

Средний коридор — проект, инициатором и участником которого хотели бы выступать многие, в том числе внешние игроки, но по факту это важный элемент ОПОП для дальнейшего увеличения контейнерных перевозок по маршруту Китай — Европа, так как он позволяет сократить время в пути почти вдвое. Также следует отметить рост объема перевозок транзитных грузов из Китая в Азербайджан, который за январь 2024 г. составил около 615 тыс. т (+11,6% по сравнению с аналогичным периодом 2023 г.). Важно отметить, что после начала войны на Ближнем Востоке Средний коридор стал необходим, так как грузовое судоходство в Красном море было фактически остановлено, и начались активные поиски новых альтернативных путей транспортировки грузов. Одним из них и стал мультимодальный маршрут Среднего коридора, проходящий через территорию Китая, Казахстана, Азербайджана и Грузии²¹.

Как уже отмечалось ранее, региональные акторы также развивают свою транспортную инфраструктуру. Наиболее активен в этом плане Азербайджан, который, помимо прочего, сам иницирует и спонсирует трансграничные проекты. Среди наиболее

заметных можно выделить железную дорогу **Баку — Тбилиси — Карс (БТК)**. Его реализация серьезно укрепляет двусторонние отношения между Турцией и Азербайджаном в силу того, что это единственный железнодорожный маршрут, соединяющий две страны, а также позволяющий отправлять грузы из бассейна Каспия в страны ЕС. Кроме того, за счет эксплуатации данного железнодорожного участка во многом обеспечивается рост товарооборота между Азербайджаном и Турцией, который только за первое полугодие 2023 г. составил почти 4 млрд долл.²² С другой стороны, БТК — ключевой проект, соединяющий сразу два транспортных коридора: «Восток — Запад» и «Север — Юг» [7], но из-за ограниченной пропускной способности грузинского участка и слабой железнодорожной сети Турции он пока не может выйти на проектную мощность в 5 млн т грузов в год.

Другим важным и стратегически приоритетным считается **Зангезурский коридор**. После победы Азербайджана во второй Карабахской войне встал вопрос о Нахичеванской Автономной Республике и ее связи с основной территорией Азербайджана. По словам помощника президента Азербайджана Хикмета Гаджиева, Зангезурский коридор должен иметь особый статус, вследствие чего эксперт предлагает внедрение калининградской модели транзита с отсутствием таможенных пошлин и пограничных проверок²³. Главная сложность реализации проекта кроется в нежелании Армении допускать Азербайджан к строительству инфраструктуры через свою территорию (Сюникскую область), что приведет к усилению главных соперников Еревана — Баку и Анкары. Кроме того, это может отрезать Армению от границы с Ираном, делающим на нее определенную ставку.

Лазуритовый коридор, предполагающий транспортировку грузов из Афганистана (города Фарьяб и Герат) до Европы, последние годы заметно активизировался: в его рамках планируется подключиться к развивающейся инфраструктуре на Каспии за счет соединения железных дорог Туркменистана и строительства афганского участка до Герата. Основным инициатором проекта выступает Туркменистан, но из-за сложностей с вопросами признания властей Афганистана и нестабильной ситуации в республике проект пока остается под вопросом.

²⁰ URL: https://www.ng.ru/cis/2023-07-02/1_8762_south.html

²¹ URL: <https://interfax.az/view/909139>

²² URL: <https://interfax.az/view/896830>

²³ URL: <https://iz.ru/1632326/igor-karmazin/ustupite-dorogu-turtcia-prinuzhdaet-armeniiu-otkryt-zangezurskii-koridor>

МОРСКИЕ ТРАНЗИТНЫЕ ПЕРЕВОЗКИ ЧЕРЕЗ КАСПИЙСКОЕ МОРЕ

Морские перевозки на Каспии — важный элемент транспортной карты Евразии, так как обходные маршруты (особенно для оппонентов РФ) предполагают перевалку грузов через море. Соответственно, анализ портовой инфраструктуры и возможностей флота для перевозки грузов по морю дает понимание потенциала обходного грузопотока.

Вместе с тем российские порты на Каспии играют заметную роль и для развития транспортных маршрутов в регионе. Так, грузооборот трех российских портов на Каспии — Махачкала, Астрахань, Оля — вырос в 2023 г. на 33% по сравнению с 2022 г. (когда он составлял 6 млн т, из которых 3 млн т приходилось на астраханские порты)²⁴ и достиг 7,2 млн т.

Основным сдерживающим фактором для успешных грузоперевозок между РФ и странами Каспийского региона является тот факт, что российские порты не справляются с растущим грузопотоком из-за нехватки причалов, терминалов, кранов и другой инфраструктуры в Астрахани, малого числа судов на рейсах Иран — Россия, а также заторов в обмелевшем Волго-Донском канале.

В Баку перевалка грузов за первое полугодие 2013 г. выросла на 14%: с 3,6 до 4,1 млн т. Также наблюдается рост перевалки колесной техники: с 28 до 29 тыс. т. Однако перевалка контейнеров и сыпучих грузов снизилась с 732 до 588 т.

К концу 2023 г. грузоперевозки через Бакинский порт превысили 7 млн т (в 2022 г. этот же показатель составил 6,3 млн т²⁵). 90% объема перевалки в Бакинском порту приходится на транзитные грузы. Одна из главных задач правительства Азербайджана — увеличение пропускной способности порта с 15 до 25 млн т в год для наращивания грузоперевозок со странами Средней Азии, в частности — с Казахстаном.

Казахский порт Актау, по итогам первого полугодия 2023 г., перевалил 2,3 млн т грузов, в том числе: 1,8 млн т нефти, 118 тыс. т. зерна, 112 тыс. т металлов. Объемы перевалки нефти выросли на 63%, а металла — в 2 раза. За 2023 г. перевалка грузов через Актауский морской порт выросла на 22% и составила 3,8 млн т, в том числе:

162 тыс. т зерна, 142 тыс. т металлов, 52 тыс. т цемента²⁶. Было обработано свыше 3 млн т нефти, что на 54% выше уровня прошлого года. Одним из сдерживающих факторов является отсутствие контейнерного хаба, который планируется построить к 2025 г. Он позволит оказывать наиболее полный спектр услуг по перевалке контейнеров (до 300 тыс. ДФЭ в год).

Демонстрирует рост перевалки грузов и порт Кuryk. Так, в первом полугодии 2023 г. она превысила 1 млн т, что на 18% больше аналогичного показателя 2022 г. Текущий уровень глубины акватории портов Казахстана в среднем составляет 4,9 м при нормативном уровне судоходства 6,11 м, что позволяет осуществлять загрузку судов только на 75%²⁷.

В порту Туркменбаши (по данным за январь–июль 2023 г.) также наблюдается рост грузооборота: 1,755 млн т., где 1,3 т перевозится морским, а 451 050 т — речным транспортом²⁸. По сравнению с аналогичным периодом 2022 г., рост составил 119%. А с января по сентябрь 2023 г. общий объем грузоперевозок через порт Туркменбаши на Каспии был 2,28 млн т — на 19,9% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Пропускная способность порта — около 18 млн т, что в целом является оптимальным для отправки грузов²⁹.

Транзит товаров через иранские порты Каспийского моря в 2023 г., по сравнению с предыдущими годами, вырос на 70%, а их поток в торговые порты страны, по сравнению с 2022 г., увеличился на 9%. С 21 марта 2023 г. по 22 января 2024 г. в иранских портах было выгружено более 23 млн т нефтепродуктов³⁰. Главной ограничивающей силой для успешного развития грузооборота между Ираном и Россией является нехватка судов, так как иранские порты на Каспии пока задействованы только на 25%. Но стремление властей Ирана улучшить товарооборот между двумя странами ведет к наращиванию торгового флота, который к 2026 г. должен

²⁴ URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/03/28/968353-koridor-sever-yug-ne-spravlyaetsya-s-vozrosshim-gruzopotokom>

²⁵ URL: <https://caliber.az/post/204349/>

²⁶ URL: <https://casp-geo.ru/kazahstanskije-porty-kuryk-i-aktau-po-itogam-polugodiya-2023-goda-uvlechili-obemy-gruzoperevozok/>

²⁷ URL: <https://ru.sputnik.kz/20231120/cherez-port-aktau-s-yanvaryay-otpravili-na-22-gruzov-bolshe-chem-v-proshlom-godu-40296175.html>

²⁸ URL: <https://e-cis.info/news/567/112935/>

²⁹ URL: <https://www.newscentralasia.net/2023/08/31/gruzooborot-mezhdunarodnogo-porta-turkmenbashi-prevysil-polmilliarda-tonn-kilometrov-za-yanvar-iyul-2023-g/>

³⁰ URL: <https://seanews.ru/2023/03/29/ru-porty-irana-otchitalis-po-itogam-1401-goda/>

пополниться на 50 кораблей, часть из которых будет приобретена в России³¹.

ВЫВОДЫ

Системный анализ транспортной составляющей геополитического противостояния за влияние в Каспийском регионе и Центральной Азии показывает, что в настоящее время уже реализуется или обсуждается целый комплекс магистральных и региональных проектов, которые вносят заметный вклад в развитие транспортной инфраструктуры. Вместе с тем общая архитектура транспортных связей стран в рамках этих регионов во многом строится на базе транспортных маршрутов, созданных еще в советское время, что предполагает

их заметную зависимость от России. Так, заметная часть китайских проектов в рамках инициативы «Один Пояс — Один Путь» в итоге замыкаются на российскую транспортную инфраструктуру. Для того чтобы создать надежную и сравнимую с российской систему альтернативных коридоров, их инициаторам потребуются многомиллиардные инвестиции и долгие годы системной работы по выстраиванию новых маршрутов. Как показывает практика, никто из крупных внешних игроков не готов на это идти, даже Китай, в конечном итоге, выстраивает комбинированную систему, которая использует транзитные возможности России. При этом Москва продолжает развитие своей инфраструктуры, а также инициирует и реализует крупные региональные проекты, например, МТК «Север — Юг», которые впоследствии позволят ей продолжать оставаться важнейшим транспортным игроком в Евразии.

³¹ URL: https://www.iran.ru/news/economics/124751/194_mln_tonn_gruzov_pogruzhenno_i_razgruzhenno_v_portah_Irana_za_10_mesyacev

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Веселов Е.М., Белозёрцева Н.П. Кризис международных контейнерных перевозок 2020–2021 гг.: причины и последствия. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krizis-mezhdunarodnyh-konteynernyh-perevozok-2020-2021-gg-prichiny-i-posledstviya/viewer>
2. Савченко В.С., Смолина Е.С. Великий шелковый путь: история и экономика. *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. 2015;1(5):124–126.
3. Борисова Е.А. Дороги Центральной Азии. Новые проекты международного транзита. *Восточная аналитика*. 2020;(3):51–60. DOI: 10.31696/2227-5568-2020-03-051-060
4. Федоровская И.М. Транспортные проекты Азербайджана. *Россия и новые государства Евразии*. 2019;1(42):118–126. DOI: 10.20542/2073-4786-2019-1-118-126
5. Малышева Д.Б. Россия и транзитные коридоры Евразии. *Россия и новые государства Евразии*. 2023;2(59):91–102. DOI: 10.20542/2073-4786-2023-2-91-102
6. Притчин С. «Большая игра 2.0» в Центральной Азии на современном этапе. *Мировая экономика и международные отношения*. 2022;66(6):112–123. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-6-112-123
7. Федоровская И.М. Проекты развития транспортной инфраструктуры Закавказья. *Россия и новые государства Евразии*. 2022;4(57):123–131. DOI: 10.20542/2073-4786-2022-4-123-131.

REFERENCES

1. Veselov E.M., Belozertseva N.P. Crisis of international container transportation 2020–2021: Causes and consequences. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krizis-mezhdunarodnyh-konteynernyh-perevozok-2020-2021-gg-prichiny-i-posledstviya/viewer> (In Russ.).
2. Savchenko V.S., Smolina E.S. The Great Silk Road: History and economics. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya = Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research*. 2015;1(5):124–126. (In Russ.).
3. Borisova E.A. Roads of Central Asia. New international transit projects. *Vostochnaya analitika = Eastern analytics*. 2020;(3):51–60. DOI: 10.31696/2227-5568-2020-03-051-060 (In Russ.).
4. Fedorovskaya I.M. Transport projects of Azerbaijan. *Rossiia i novye gosudarstva Evrazii = Russia and the New States of Eurasia*. 2019;1(42):118–126. DOI: 10.20542/2073-4786-2019-1-118-126 (In Russ.).
5. Malysheva D.B. Russia and transit corridors of Eurasia. *Rossiia i novye gosudarstva Evrazii = Russia and the New States of Eurasia*. 2023;2(59):91–102. DOI: 10.20542/2073-4786-2023-2-91-102 (In Russ.).

6. Pritchins S. "The Great Game 2.0" in Central Asia at the present stage. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*. 2022;66(6): 112–123. DOI: 10.20542/0131–2227–2022–66–6–112–123 (In Russ.).
7. Fedorovskaya I.M. Projects for the Development of Transport Infrastructure in Transcaucasia. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii = Russia and the New States of Eurasia*. 2022;4(57):123–131. DOI: 10.20542/2073–4786–2022–4–123–131. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Станислав Александрович Притчин — кандидат исторических наук, заведующий Сектором Центральной Азии Центра постсоветских исследований, ИМЭМО РАН, Москва, Россия; доцент кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Stanislav A. Pritchins — Cand. Of Sci. (Hist.), Head of the Central Asia Sector of the Center for Post-Soviet Studies, IMEMO RAS, Moscow, Russia; Assoc. Prof. of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-9464-9836>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

pritchin.stanislav@yandex.ru

Максим Михайлович Соболев — бакалавр 4-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Maxim M. Sobolev — 4th year student of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0009-0000-7636-1521>

workportal.maks@xmail.ru

Антон Эдуардович Агеев — бакалавр 4-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Anton E. Ageev — 4th year student of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0009-0005-5670-6576>

Ag1anton1@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

С.А. Притчин — подготовка итоговой статьи.

М.М. Соболев — сбор материала.

А.Э. Агеев — сбор материала.

Authors' contributions:

S.A. Pritchins — preparation of the final article.

M.M. Sobolev — collection of materials.

A.E. Ageev — collection of materials.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 11.03.2024; принята к публикации 15.05.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 11.03.2024; accepted for publication on 15.05.2024.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-118-122
УДК 327.5(045)

Расширение БРИКС: новые вызовы и пути оптимизации сотрудничества

Г. Пу

Сычуаньский университет иностранных языков, Чунцин, КНР

АННОТАЦИЯ

Сегодня многополярный мир становится реальностью. С ростом влияния государства – члены БРИКС берут на себя все больше обязательств развивающихся стран и переходят от пассивного реагирования на международные финансовые кризисы к активному формированию нового мирового порядка. После расширения членства БРИКС сталкивается с новыми вызовами и возможностями. Для стран-участниц становится все более важным осмыслить международный экономический и политический порядок и проанализировать собственное положение и способы сотрудничества. В будущем альянс сможет позиционировать себя в качестве лидера Глобального Юга и стать важной платформой для широкомасштабного управления.

Ключевые слова: БРИКС; расширение состава участников; Глобальный Юг; глобальное управление

Для цитирования: Пу Г., 2024. Расширение БРИКС: новые вызовы и пути оптимизации сотрудничества. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(3):118-122. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-118-122

ORIGINAL PAPER

BRICS Expansion: New Challenges and Ways to Optimize Cooperation

G. Pu

Sichuan International Studies University, Chongqing, PR China

ABSTRACT

Today, the multipolar nature of the world is becoming more evident. As the countries gain increasing influence, BRICS members are assuming more responsibility for developing nations, transitioning from merely reacting to international financial challenges to actively shaping the global order.

With the expansion of its membership, BRICS is facing new challenges and opportunities. It has become increasingly important for its member countries to critically reflect on the current international economic and political landscape and analyze their respective positions and strategies for cooperation. In the future, this alliance has the potential to establish itself as a key player in the global South, serving as a significant platform for large-scale governance.

Keywords: BRICS; expansion; Global South; global governance

For citation: Pu G. BRICS expansion: New challenges and ways to optimize cooperation. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(3):118-122. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-118-122

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время ускоренными темпами происходят беспрецедентные масштабные изменения: центр мировой власти смещается с Запада на Восток и с Севера на Юг, формируется многополярность. Роль ООН и других международных организаций в управлении глобальной безопасностью снизилась, — ощущается ее дефицит, а либеральная международная система, в которой доминирует Запад, пытается адаптироваться к современности. Ни одна страна или группа не может решить проблему в одиночку.

В 2023 г. ВВП БРИКС составил 32,1% от мирового ВВП, превысив показатель стран «Большой семерки» (29,9%) [1]. Влияние сотрудничества стран-участниц продолжает расти, что способствует мировому экономическому росту, улучшению глобального управления и демократизации международных отношений.

МЕСТО И РОЛЬ БРИКС В МЕНЯЮЩЕЙСЯ АРХИТЕКТУРЕ МИРОВОГО ПОРЯДКА

После того, как Саудовская Аравия, Египет, Объединенные Арабские Эмираты, Иран и Эфиопия стали полноправными членами БРИКС, «пятерка» стран превратилась в «десятку». Добавление новых членов привнесло в альянс огромный ресурсный и рыночный потенциал: нефть, газ и капитал — из Саудовской Аравии и ОАЭ; сельскохозяйственная продукция и чистая энергия — из Эфиопии; энергетика — из Ирана; плантации и горнодобывающая промышленность — из Египта. Общая мощь БРИКС значительно возросла: на десять стран приходится около 46% мирового населения, почти 35% всей территории и около 38% мировой экономики по паритету покупательной способности, что превышает показатели стран «Большой семерки» и ЕС¹.

Доля БРИКС в мировом экспорте товаров выросла до 23%. В финансовом плане альянс владеет примерно половиной мировых золотовалютных резервов, имеет 19% голосов во Всемирном банке и Международном валютном фонде, а его коллективные позиции в области добычи нефти, газа и ключевых полезных ископаемых значительно возросли. Все это означает, что БРИКС обладает большим потенциалом, чтобы влиять на глобальное управление и доминировать в общей повестке.

С одной стороны, тот факт, что БРИКС удалось привлечь большое количество стран, является отражением и признаком развития Глобального Юга. С другой стороны, чтобы повысить свое представительство в системе всеобщего управления, Глобальному Югу необходимо опираться на существующие механизмы для выражения своих требований и защиты интересов. А в качестве механизма трансрегионального сотрудничества, включающего страны с формирующимися рынками и развивающиеся страны, механизм БРИКС в настоящее время, несомненно, является наиболее подходящим выбором. Все страны-участницы (как и другие государства Глобального Юга) имеют незападную идентичность, у них схожая историческая память и путь развития, они стремятся к многополярному миру, где есть место равенству и порядку. Расширенный БРИКС сможет лучше объединить мощь Глобального Юга.

Для того чтобы построить справедливый и разумный новый международный порядок, защитить права и интересы развивающихся стран, способствовать расширению сотрудничества на Глобальном Юге, странам-членам необходимо серьезно подумать о том, как трансформировать свои ресурсы в отношении международного влияния, и постоянно стимулировать собственный потенциал после расширения состава участников.

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ БРИКС ПОСЛЕ РАСШИРЕНИЯ

Ключ к будущему развитию стран альянса — в их способности сохранять гармонию и различия, формировать внутренний консенсус и прилагать согласованные усилия для продвижения прагматичного сотрудничества и построения международных отношений нового типа [2–8].

БРИКС использует модель сотрудничества на основе равенства стран-участниц при отсутствии явного доминирования. С расширением членства объединение может столкнуться с проблемой коллективной слаженности, поэтому необходимо продумать, как преодолеть разногласия при более масштабном взаимодействии.

По мере увеличения числа участников множатся факторы нестабильности внутренней политики и двусторонних отношений БРИКС. Динамичные изменения во внутренней политике будут в определенной степени влиять на участие стран-членов в сотрудничестве. Хорошо налаженные двусторонние отношения,

¹ URL: <https://www.eiu.com/n/campaigns/brics-impact/>

несомненно, являются положительным фактором для сотрудничества. В то же время любая проблема, при отсутствии должного подхода, неизбежно скажется на функционировании всего механизма. Таковыми являются спор между новыми членами БРИКС Египтом и Эфиопией о распределении водных ресурсов реки Нил, а также этносектантские и геополитические разногласия между Саудовской Аравией и Ираном. Поэтому для будущего сотрудничества БРИКС необходимо укреплять консенсус в поиске общих точек сближения при сохранении различий.

Появление «Большого БРИКС» усилило бдительность США и Запада — в настоящее время они настороженно относятся к расширению альянса и принимают меры для ограничения его сотрудничества. 13 декабря 2023 г. Европейский парламент рекомендовал Совету Европейского союза и Верховному представителю ЕС по иностранным делам и политике безопасности «адекватно» ответить на усилия Китая по созданию альтернативных международных организаций, включая группировку БРИКС, одновременно обеспечивая координацию между странами — членами ЕС и укрепляя партнерство с единомышленниками по всему миру. Отказ Аргентины от вступления в альянс также демонстрирует, что в будущем он станет все чаще сталкиваться с внешним давлением и сопротивлением. Поэтому страны-участницы должны быть бдительны в отношении преднамеренных попыток США и Запада посеять среди них разногласия.

ПОИСК ТОЧЕК СБЛИЖЕНИЯ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ БРИКС

После расширения членства сохранение единства является ключом к выживанию и развитию БРИКС, а его главная задача — преодоление разногласий и расширение консенсуса при поиске общих точек сближения. Страны-участницы должны укрепить стратегическую коммуникацию и согласовать общие цели и интересы.

В настоящее время сотрудничество БРИКС стало очень важным для Глобального Юга. Нынешние потрясения международного масштаба характеризуются тем, что доминирующие государства создают различные политические и экономические объединения в целях обеспечения безопасности, в то время как механизм БРИКС, представляющий новые силы, привле-

кает к себе все больше стран Глобального Юга. Формируется новая система параллельного противостояния между Западом и не-Западом, что вызывает обеспокоенность международного сообщества относительно направления развития международного порядка. В настоящее время Юг переместился с периферии в центр международной арены, что предоставляет ему больше возможностей для продвижения реформы международного управления. Страны Юга более склонны сохранять свою автономию в международных вопросах, не хотят слепо следовать за Западом и объединяются, чтобы противостоять его позиции по некоторым вопросам. Некоторые из них не желают выбрать чью-либо сторону в российско-украинском конфликте, отдавая предпочтение независимой дипломатии; четко выражают свою поддержку миру и стабильности в международном сообществе, выступают против вмешательства иностранных держав в их внутренние дела и не хотят быть вовлеченными в соперничество великих держав.

В будущем следует продолжать укреплять сотрудничество БРИКС, ориентируя его на Глобальный Юг.

Изначально альянс был задуман, чтобы его участники могли развиваться за счет связей и взаимопомощи, а также обрели международную мощь. Когда странам Глобального Юга предложили присоединиться к БРИКС, Запад забеспокоился, что контролируемый им международный порядок будет свергнут. В то время как западные государства продолжают очернять, дискредитировать и сдерживать БРИКС, странам-членам необходимо проявлять политическую мудрость, чтобы уживаться со старыми и новыми силами в условиях переменчивого мира.

В данном контексте необходимо заявить, что отправная точка сотрудничества БРИКС остается неизменной, и он не собирается ниспровергать существующий международный порядок, а способствует его укреплению, не стремится вступить в конфронтацию с Западом, а, напротив, выступает от имени Глобального Юга для достижения взаимовыгодных результатов. Члены альянса не желают портить отношения с Западом ради собственных интересов и предпочитают с ним сотрудничать.

Новый этап расширения способствует укреплению статуса БРИКС в мировой политической, экономической, энергетической и финансовой

сферах. Объединение должно стать основной платформой для сотрудничества Глобального Юга без антиамериканской или антизападной направленности. Но государствам-участникам также необходимо вырваться из ловушки западного дискурса и изучить альтернативные способы модернизации, делая акцент на развитии, а не на демократии.

ВЫВОДЫ

На данном этапе БРИКС должен сосредоточиться на скорейшей интеграции и укреплении позиций новых участников. Необходимо многостороннее сотрудничество, чтобы страны альянса могли оказывать большее коллективное влияние.

Механизм БРИКС обеспечивает диалог и сотрудничество с развивающимися странами и странами с формирующимся рынком. Благодаря ему объединение укрепило свои позиции на Глобальном Юге, связало себя с более крупными внешними рынками, усилило свое влияние и привлекательность. БРИКС стал важным каналом стратегической коммуникации — страны-участницы могут продолжать расширять трансрегиональное взаимодействие на уровне не только национальных лидеров, но и гражданского общества, и частного сектора, чтобы способствовать повышению эффективности практического сотрудничества на Глобальном Юге.

Финансовое взаимодействие всегда является одним из приоритетных направлений альянса. Новый банк развития (НБР) — это первый физический институт трансрегионального сотрудничества БРИКС. После 2021 г. НБР начал расширяться, но в настоящее время объектами его кредитования по-прежнему являются только страны-члены, что в определенной степени размывает потенциал механизма глобального управления БРИКС. В будущем банк сможет более активно распространять свои кредитные услуги на различные трансграничные проекты; расширять членство, не ограничиваясь только Глобальным Югом, а взаимодействуя с развитыми странами, чтобы привлечь высококлассные финансовые таланты, изучить международный опыт. Поскольку НБР продолжает испытывать потребность в трансрегиональном сотрудничестве, он может присоединяться к проектам совместного финансирования стран с формирующимся рынком и развивающихся стран в качестве ведущего банка или участника, а также

внедряться в процесс экономического, энергетического и экологического управления в различных регионах мира, чтобы раскрыть свой глобальный строительный потенциал. Кроме того, большинство новых членов БРИКС богаты нефтью и энергоресурсами, при торговле которыми альянс может использовать расчеты в местных валютах, эффективно продвигать процесс диверсификации мировых валют и прилагать усилия в реформе квот Международного валютного фонда, чтобы повысить собственные позиции и представительность стран Глобального Юга в институтах Бреттон-Вудской системы.

Обмен опытом в области государственного управления также важен для дальнейшего развития БРИКС. Государства-члены, как и страны Глобального Юга, имеют разные политические системы, идеологии, ресурсы и промышленные преимущества, и все они сталкиваются с проблемами развития и стабильности, оптимизации промышленной структуры и т. д. В век перемен международная и внутренняя политика переплетаются, и необходимо понимать, как лучше управлять государством. Например, ОАЭ накопили ценный опыт в области логистики, портов и строительства финансовых центров. Внутри альянса можно создать двухвекторную платформу для обмена опытом управления через гуманитарные каналы, в частности — между аналитическими центрами, и осуществлять взаимное обучение.

В настоящее время искусственный интеллект оказывает большое влияние на развитие общества и меняет сложившуюся парадигму глобального управления во всех аспектах. БРИКС должен возглавить Глобальный Юг в передовых и ключевых областях нового витка научно-технической революции, а также как можно скорее сформировать структуру управления и нормативные стандарты для искусственного интеллекта. Участникам надо совместно проводить исследования в области технологий искусственного интеллекта и выдвигать собственные инициативы по данному вопросу.

Региональные организации имеют большое значение для объединения сил Глобального Юга и расширения пространства взаимодействия, и в будущем страны БРИКС смогут с ними сотрудничать, создав коммуникационные платформы как в одном, так и между различными регионами, чтобы в полной мере решать местные и глобальные проблемы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Richter F. The Rise of the BRICS. URL: <https://www.statista.com/chart/30638/brics-and-g7-share-of-global-gdp/>
2. Арапова Е., Лисоволик Я. БРИКС+: ответ Глобального Юга на новые вызовы (в контексте китайского председательства в БРИКС). URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-118/>
Arapova E., Lissovolik Ya. BRICS: The Global South responds to new challenges (In the context of China's BRICS chairmanship). URL: <https://valdaiclub.com/files/38432/?ysclid=ly44xmy5ir45446987> (In Russ.).
3. Барабанов О.Н. Расширение БРИКС и политические позиции возможных кандидатов. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rasshirenie-briks-i-politicheskie-pozitsii/?sphrase_id=743368
Barabanov O.N. BRICS Expansion and the political positions of possible candidates. URL: https://valdaiclub.com/a/highlights/brics-expansion-and-the-political-positions/?sphrase_id=1667839 (In Russ.).
4. Лисоволик Я. БРИКС+ как новая сила в глобальном управлении. *Международная аналитика*. 2023;14(1):138–148.
Lissovolik Ya. D. BRICS-Plus: the New Force in Global Governance. *Mezhdunarodnaya analitika = Journal of International Analytics*. 2023;14(01):138–148. (In Russ.).
5. Li J. “Greater BRICS Cooperation” shows bright prospects (Global Hotspots). URL: <http://world.people.com.cn/n1/2024/0619/c1002-40259358.html> (In Chinese).
6. Li J. Working together to build a modern Global South. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202311/08/WS654ac31da31090682a5ecf67.html>
7. Xu X., Shen Ch. “The rise of the Global South and the evolution of the world pattern”. *International Studies*. 2023(4):64–78. (In Chinese).
8. Yang N., Wang X. Feasibility Analysis of the BRICS Mechanism to Promote the Development of the “Global South”. URL: <https://www.ncpssd.cn/Literature/articleinfo?id=DBYLT2024004007&synUpdateType=&type=journalArticle&nav=1&langType=1> (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Гунин Пу — доцент Института русского языка, Сычуаньский университет иностранных языков, Чунцин, Китайская Народная Республика

Gongying Pu — Assoc. prof., College of Russian Studies, Sichuan International Studies University, Chongqing, PR China

<https://orcid.org/0009-0007-2820-2885>

pgy529@163.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.04.2024; принята к публикации 13.05.2024.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 15.04.2024; accepted for publication on 13.05.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-123-127
УДК 37.035.4(045)

Восприятие специальной военной операции в современной отечественной студенческой среде и задачи российской власти по патриотическому воспитанию поколения Z

Е.О. Соболева
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу отношения отечественной студенческой молодежи к специальной военной операции. В частности, предпринимается попытка понять и объяснить достаточно прохладное восприятие СВО в молодежной среде, желание студенчества дистанцироваться от мобилизационной тематики, занять выжидательную политическую позицию по данному вопросу. При этом автор увязывает свой анализ, с одной стороны, с проблемами социализации современной молодежи, с другой стороны – с недостаточно эффективной агитационно-пропагандистской работой властных структур со студенческим контингентом. Одновременно предлагаются варианты оптимизации такой деятельности с целью усиления вовлеченности студенческой молодежи в патриотическую работу, включая содействие СВО.

Ключевые слова: молодежь; СВО; студенчество; власть; агитация; пропаганда; патриотизм

Для цитирования: Соболева Е.О. Восприятие специальной военной операции в современной отечественной студенческой среде и задачи российской власти по патриотическому воспитанию поколения Z. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(3):123-127. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-123-127

ORIGINAL PAPER

The Perception of the Special Military Operation in the Modern Domestic Student Environment and the Tasks of the Russian Government for the Patriotic Education of Generation Z

E.O. Soboleva
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article discusses the analysis of Russian students' attitudes towards the special military operation. Specifically, it attempts to understand and explain why there is a rather cool perception of the situation among young people, as well as the desire to distance oneself from the mobilization topic and take a wait-and-see approach to the issue. At the same time, the author connects the analysis with the problems of modern youth socialization, as well as with the insufficient effectiveness of government agencies' propaganda efforts with students. Options for improving such activities are suggested in order to increase student involvement in patriotic activities, including promoting their own initiatives.

Keywords: youth; SVO; students; government; agitation; propaganda; patriotism

For citation: Soboleva E.O. The perception of the special military operation in the modern domestic student environment and the tasks of the Russian government for the patriotic education of generation Z. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(3):123-127. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-123-127

В последние годы появился целый пласт научной литературы, посвященной анализу российской молодежной политики в целом и проблем политической социализации поколения «зуммеров» в частности [1–4]. В основе этих работ лежат исследования молодежной, в том числе студенческой, среды, ценностных ориентаций молодых людей, их социально-политических и экономических запросов. При этом ряд статей демонстрируют динамику молодежных приоритетов и предпочтений в 2022–2024 гг. В частности, на основе проведенных опросов делается вывод о том, что настрой современной российской молодежи за последнее время существенно сместился в направлении патриотизма и лояльности государству¹. Причины такой динамики в основном следующие. Во-первых, наиболее несистемная и космополитическая часть российской молодежи эмигрировала за рубеж в 2022–2023 гг., — как в Европу, так и в страны постсоветского пространства. Во-вторых, отъезд из Российской Федерации либеральных лидеров общественного мнения (ЛОМов) сузил возможности оппозиции и западных пропагандистских структур в плане влияния на умы молодого поколения. В-третьих, на волне специальной военной операции (СВО) активизировались патриотические и государственнические силы, в том числе, в плане агитационно-пропагандистского воздействия на общественное мнение. В-четвертых, определенная часть «гибких» молодежных лидеров (в том числе студенческих функционеров) прагматически решила, что сотрудничество с российской властью принесет ей гораздо больше дивидендов, чем антигосударственная фронда (тем более, что власть жестко ограничила возможности деструктивной и радикальной деятельности оппозиции), и взяла курс на лоялизм. Несомненно, все это действительно повлияло на умонастроения молодежной аудитории и способствовало ее патриотической переориентации.

Однако при глубоком анализе ситуация с идеологическими и ценностными предпочтениями российской студенческой молодежи оказывается более сложной.

Так, например, молодежный «патриотический конформизм» (не путать с искренним патриотическим настроем определенной части молодого

поколения), хотя и является позитивной тенденцией с точки зрения обеспечения социально-политической стабильности, но в то же время таит в себе существенные издержки касательно того, если политический момент потребует от «ситуативных лоялистов» мужества, самоотдачи, а то и самопожертвования во имя Родины.

Также нужно отметить, что лоялизм современной студенческой аудитории зачастую имеет поверхностный, неглубокий характер. Многие поддерживают власть и страну лишь на уровне заявлений, в крайнем случае, на уровне участия в официальных массовых мероприятиях и «правильного» голосования. В остальном они не готовы «вкладываться в лояльность», даже в плане своего времени и усилий. Кроме того, политическая лояльность значительной части молодежи обусловлена относительным комфортом собственного существования и успехами власти в обеспечении социально-экономического благополучия в стране. Подобный настрой совсем не гарантирует лояльности «зуммеров» в случае ухудшения ситуации или ее перехода в кризисный или мобилизационный сценарий.

Есть еще одна проблема, которая ослабляет позиции власти в молодежной среде. Нередко даже студенты гуманитарных и обществоведческих направлений, выступая с патриотической риторикой, не имеют серьезного «бэкграунда» и не могут подкрепить свои слова необходимыми историческими примерами, аргументами из текущей политики, ссылками на мнение авторитетных специалистов и экспертов. В итоге качество такой агитации оставляет желать лучшего, а провластные молодежные лидеры и функционеры воспринимаются скептически или, по крайней мере, не очень серьезно.

Таким образом, как мы видим, для многих представителей молодежи «патриотический тренд» выступает либо прагматичной возможностью обеспечения карьеры в системе власти и управления, либо данью определенной молодежной моде.

При этом «лакмусовой бумажкой» искреннего патриотического настроения современных молодых людей является тема СВО. Для предыдущих поколений (X и Y) вопрос о взаимосвязи патриотизма и СВО не стоит — эти страты, жившие и советское время и в «лихие 90-е», психологически готовы к борьбе, исходя из традиционной логики: если твоя страна воюет, необходимо быть с ней и ока-

¹ URL: <https://pobedarf.ru/2023/12/06/molodyh-patriotov-rossii-poschitali/>

зывать ей всяческую поддержку, вплоть до личного участия в боевых действиях. Девизом таких людей можно назвать знаменитое высказывание А.П. Чехова: «Не спрашивай, что дала тебе Родина. Скажи лучше, что ты для нее сделал».

Однако для поколения «зуммеров» подобная постановка вопроса не столь однозначна. В современной молодежной среде (особенно 20–25 лет) лояльность власти и государству зачастую не совпадает с понятием патриотизма, а тем более с поддержкой СВО. Это вызвано целым рядом причин.

Во-первых, «зуммеры» росли и развивались в весьма комфортное и благополучное время, которое не требовало от них ни сверхусилий, ни жестких самостоятельных решений, ни преодоления трудностей. Пожалуй, единственным серьезным стрессом для них была подготовка и сдача ЕГЭ.

Во-вторых, данное поколение в силу ряда обстоятельств (малочисленности, избыточной опеки родителей, социальных авансов со стороны старших и пр.) выросло в «тепличных» условиях, не слишком готово к взрослой жизни, не желает напрягаться даже ради карьеры и заработка. Но при этом его представители весьма «социально капризные», неадекватно амбициозные, с доминирующим чувством собственной талантливости и исключительности.

В-третьих, в результате перекосов, связанных с проблемной социализацией, нынешняя молодежь демонстрирует крайнюю неохоту к перениманию опыта предыдущих поколений и предпочитает замыкаться в своем уютном мирке, нередко создавая автономные субкультуры, а то и виртуальный мир «лавандового раф-кофе» и «розовых пони». При этом предыдущие поколения и их ценности воспринимаются как некомфортные, несовременные и «кринжовые».

В-четвертых, «зуммеры» — это практически первое поколение, выросшее под доминирующим влиянием Интернета и соцсетей, а там (особенно в молодежном сегменте) до сих пор преобладают прозападные, космополитические и псевдопатристские настроения, а патриотизм, и тем более СВО, не только не одобряются, но воспринимаются прохладно, а зачастую и осуждаются [5].

Однако «патриотическая пассивность» современной российской студенческой молодежи вызвана не только ее личными качествами и характеристиками, но и не слишком последова-

тельной и эффективной политикой власти на данном направлении.

Главная проблема заключается в том, что примерно с 2008 г. власть отказалась от реализации массовой молодежной политики в пользу наращивания кадровых резервов. Это привело к тому, что широкие круги «неэлитной», но образованной и амбициозной российской молодежи оказываются предоставлены сами себе. Более того, если сначала они еще сохраняли по инерции лояльность власти, то примерно с 2010 г. их начинает прибирать к рукам радикальная либеральная прозападная оппозиция, фактически перепрограммируя их мировоззрение в деструктивном антигосударственном ключе [6]. Таким образом, уже в 2011–2012 гг. значительная часть городской молодежи (прежде всего студенты вузов) принимает участие в «болотных» протестах, а позже, в 2015–2019 гг. — примыкает к ультрапротестному движению Алексея Навального [7, 8]. Лишь после начала специальной военной операции российская власть, пользуясь ослаблением либерального лагеря, пытается возобновить массовую молодежную политику. Однако этот курс, опять же, не во всем успешен. Так, на первом этапе СВО (февраль—декабрь 2022 г.) с учетом протестности «зуммеров» (подогреваемой опасениями войны и мобилизации) «сверху» проводится курс на деполитизацию молодежи при одновременном ее вовлечении в проекты власти. Для того времени такая позиция являлась вполне обоснованной — важно было не допустить «скатывания» молодых людей (особенно образованных и социально активных) в эмоциональную оппозиционность, а также требовалось развеять их фобии и страхи и наладить устойчивую коммуникацию с властью. Однако после того, как указанные цели были достигнуты (к началу 2023 г.), стрессы сняты и взаимодействие установлено, изменений в проводимом курсе не произошло. По-прежнему «сверху» шли установки на блокирование идеологической и политической работы в молодежной среде, канализацию молодежной активности в развлекательно-досуговом направлении, замалчивание темы СВО. Фактически предлагались три базовые темы для работы со студентами: самореализация и карьера, творчество, спорт, — невзирая на то, что Президент России В.В. Путин еще в 2016 г. заявил: «Национальная идея — это патриотизм», а после начала СВО неоднократно подтверждал этот тезис. В частности, 12 июня 2024 г. он указал,

что «в непростое для нашей страны время нас вновь объединяют патриотизм и ответственность за судьбу Родины. Они служат надежной опорой участникам специальной военной операции»². Конечно, в целом патриотическая работа в вузах велась и ведется, но, во-первых, она реально охватывает лишь часть молодежной аудитории, а, во-вторых, нередко мероприятия носят формальный и нетворческий характер.

Однако с учетом того, что геополитическая напряженность растет, а СВО вошла в стадию жесткого военного противостояния, от российских профильных структур требуется оптимизация молодежной политики, особенно

в отношении студенческой аудитории, которая традиционно является лидером движения. В частности, имеется потребность в большем вовлечении студентов в околвоенную тематику; расширении числа волонтерских проектов, связанных с СВО; ведении более активной неформальной просветительской патриотической работы в вузах; организации систематических встреч с молодыми участниками спецоперации и пр. Также необходимо совершенствование PR-работы [9], например, создание и раскрутка популярных ТГ-каналов, выдвижение новых молодежных лидеров общественного мнения, продвижение патриотической (и даже военно-патриотической) повестки в музыке, кино, спорте, шоу-бизнесе.

² URL: <https://tass.ru/obschestvo/21077847>

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

ACKNOWLEDGMENTS

The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Селезнева А.В., Тулегенова Д.Д. «В слове «мы» сто тысяч «я»: коллективное и индивидуальное в мировоззрении российской молодежи. *Вестник РУДН. Сер. Политология*. 2024;26(2):341–356.
2. Бродовская Е.В., Лукушин В.А., Давыдова М.А. Векторы развития электоральных установок российской молодежи: результаты когнитивной инструментальной диагностики. *Власть*. 2022;30(3):80–84.
3. Ахмедова К.Б. Механизмы патриотического воспитания российской молодежи. *Вестник Университета Российской академии образования*. 2022; (1):44–54.
4. Андрушина Е.В., Панова Е.А. Современная российская государственная молодежная политика: эволюция, основные направления, практики. *Власть*. 2017;25(7):60–65.
5. Корня А., Лейба Г. Планы партий и планы народа. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6336139>
6. Шатилов А.Б. Формирование концепта государственного патриотизма в России в период 2000–2017 гг.: основные этапы и базовые идеологемы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2017;7(3):18–23.
7. Прилепский В.В. Протестная активность молодежи: общественные настроения, идеология и государственная политика. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2023;7(1):145–151.
8. Пырма Р.В. Восстание поколения Z: новые политические радикалы. *Гуманитарные науки. Вестник финансового университета*. 2017;7(2):43–50.
9. Шатилов А.Б. Информационное и PR-сопровождение Специальной военной операции России на Украине: основные тренды и уроки первого этапа. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(4):71–76.

REFERENCES

1. Selezneva A.V., Tulegenova D.D. “There are a hundred thousand “I’s” in the word “we”: The collective and the individual in the worldview of Russian youth. *Vestnik RUDN. Ser. Politologiya = RUDN Bulletin. Series: Political Science*. 2024; 26 (2): 341–356. (In Russ.).

2. Brodovskaya E.V., Lukushin V.A., Davydova M.A. Vectors of development of electoral attitudes of Russian youth: Results of cognitive instrumental diagnostics. *Vlast' = Power*. 2022; 30 (3): 80–84. (In Russ.).
3. Akhmedova K.B. Mechanisms of patriotic education of Russian youth. *Vestnik Universiteta Rossijskoj akademii obrazovaniya = Bulletin of the University of the Russian Academy of Education*. 2022; (1): 44–54. (In Russ.).
4. Andryushina E.V., Panova E.A. Modern Russian state youth policy: Evolution, main directions, practices. *Vlast' = Power*. 2017;25(7):60–65. (In Russ.).
5. Kornya A., Leiba G. Party plans and people's plans. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6336139> (In Russ.).
6. Shatilov A.B. Formation of the concept of state patriotism in Russia in the period 2000–2017: Main stages and basic ideologemes. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2017;7(3):18–23. (In Russ.).
7. Prilepsky V.V. Protest activity of youth: public sentiment, ideology and public policy. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk = International journal of humanitarian and natural sciences*. 2023;7(1):145–151. (In Russ.).
8. Pyrma R.V. Uprising of generation Z: New political radicals. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2017;7(2):43–50. (In Russ.).
9. Shatilov A.B. Information and PR support of the Russian Special Military Operation in Ukraine: Main trends and lessons of the first stage. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(4):71–76. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Евгения Олеговна Соболева — младший научный сотрудник Центра политических исследований Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Evgeniya O. Soboleva — Junior Researcher at the Center for Political Studies of the Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-8520-0412>

esoboleva@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.05.2024; принята к публикации 10.06.2024.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи

The article was received on 10.05.2024; accepted for publication on 10.06.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-128-136

УДК 316(045)

Сетевые инструменты формирования доверия в трансформирующихся современных экономических отношениях (на примере экономики совместного потребления в г. Москве)

В.П. Антонюк, Я.С. Иванова, А.Г. Тюриков
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается влияние сетевых инструментов на формирование доверия студенческой молодежи основными видами транспортной экономики совместного потребления: каршерингу, велошерингу, кикшерингу и райдшерингу. С целью изучения данного феномена было проведено социологическое исследование методом онлайн-анкетирования (CAWI), в котором приняли участие студенты, обучающиеся на всех факультетах Финансового университета г. Москвы. В ходе опроса особое внимание уделялось анализу динамики данных, полученных в 2022 и 2024 гг. Для повышения доверия к сетевым инструментам и привлечения новых пользователей авторы предлагают компаниям по аренде транспортных средств свои рекомендации.

Ключевые слова: доверие; сетевые инструменты; экономические отношения; экономика совместного потребления; каршеринг; велошеринг; кикшеринг; райдшеринг

Для цитирования: Антонюк В.П., Иванова Я.С., Тюриков А.Г. Сетевые инструменты формирования доверия в трансформирующихся современных экономических отношениях (на примере экономики совместного потребления в г. Москве). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(3):128-136. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-128-136

ORIGINAL PAPER

Network Tools for Building Trust in the Modern Transforming Economic Relations (Using the Example of the Sharing Economy in the City of Moscow)

V.P. Antonyuk, Ya.S. Ivanova, A.G. Tyurikov
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The purpose of the study is to analyze the impact of network tools on the formation of students' trust in the main types of transport sharing economy: carsharing, bikesharing, kicksharing and ridesharing. In order to study this phenomenon, a sociological study was conducted using an online survey (CAWI), in which students studying at all faculties of the Financial University of Moscow took part. During the sociological research conducted by the authors of the article, special attention was paid to the analysis of the dynamics of data obtained in 2022 and 2024. It was revealed that network tools have a significant influence on trust in sharing services, which depends on the specific tool and the specific type of transport sharing economy. The authors offer recommendations to vehicle rental companies to increase trust in online tools and attract new users of the transport sharing economy.

Keywords: trust; network tools; economic relations; sharing economy; carsharing; bikesharing; kicksharing; ridesharing

For citation: Antonyuk V.P., Ivanova Ya.S., Tyurikov A.G. Network tools for building trust in the modern transforming economic relations (using the example of the sharing economy in the city of Moscow). *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(3):128-136. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-128-136

ВВЕДЕНИЕ

Стабильность экономических отношений зависит от ряда факторов, среди которых первостепенное значение имеет доверие. Актуальность проблемы формирования и сохранения доверия между субъектами рынка становится более острой в условиях внешних и внутренних вызовов и угроз. Глобальная цифровизация сказалась на коммуникационных процессах и вытеснила живое взаимодействие в новый цифровой формат — теперь интеллектуальные сервисы, инновационные платформенные решения, интернет-ресурсы играют ключевую роль в реализации экономических отношений [1]. В условиях стремительного развития шеринг-экономики и цифровизации социальной, экономической, политической и других сфер взаимодействия изменяются модели поведения как отдельных индивидов, так и социальных групп. Важнейшим отличием шеринга является способность генерировать репутацию и доверие, которое становится нематериальным капиталом, позволяющим снижать транзакционные издержки и привлекать новых пользователей.

При выборе того или иного транспортного шеринг-сервиса люди все чаще прибегают к различным сетевым инструментам, которые, в свою очередь, стали своеобразным источником формирования доверия этому сервису: социальные сети, мессенджеры, форумы, веб-сайты, блоги, онлайн-игры — не просто средства коммуникации между людьми, но и неотъемлемая часть жизни, порой заменяющая реальный мир виртуальным.

Транспортная экономика совместного потребления развивается быстрыми темпами, и неправильное использование сетевых инструментов может негативно влиять на взаимодействия людей в рамках шеринговой системы.

Таким образом, объектом авторского исследования выступает доверие как социальный феномен, предметом — влияние сетевых инструментов на формирование доверия в транспортной шеринг-экономике при пользовании студентами Финансового университета услугами каршеринга, велошеринга, кикшеринга и райдшеринга.

Для реализации поставленной цели должны быть выполнены следующие задачи:

- рассмотрение сущности, содержания и механизмов формирования доверия;
- анализ сущности и содержания понятия сетевых инструментов;

- выявление факторов, влияющих на формирование и изменение доверия в транспортной экономике совместного потребления столичного мегаполиса при использовании сетевых инструментов;

- разработка научно-практических рекомендаций по формированию и укреплению доверия студенческой молодежи к транспортной экономике совместного потребления в г. Москве.

В качестве гипотезы было выдвинуто предположение, что сетевые инструменты в интернете влияют на формирование доверия студенческой молодежи сервисам транспортной шеринг-экономики: каршерингу, велошерингу, кикшерингу и райдшерингу.

В мировой и отечественной науке существует множество подходов к определению понятия доверия в различных областях научного знания: социологии, философии, психологии, экономике, культурологии, юридических науках.

Так, польский социолог П. Штомпка считает, что «доверие — “залог”, свидетельствующий о том, что неопределенные будущие действия других людей или функционирование оборудования либо учреждения будут нам полезны» [2, с. 125]. Доверие обязательно предполагает совершение действий, влекущих за собой, хотя бы отчасти, желаемые результаты, которые, однако, заранее нельзя верифицировать. Оно все больше приобретает значение способа, с помощью которого можно справиться с неуверенностью, неопределенностью и минимизировать риски.

Согласно подходу Дж. Коулмана, доверие является одним из основных неотъемлемых элементов социального и человеческого капитала. Одним из его системообразующих типов выступает обобщенное доверие, то есть готовность вступать в социальные отношения даже с незнакомыми людьми ради сотрудничества и конструктивного взаимодействия. Рост обобщенного доверия в любой социальной группе сопровождается повышением надежности и оптимизацией социального капитала, который может воздействовать на взаимоотношения между людьми, повышая эффективность человеческой деятельности. Напротив, низкий уровень обобщенного доверия сокращает социальный капитал общества, формируя низкую культуру доверия индивидов [3].

Феномен доверия — не абстрактная категория, а каждодневная практика, либо делающая общественные связи прочнее, либо ослабляющая

их, что в итоге приводит к разрушениям, если субъекты не имеют возможности прийти к компромиссу во мнениях [4, с. 88].

По мнению социологов Финансового университета: А. В. Зновьюк (Власовой), А. Г. Тюрикова, Д. А. Кунижевой, возникновение доверительных отношений базируется на социальных действиях субъектов. Справедливо и обратное: человек не сможет действовать грамотно, обоснованно, если нет доверия [5, с. 72].

Сегодня в цифровом пространстве появился так называемый «институт репутации» — отзывы пользователей о товарах, услугах, организациях, которые люди изучают при принятии различных экономических решений.

Согласно мнению А. Г. Тюрикова и М. Ю. Зеленкова, с появлением цифровых технологий особую роль приобрело доверие к источникам информации — даже самые продуманные сообщения, апеллирующие либо к просоциальным, либо к эгоистическим мотивам, обречены на провал, если их источник считается ненадежным [6, с. 29].

В основу авторского исследования положена концепция доверия П. Штомпки, согласно которой доверие влияет на социальные отношения, базирующиеся на полезности действий других людей (пользователей шеринговой экономики) и полезности функционирования оборудования (арендованных транспортных средств).

В мировой практике нет единого общепринятого определения такого социального феномена, как сетевые инструменты. К тому же публикационную активность на сайте российской научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU по запросу «сетевые инструменты» нельзя назвать высокой — за 2022 г. были написаны лишь 3 содержательные работы, что позволяет считать их малоизученным явлением.

Социолог Манчестерской школы Дж. Барнс в 1954 г. ввел термин «социальная сеть», под которым он понимал социальную структуру, включающую в себя совокупности узлов, выступающих в виде таких социальных объектов, как люди, сообщества и организации, и связи между ними (социальные взаимоотношения) [7, с. 651]. Дж. Барнс описывал механизм функционирования социальной сети следующим образом: у индивида есть определенный круг друзей, у которых, в свою очередь, есть свои круги друзей, и в этих образующихся социальных полях не обязательно все знают друг друга. Данные

поля созданы посредством системы, в которой метафорически люди выступают точками, а их взаимосвязи — линиями, образуя сети [8].

Общественное развитие привело к тому, что функционирование социальных сетей возможно не только при личных встречах, но и в формате онлайн — в интернет-пространстве посредством различных мессенджеров, форумов, веб-сайтов и т. д. Взаимодействия в социальных сетях принято называть сетевыми.

Одним из самых известных научных трудов о социальных взаимодействиях в социологии является работа «Семья и социальная сеть» М. Грановеттера, написанная в середине XX в. В ней автор описывает различия между «сильными» и «слабыми» связями (strong and weak ties), при помощи которых все члены общества удерживаются вместе [9]. Подобные связи разграничивают сетевых акторов на формальной основе в зависимости от близости и частоты контактов между ними. Под сильными связями подразумеваются близкий круг общения: родственники, семья, друзья; а под слабыми — дальний: соседи, знакомые. В современных реалиях влияние слабых связей существенно выше, в том числе из-за развития Интернета: теперь легче искать работу, обмениваться информацией и т. д.

Итак, сетевые инструменты — это средства взаимодействия между субъектами социальных отношений, возникающие в процессе коммуникационной активности, направленные на поддержание социальной структуры общества в целом и отдельных его элементов.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье представлены результаты социологического исследования «Сетевые инструменты, доверие и шеринг», проведенного в 2024 г. Авторы использовали такой количественный метод, как опрос, а именно — онлайн-анкетирование. Исследование проводилось среди студентов Финансового университета всех курсов и направлений, поэтому подошел случайный бесповторный метод отбора выборочной совокупности. Надо было опросить 377 студентов, чтобы получить достаточно репрезентативные данные с ошибкой выборки, равной 5%. Выбранная совокупность отражает основные характеристики типового студенческого конгломерата пользователей московских сервисов транспортной экономики совместного потребления ввиду территориального фактора:

обучающиеся проживают компактно в общежитиях вблизи восьми станций метро, учатся в семи корпусах университета, расположенных в разных административных округах г. Москвы.

Результаты исследования позволяют утверждать, что важнейшими факторами (как привлекающими, так и отталкивающими), влияющими на решение пользоваться шеринг-услугами, являются: личный опыт, отзывы, рейтинги и стоимость услуг¹ (рис. 1). При сравнении результатов исследования 2024 и 2022 гг. [10] видно, что лидируют два фактора: «личный опыт пользования» и «отзывы и рейтинги пользователей услуг». А вот на третьем месте в 2024 г. году — «внешний вид товаров», а в 2022 г. — «мнение родственников, друзей и знакомых».

Ответы студентов Финансового университета на вопрос, «что значит — доверять шеринговым сервисам», можно разделить на две группы: одни респонденты говорят о доверии и объясняют его разными причинами (рис. 2), другие категорически отказываются доверять, приводя свои аргументы (рис. 3).

¹ Респондентам было предложено проранжировать факторы по степени их влияния на принятие решения о пользовании шеринг-услугами. Для сравнения факторов результаты ранжирования были переведены в индексы значимости, измеряемые от 0 до 1, где чем ближе значение стремится к 1, тем выше значимость фактора (его чаще выбирали в качестве первого среди остальных).

В комментариях первой группы отчетливо выделяются такие слова и словосочетания, как: «быть уверенным», «пользоваться», «доверяю», «безопасность». Большинство считают, что, если пользуешься какой-либо услугой, значит доверяешь ей или организации, ее предоставляющей. И, наоборот, — когда доверяешь, тогда и пользуешься: «*Пользоваться их услугами — это уже доверие*»; «*Пользоваться этим сервисом на постоянной основе*».

Ряд респондентов полагают, что можно доверять компаниям, но нельзя — людям, которые пользуются услугами экономики совместного потребления: «*Не совсем доверяю аренде авто, так как видел много случаев, где люди оставались виноватыми вследствие действий других людей*». Райдшеринг — услуга, где все зависит от порядочности и поведения людей: «*Доверяю. Ничего опасного не вижу. За исключением райдшеринга, но это уже связано с попутчиками, а не сервисом*».

Во вторую группу — тех, кто категорически отказывается доверять шеринговым сервисам, попал каждый десятый респондент. Чаще всего они употребляют фразу «нет доверия», а также слова: «подвох», «обманывают», «нерадивые», «неблагополучные». По их мнению, доверять компаниям, предоставляющим шеринг-услуги, нельзя из-за боязни за собственную безопасность, безопасность персональных данных,

	Факторы, способствующие принятию решения о пользовании		Факторы, отталкивающие от принятия решения о пользовании	
	2024 год	2022 год	2024 год	2022 год
личный опыт пользования	0,75	0,72	0,77	0,76
отзывы и рейтинги пользователей услуг	0,63 ↓	0,73	0,59	0,63
внешний вид товаров (транспорта)	0,54	0,54	0,56 ↑	0,46
мнение родственников, друзей и знакомых	0,48 ↓	0,59	0,50 ↓	0,65
интерфейс сайтов и приложений	0,35 ↑	0,25	0,32	0,31
новости в СМИ	0,20	0,17	0,31	0,23
стоимость услуг	0,63		0,63	
удобство использования приложения	0,49		0,38	

Рис. 1 / Fig. 1. Сравнение индексов доверия факторов, привлекающих к шеринг-услугам и отталкивающих от них, по двум замерам — 2022 и 2024 гг. / Comparison of trust indices for factors that attract people to sharing services and repel them from them, based on two measurements — 2022 and 2024

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Рис. 2 / Fig. 2. Облако слов и словосочетаний, созданное на основе положительных комментариев о доверии сервисам экономики совместного потребления / A cloud of words and phrases created based on positive comments about trust in sharing economy services

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Рис. 3 / Fig. 3. Облако слов и словосочетаний, созданное на основе отрицательных комментариев о доверии сервисам экономики совместного потребления / A cloud of words and phrases created based on negative comments about trust in sharing economy services

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

безответственного поведения других пользователей, недобропорядочности компаний.

Рассмотрим доверие студентов каждому виду транспортной шеринг-экономики. По прошест-

вии двух лет (с 2022 и 2024 гг.) увеличилось доверие только сервисам по аренде самокатов (электросамокатов), по остальным же наблюдается снижение. Если два года назад студен-

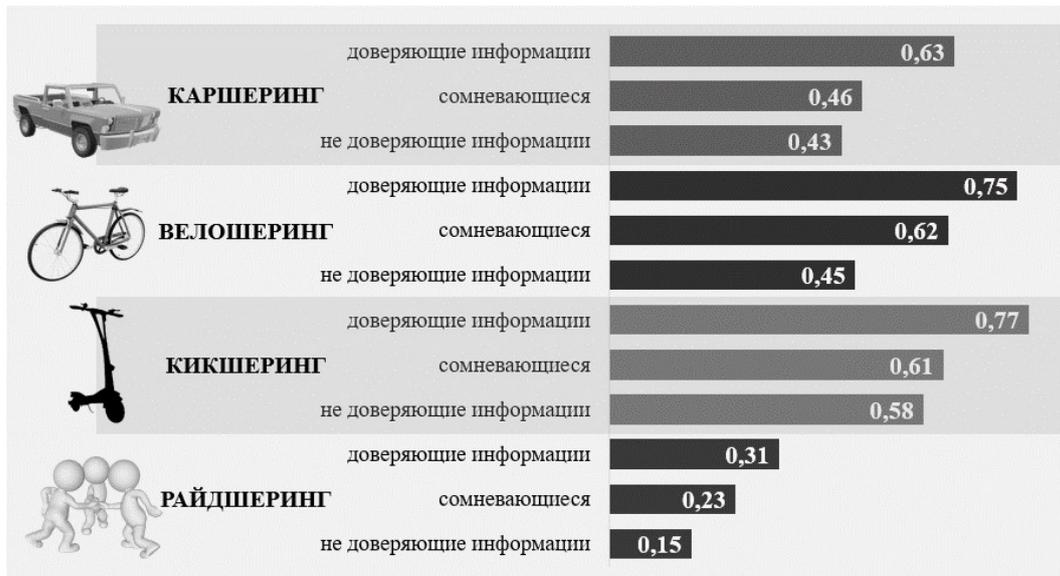

Рис. 4 / Fig. 4. Индексы доверия шеринг-сервисам в зависимости от доверия информации, содержащейся в приложениях этих сервисов / Indices of trust in sharing services depending on the trust in the information contained in the applications of these services

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

ты больше всего доверяли велшерингу (0,71 — в 2022 г. и 0,69 — в 2024 г.), то сегодня первое место занимает кикшеринг (0,63 — в 2022 г. и 0,71 — в 2024 г.). Отметим и резкий спад доверия райдшерингу, который и раньше не пользовался одобрением обучающихся (0,40 — в 2022 г. и 0,29 — в 2024 г.). На рис. 4 показана зависимость индексов доверия шеринг-сервисам от доверия информации, содержащейся в их приложениях. Очевидно, что для всех видов транспортной шеринг-экономики индекс доверия — выше, если студент доверяет информации из приложений. Но в целом доверие выше кикшерингу (от 0,77 у «доверяющих информации» до 0,58 у «не доверяющих информации») и велшерингу (от 0,75 у «доверяющих информации» до 0,45 у «не доверяющих информации»). Индекс доверия райдшерингу даже у категории «доверяющих информации из приложений» очень низкий — всего 0,31.

На рис. 5 представлены индексы доверия шеринг-сервисам в зависимости от места жительства студентов до поступления в университет. Наблюдается неожиданный результат — доверие москвичей и жителей Подмосковья ниже, чем у студентов, приехавших из других субъектов Российской Федерации. Вероятно, это объясняется тем, что различные виды транспортной шеринг-экономики в Москве

развиваются уже не первый год и являются привычными для жителей мегаполиса, которые чаще ими пользуются и знают все тонкости и нюансы. Приехавшие же из регионов более оптимистично воспринимают подобные сервисы в силу отсутствия такого опыта.

Неожиданный результат получен для райдшеринга: уровень доверия студентов из других стран — гораздо выше, чем у прибывших из субъектов Российской Федерации, и тем более — у жителей Москвы. Предположительно, данный вид сервиса больше развит за границей, сопровождается экономической выгодой и потому вызывает достаточно высокое доверие у иностранных студентов.

ВЫВОДЫ

Результаты авторского исследования показали разные уровни доверия к различным видам транспортной аренды по дифференцированным обстоятельствам.

Таким образом, можно заключить, что сетевые инструменты оказывают значительное влияние на пользователей шеринг-сервисов. При этом важно помнить о том, что инструменты не только дают пользователям различные возможности, но и несут в себе риски различного масштаба: от незначительных кратковременных сбоев — до крупного мошенничества.

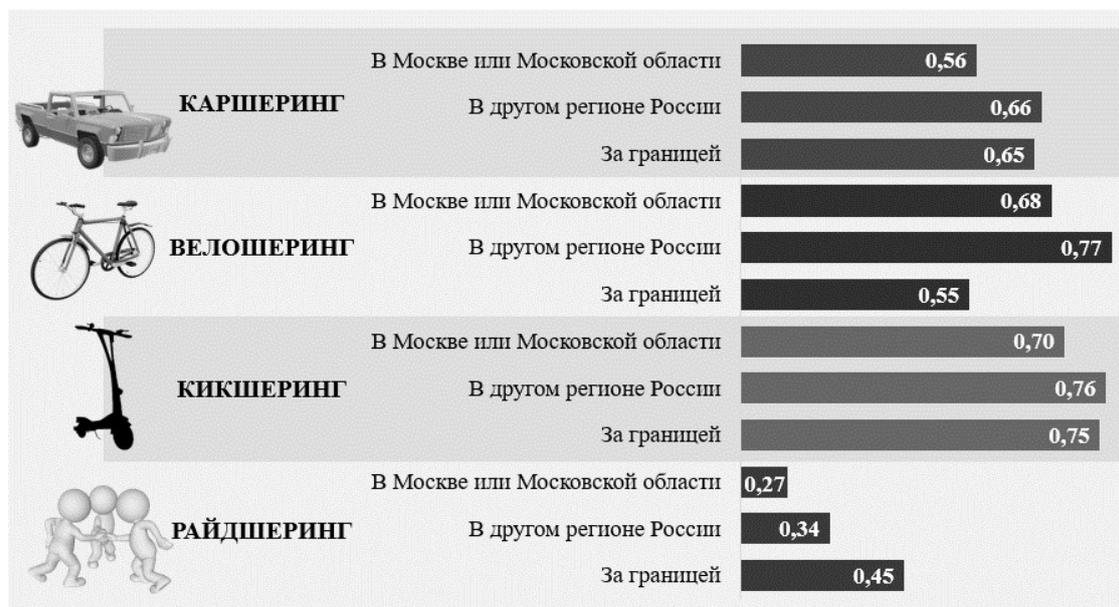

Рис. 5 / Fig. 5. Индексы доверия шеринг-сервисам в зависимости от места жительства студентов до поступления в университет / Indices of trust in sharing services depending on the place of residence of students before entering university

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

РЕКОМЕНДАЦИИ

На основе результатов исследований владельцам компаний, занимающихся предоставлением транспортных шеринговых услуг, можно дать рекомендации, способствующие формированию и укреплению доверия студенческой молодежи к сервисам транспортной sharing-экономики. Так, им следует:

- уделять больше внимания состоянию парка сдаваемых в краткосрочную аренду транспортных средств, заниматься расширением сети парковок, освоением новых районов/областей;
- улучшать качество сервиса поддержки клиентов, детально разбирать проблемные ситуации, особенно связанные с поломкой транспортных средств не по вине пользователя;
- заботиться о безопасности клиентов: информировать их о правилах пользования транспортными средствами, хранить персональные данные клиентов, гарантировать и соблюдать невозможность их распространения;
- создавать приложения для смартфонов, с помощью которых можно арендовать транспортные

средства; тщательно контролировать их бесперебойную работу, надежность и удобство использования;

- выявлять проблемы путем мониторинга отзывов на сайтах или в собственном приложении, искать пути их решения;
- активно вести страницы в социальных сетях и мессенджерах с целью привлечения клиентов, а также поддержания взаимодействия с ними: освещать (и рекламировать) предлагаемые услуги, публиковать положительные отзывы и т. д.;
- разработать или развивать (если уже имеется) программу лояльности, которая привлечет клиентов и увеличит количество их повторных обращений (например, разработать систему бонусов, которыми можно оплачивать часть стоимости следующих поездок).

Так как по результатам исследования выявлено, что сетевые инструменты оказывают на пользователей шеринг-сервисов значительное влияние, их эффективное применение может помочь компаниям привлечь больше клиентов и расширить свои горизонты.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам научных исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситету.

ACKNOWLEDGEMENTS

The paper was prepared on the results of scientific research carried out at the expense of budgetary funds within the framework of the government research assignment to the Financial University.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Bryson J. AI & global governance: No one should trust AI. URL: <https://cpr.unu.edu/publications/articles/ai-global-governance-no-one-should-trust-ai.html>
2. Быкова О.Е. Концепция доверия Петра Штомпки. *Философия и общество*. 2021;2(99):119–134.
3. Коулман Дж.С. Капитал социальный и человеческий. *Общественные науки и современность*. 2001;(3):122–139.
4. Полюшкевич О.А. Доверие в меняющемся мире. *Социология*. 2021;(2): 87–92.
5. Тюриков А.Г., Власова А.В., Дронова А.С., Кунижева Д.А., Гукова А.Ю. Феномен доверия в отечественном научном дискурсе. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(5):70–78. DOI: 10.26794/2226–7867–2022–12–5–70–78
6. Зеленков М.Ю., Тюриков А.Г. Модель вызовов доверию в современной Российской Федерации. *Социодинамика*. 2022;(2):26–43. DOI: 10.25136/2409–7144.2022.2.37600
7. Воронкин А.С. Социальные сети: эволюция, структура, анализ. *Образовательные технологии и общество*. 2014;17(1):650–675.
8. Сертакова Е.А. Понятие «сеть» Джона Барнса как аналитический подход в познании системы социальных отношений. Молодежь и наука: сборник материалов VI-й Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Электронный ресурс), Красноярск, 20–25 апреля 2010 г. Красноярск: Сибирский федеральный университет; 2011.
9. Грановеттер М. Сила слабых связей. *Экономическая социология*. 2009;10(4):31–50.
10. Тюриков А.Г., Антонюк В.П., Иванова Я.С. Доверие студенческой молодежи к транспортной экономике совместного потребления. *Уровень жизни населения регионов России*. 2023;19(2):272–283. DOI: 10.52180/1999–9836_2023_19_2_10_272_283

REFERENCES

1. Bryson J. AI & global governance: No one should trust AI. URL: <https://cpr.unu.edu/publications/articles/ai-global-governance-no-one-should-trust-ai.html>
2. Bykova O.E. The concept of trust by Piotr Sztompka. *Filosofija i obshchestvo = Philosophy and Society*. 2021;2(99):119–134. (In Russ.).
3. Coleman J.S. Social and human capital. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' = Social sciences and modernity*. 2001;(3):122–139. (In Russ.).
4. Polyushkevich O.A. Trust in a changing world. *Sotsiologiya = Sociology*. 2021;(2): 87–92. (In Russ.).
5. Tyurikov A.G., Vlasova A.V., Dronova A.S., Kunizheva D.A., Gukova A.Yu. The phenomenon of trust in domestic scientific discourse. *Gumanitarnie nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(5):70–78. DOI: 10.26794/2226–7867–2022–12–5–70–78 (In Russ.).
6. Zelenkov M. Yu., Tyurikov A.G. Model of challenges to trust in the modern Russian Federation. *Sotsiodinamika = Sociodynamics*. 2022;(2):26–43. DOI: 10.25136/2409–7144.2022.2.37600 (In Russ.).
7. Voronkin A.S. Social Networks: Evolution, structure, analysis. *Obrazovatel'nyye tekhnologii i obshchestvo = Educational Technologies and Society*. 2014;17(1):650–675. (In Russ.).
8. Sertakova E.A. John Barnes's "Network" concept as an analytical approach to understanding the system of social relations. Youth and science: Proceedings of the VI All-Russian scientific and technical conference of students, postgraduates and young scientists (Electronic Resource), Krasnoyarsk, April 20–25, 2010. Krasnoyarsk: Sibirskiy federal'nyj universitet; 2011. (In Russ.).
9. Granovetter M. The Strength of weak ties. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Economic Sociology*. 2009;10(4): 31–50. (In Russ.).
10. Tyurikov A.G., Antonyuk V.P., Ivanova Ya. S. Trust of student youth in the sharing economy. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Standard of Living of the Population of Russian Regions*. 2023;19(2):272–283. DOI: 10.52180/1999–9836_2023_19_2_10_272_283 (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Валерия Павловна Антонюк — стажер-исследователь Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга факультета социальных наук и массовых коммуникаций; главный специалист учебно-научной социологической лаборатории кафедры социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Valeria P. Antonyuk — research intern at the Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Faculty of Social Sciences and Mass Communications; chief specialist of the educational and scientific sociological laboratory of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-5258-4007>

VPAntonyuk@fa.ru

Яна Сергеевна Иванова — стажер-исследователь Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга факультета социальных наук и массовых коммуникаций; заместитель заведующего учебно-научной социологической лабораторией кафедры социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Yana S. Ivanova — research intern at the Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Faculty of Social Sciences and Mass Communications; deputy head of the educational and scientific sociological laboratory of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-8740-7169>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

YaSIvanova@fa.ru

Александр Георгиевич Тюриков — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Alexandr G. Tyurikov — Dr. Sci. (Sociological), Prof., Chief Researcher, Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-8388-9543>

agtyurikov@fa.ru

Заявленный вклад авторов:

В.П. Антонюк — анализ исследования «Сетевые инструменты, доверие и шеринг».

Я.С. Иванова — анализ исследования «Сетевые инструменты, доверие и шеринг».

А.Г. Тюриков — разработка общей концепции статьи.

Authors' contributions:

V.P. Antonyuk — analysis of the study “Network tools, trust and sharing”.

Ya.S. Ivanova — analysis of the study “Network tools, trust and sharing”.

A.G. Tyurikov — development of the general concept of the article.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.03.2024; принята к публикации 12.04.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 15.03.2024; accepted for publication on 12.04.2024.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-137-142
УДК 336(045)

Государственное регулирование роста инвестиций и обновления основных фондов: применяемые налоговые инструменты

Л.В. Адамская
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены налоговые инструменты государственного регулирования в сфере роста инвестиций и обновления основных фондов. Проанализирована динамика притока инвестиций в основной капитал, изучены факторы, влияющие на объем и темпы роста инвестиций. Для стимулирования привлечения инвестиций и обновления основных фондов государство может использовать различные инструменты: финансовые, денежно-кредитные, налоговые. В статье выделены основные инструменты налогового характера, проведено их сравнительное описание. Указаны особенности специальных инвестиционных контрактов, выделены их схожесть и различия.

Ключевые слова: инвестиции; налоговая политика; государственное управление; основные фонды; налоговые инструменты; государственное регулирование; налоги; государство

Для цитирования: Адамская Л.В. Государственное регулирование роста инвестиций и обновления основных фондов: применяемые налоговые инструменты. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(3):137-142. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-137-142

ORIGINAL PAPER

State Regulation of Investment Growth and Renewal of Fixed Assets: Applicable Tax Instruments

L.V. Adamskaya
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article examines the tax instruments of state regulation in the field of investment growth and renewal of fixed assets. The dynamics of the inflow of investments into fixed assets is analyzed, the factors influencing the volume and growth rates of investments are considered. The state can use various instruments to stimulate investment and upgrade fixed assets: the financial, monetary, and tax ones. The article highlights the main tax instruments and provides a comparative description of them. The features of special investment contracts are described, their similarities and differences are highlighted.

Keywords: investments; tax policy; public administration; fixed assets; tax instruments; government regulation; taxes; the state

For citation: Adamskaya L.V. State regulation of investment growth and renewal of fixed assets: Applicable tax instruments. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(3):137-142. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-137-142

На сегодняшний день обеспечение устойчивого экономического роста, социального экономического развития и макроэкономической стабильности является ключевым направлением государственной политики в Российской Федерации. Опыт прошлых десятилетий показал, что использование исключительно экстенсивных факторов роста в связке с экспортно-сырьевой моделью экономики не является эффективной мерой. Например, экономический спад на фоне обвала мировых цен на нефть, который произошел в 2020 г., продемонстрировал несостоятельность подобной государственной политики [1].

Более того, в современных геополитических условиях и при санкционном давлении приоритетом государственной политики становится развитие экономики, устойчивой к внешним негативным факторам. Поэтому ключевым направлением выступает обновление основных фондов и внедрение инновационных технологий, что, в свою очередь, требует привлечения инвестиций.

Анализируя динамику объема инвестиций в основной капитал за период с 2013 по 2022 г., можно говорить об увеличении данного показателя с 13 450 до 27 865 млрд руб. (см. рисунок).

При этом темпы прироста объемов инвестиций достаточно низкие (среднее значение за исследуемый период составляет 1,62%), однако за последние годы они увеличились до 8,6%, что является положительным эффектом государственной политики в данной сфере.

Важно помнить, что объемы привлекаемых инвестиций также зависят от ожиданий инвесторов. Так, в 2022 г., согласно национальному инвестиционному рейтингу, общий интегральный индекс показателя инвестиционного климата вырос на 10 пунктов (рост по 70% показателей)¹. В числе региональных лидеров: Москва, Татарстан, Московская и Тульская области. При этом ключевыми проблемами по итогам года стали избыточные проверки и давление на бизнес (по мнению более 20% респондентов), а также нестабильная геополитическая обстановка (40% респондентов) [2].

Для поддержания и стимулирования инвестиционной деятельности государство применяет ряд инструментов финансового, денежно-кредитного и налогового характера. Однако в рамках исследовательской работы будут проанализированы только последние.

¹ URL: https://asi.ru/government_officials/rating/

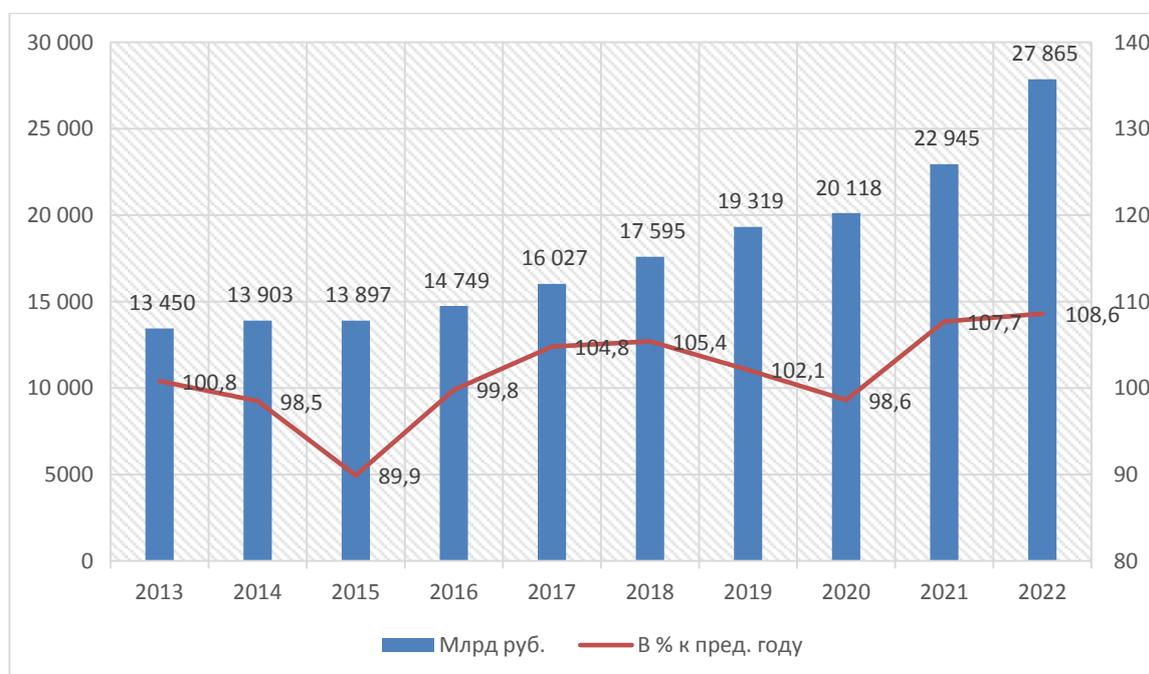

Рис./Fig. Динамика инвестиций в основной капитал за 2013–2022 гг. /
Dynamics of investments in fixed assets for 2013–2022

Источник / Source: URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Invest_2021.pdf.

Одним из наиболее популярных инструментов налогового стимулирования является регулирование нагрузки по налогу на прибыль организаций.

Если обратиться к прошлому, то можно отметить, что в 2009 г. (в период кризиса) для стабилизации уровня экономической деятельности в стране ставка по налогу на прибыль была снижена на 4 процентных пункта: с 24 до 20%. При этом 2% (в 2017–2024 гг. — 3%) зачисляются в Федеральный бюджет, а остальные — в региональные бюджеты субъектов России. Однако законодательные органы субъектов Российской Федерации могут понижать ставку налога для отдельных категорий налогоплательщиков до 13,5% (в 2017–2024 гг. — 12,5%). Более того, более низкая ставка предусмотрена для:

- резидентов особых экономических зон (ОЭЗ);
- резидентов свободных экономических зон (СЭЗ);
- участников региональных инвестиционных проектов;
- резидентов территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) [3, 4].

Помимо изменения налоговой ставки важными являются инструменты амортизационной политики, связанные с налогом на прибыль: линейный и нелинейный метод начисления амортизации, амортизационная премия, повышающие коэффициенты.

Амортизационная премия позволяет организациям списывать часть суммы, израсходованной на покупку или создание основного средства, на затраты (оставшаяся часть включается в первоначальную стоимость), что уменьшает налог на прибыль. Максимальный размер амортизационной премии варьируется от 10% (для объектов первой, второй, восьмой — десятой амортизационных групп) до 30% (для объектов, относящихся к третьей — седьмой амортизационным группам).

Стоит отметить прямую зависимость: чем выше доля амортизационных отчислений в структуре источников инвестиций, тем эффективнее происходит развитие национальной экономики. Однако доля амортизационной премии в общей структуре инвестиций в России — около 20% — заметно ниже, чем в США (более 60%) или странах Европы (более 70%) [5]. При этом в нашей стране существует проблема:

сэкономленные деньги идут не на модернизацию основных средств, а на увеличение прибыли или оборотных средств. Возможным решением может стать внедрение механизма отслеживания инвестиционной истории налогоплательщиков для выявления организаций, использующих сэкономленные средства на совершенствование производства, с целью предоставления им дополнительных налоговых льгот.

Еще одним инструментом является нелинейный метод амортизации. Его особенность состоит в том, что в первую половину срока полезного использования организации позволяется списать на расходы 60–75% первоначальной стоимости объекта. С введением данного метода предполагалось создать стимул к ускоренному обновлению основных средств, однако на практике менее 1% налогоплательщиков используют данный инструмент, что говорит о его спорной эффективности. Одной из причин его непопулярности может быть отсутствие в бухгалтерском учете понятия нелинейного метода амортизации.

Важно отметить, что на текущий момент ключевую роль в стимулировании инвестиционной активности путем использования налоговых инструментов играют субъекты Российской Федерации. Стоит подчеркнуть, что в регионах России варьируется набор инструментов налогового стимулирования [6].

Сравним меры налогового стимулирования, используемые при специальных инвестиционных режимах (табл. 1).

Анализируя представленные данные, можно сделать вывод о существенных преимуществах участников специальных инвестиционных режимов в части налоговых льгот.

Более подробно необходимо остановиться на относительно новом налоговом инструменте инвестиционного стимулирования — специальных инвестиционных контрактах (СПИК).

СПИК были введены в России в 2014 г. в соответствии с Федеральным законом «О промышленной политике в Российской Федерации». Данный инструмент используется для стимулирования инвестиций в промышленный сектор и представляет собой соглашение между инвестором и государством, где фиксируются обязательства со стороны инвестора — в части реализации инвестиционного проекта, а также — со стороны государства — в том, что каса-

Сравнение мер налогового стимулирования при использовании специальных инвестиционных режимов / Comparison of tax incentive measures when using special investment regimes

Налог	Ставка налога, %	РИП	СПИК	ОЭЗ	ТОСЭР
Налог на прибыль (региональная часть)	18 (17)	0% (первые 5 лет), от 10% (следующие периоды)	0% (первые 10 лет)	В зависимости от региона	5% (первые 5 лет), от 10% (следующие периоды)
Налог на прибыль (федеральная часть)	2 (3)	0% (первые 10 лет)	0% (первые 10 лет)	2% (на весь период)	0% (первые 5 лет)
Налог на имущество юридических лиц	2,2	Стандартная ставка	В зависимости от региона	0% (первые 10 лет)	от 0% (в течение 5 лет)
Социальные платежи	30	Стандартная ставка	Стандартная ставка	Стандартная ставка	7,6% (на весь период, если статус резидента получен в первые три года)

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

ется создания условий для стабильного ведения бизнеса.

Необходимо подчеркнуть, что механизм на текущий момент представлен в двух вариациях:

1) СПИК 1.0 — используется для инвестиционных проектов, направленных на создание или модернизацию промышленного производства;

2) СПИК 2.0 — используется для инвестиционных проектов, связанных с внедрением в промышленное производство современных технологий.

Важно отметить, что в марте 2022 г., на фоне санкционной политики, проводимой против Российской Федерации, был принят закон, обновивший механизм СПИК 1.0 для новых инвестиционных проектов и позволивший продлить сроки уже реализующихся (в 2019 г. СПИК 1.0 был заморожен).

Сравним два типа механизмов (табл. 2).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что оба механизма направлены на стимулирование инвестиционной деятельности в промышленном секторе экономики, однако СПИК 1.0 является более доступным для инвесторов, так как не ограничен внедрением современных технологий.

Как уже было отмечено ранее, набор налоговых инструментов стимулирования инвести-

онной активности варьируется в зависимости от региона. Стоит рассмотреть на конкретном примере, какие инструменты налогового стимулирования могут быть применены в субъекте Российской Федерации. Так, в Тверской области существуют следующие меры [4]:

- освобождение от налога на имущество резидентов инновационно-промышленного парка, экотехнопарка;
- установление пониженных ставок по налогу на прибыль для организаций — резидентов ТОСЭР;
- освобождение от налога на имущество организаций — резидентов ТОСЭР;
- льготные налоговые ставки для резидентов ОЭЗ;
- специальный инвестиционный контракт;
- пониженные налоговые ставки при применении упрощенной системы налогообложения: для объекта «Доходы» — 3% и 1,5% (для IT-сферы), для объекта «Доходы-Расходы» — 7,5% и 5% (для IT-сферы);
- инвестиционный налоговый вычет по налогу на прибыль организаций (до 50%);
- установление нулевой ставки НДС в отношении гостиничных услуг.

Таким образом, регионы играют ключевую роль в стимулировании инвестиционной деятельности, соревнуясь между собой в привлекательности для инвесторов. Это обосновано тем,

Таблица 2 / Table 2

Сравнение механизмов СПИК 1.0 и СПИК 2.0 / Comparison of SPIC 1.0 and SPIC 2.0 mechanisms

Критерий	СПИК 1.0	СПИК 2.0
Задача инвестора	Создать либо модернизировать или освоить производство промышленной продукции	Создать серийное производство промышленной продукции на основе современной технологии
Объем инвестиций	Минимальный объем инвестиций в проект – 750 млн руб. (без НДС)	Минимальный объем не предусмотрен
Участники контракта	Инвестор, привлеченное лицо (факультативно), а также совместно: государство, субъект России и муниципальное образование	Инвестор, а также совместно: государство, субъект России и муниципальное образование
Процедура заключения контракта	Заявительный порядок	Конкурсный отбор, с предварительным согласованием места производства продукции
Региональное законодательство	Требования не установлены	На уровне субъекта России должны быть регламентированы меры стимулирования и порядок их применения
Гарантии стабильности	Для применения стабильности условий хозяйственной деятельности необходимо специальное указание в законе. По общему правилу, гарантии не распространяются на региональные запреты и ограничения	Гарантии стабильности в отношении регуляторных требований запретов применяются в силу прямого указания закона
Предельный объем поддержки	Требования не установлены	Поддержка прекращается, если объем расходов и недополученных доходов бюджетов всех уровней на меры поддержки превысит 50 % от запланированных капитальных вложений в проект
Срок контракта	До 10 лет	До 15 лет: если инвестиции не превышают 50 млрд руб. (без НДС) До 20 лет: если инвестиции превышают 50 млрд руб. (без НДС)

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

что инвестиции в первую очередь активизируют социально-экономическое развитие того региона, куда были вложены средства, а уже собирательным итогом влияют на развитие страны в целом.

Подводя итоги, следует отметить следующее:

1. При положительной динамике объема привлекаемых инвестиций в основной капитал по Российской Федерации темпы прироста инвестиций достаточно низкие, однако в последние годы наблюдается их существенное увеличение.

2. В 2022 г., согласно национальному инвестиционному рейтингу, общий интегральный индекс показателя инвестиционного климата вырос на 10 пунктов (рост по 70% показателей).

3. Ключевую роль в стимулировании инвестиционной активности путем использования налоговых инструментов играют субъекты Российской Федерации.

4. Набор налоговых инструментов стимулирования инвестиционной активности варьируется в зависимости от региона.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Большаков В. В., Мандрощенко О. В. Проблемы и направления совершенствования инструментов налогового стимулирования частных инвестиций в промышленное производство. *Московский экономический журнал*. 2020;(6):560–576.
2. Дубков Д. А. Инструменты налогового стимулирования инновационной деятельности: экономическая сущность и понятийно-категориальный аппарат. *Аудиторские ведомости*. 2023;(4):185–192.
3. Аксенова Ю. М. Модель налогового стимулирования инвестиционной деятельности региона. *Синергия Наук*. 2022;(78):646–653.
4. Курбанов С. А., Баташев Р. В. Региональные особенности применения инструментов налоговой политики. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2022;(12–3):110–114.
5. Смородина Е. А. Налоговое стимулирование инвестиционного процесса в условиях санкционных ограничений. *Столыпинский вестник*. 2023;(8):4264–4272.
6. Асланова Л. О., Деунезева А. А. Методы налогового стимулирования экономического роста и их эффективность. *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2023;10–1(104):20–24.

REFERENCES

1. Bol'shakov V.V., Mandroshchenko O.V. Problems and directions for improving tax incentive tools for private investment in industrial production. *Moskovskij ekonomicheskij zhurnal = Moscow Economic Journal*. 2020;(6):560–576. (In Russ.).
2. Dubkov D.A. Instruments for tax incentives for innovation: economic essence and conceptual and categorical apparatus. *Auditorskie vedomosti = Audit journal*. 2023;(4):185–192. (In Russ.).
3. Aksenova Yu.M. Model of tax incentives for investment activities in the region. *Sinergiya Nauk = Synergy journal*. 2022;(78):646–653. (In Russ.).
4. Kurbanov S.A., Batashev R.V. Regional features of the application of tax policy instruments. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk = International journal of humanities and natural sciences*. 2022;(12–3):110–114. (In Russ.).
5. Smorodina E.A. Tax incentives for the investment process under sanctions restrictions. *Stolypinskij vestnik = Stolypin's Bulletin*. 2023;(8):4264–4272. (In Russ.).
6. Aslanova L.O., Deunezheva A.A. Methods of tax stimulation of economic growth and their effectiveness. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economy and business: theory and practice*. 2023;(10–1):20–24. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Любовь Владимировна Адамская — кандидат социологических наук, доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление», Финансовый университет, Москва, Россия

Lubov V. Adamskaya — Cand. Sci. (Soc.), Assoc. Prof. at the Department of state and municipal management, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-2863-6855>

adamskaia@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 12.03.2024; принята к публикации 10.04.2024.

Автор прочтала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 12.03.2024; accepted for publication on 10.04.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-143-147
УДК 332.02(045)

Экономика сопротивления: опыт Ирана и российская действительность

Х. Рахим Тарги

Тегеранский университет, Тегеран, Исламская Республика Иран

АННОТАЦИЯ

Сегодня мир переживает трансформацию системы международных отношений и пересмотр глобальных «правил игры». Переход от однополярного мира к многополярному сопряжен с падением статуса и роли США в мировой политике, что делает их ключевыми противниками происходящих процессов. В качестве основного инструмента своей внешней политики Америка использует санкции, стремясь интегрировать в санкционную риторику как можно больше стран. В то же время в мире наблюдается раскол санкционных коалиций и несогласие мировых игроков с иррациональной политикой США, что стимулирует дальнейшее развитие альтернативных проектов, таких как БРИКС. Помимо меняющейся внешней конъюнктуры важно отметить неэффективность санкций как инструмента давления. Ярким примером является Исламская Республика Иран, сумевшая выстоять под их натиском и обеспечить развитие страны. Автор описывает иранский опыт борьбы с санкционным давлением, в частности – как использовать элементы программы экономики сопротивления.

Ключевые слова: санкции; санкционные коалиции; Иран; Россия; экономика сопротивления; многополярный мир; БРИКС

Для цитирования: Рахим Тарги Х. Экономика сопротивления: опыт Ирана и российская действительность. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(3):143-147. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-143-147

ORIGINAL PAPER

Resistance Economy: Iranian Experience and Russian Reality

H. Rakhim Targi

University of Tehran, Tehran, Islamic Republic of Iran

ABSTRACT

Today the world is experiencing the transformation of the system of international relations and revision of global “rules of the game”. The transition from a unipolar to a multipolar world is associated with a decline in the status and role of the United States in world politics, which makes it the key opponent of the ongoing processes. The US uses sanctions as the main tool of its foreign policy, seeking to involve as many countries as possible in the sanctions rhetoric. At the same time, the processes taking place in the world demonstrate the split of sanctions coalitions and disagreement of the world players with the irrational policy of the US, which stimulates further development of alternative projects, such as BRICS. In addition to changes in the external conjuncture, it is important to note the ineffectiveness of sanctions as an instrument of pressure. A vivid example is the Islamic Republic of Iran, which managed to withstand the onslaught of sanctions and ensure the development of the country. The author proposes to consider the Iranian experience of combating sanctions pressure for Russia, in particular, to use elements of the resistance economy program.

Keywords: Sanctions; Sanctions Coalitions; Iran; Russia; Resistance Economy; Multipolar World; BRICS

For citation: Rakhim Targi H. Resistance economy: Iranian experience and Russian reality. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(3):143-147. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-143-147

В XXI в. санкции стали основным инструментом внешней политики США, проводимой с целью сохранения былого статуса страны [1]. Идущие сегодня политические и экономические процессы в мире свидетельствуют о серьезной трансформации системы международных отношений и формировании новых центров силы, к коим относятся Исламская Республика Иран и Российская Федерация. В экономической плоскости доминирующей становится программа дедолларизации двусторонних торговых отношений и сотрудничества в рамках БРИКС и ШОС. Так, в 2024 г. доля взаимных расчетов России и Китая в национальных валютах превысила 90%¹. Высокую динамику и схожие показатели (80%)² продемонстрировали и российско-иранские торговые отношения в 2023 г. Помимо экономических процессов важно отметить и политические. В июле 2024 г. в рамках Астанинского саммита полноправным членом ШОС стала Республика Беларусь, тем самым укрепив западные границы альянса в рамках формирующейся системы евразийской безопасности. Одновременно с этим 1 января 2024 г. ряды БРИКС пополнили пять новых членов, среди которых и Исламская Республика Иран. Подобные процессы в рамках БРИКС содействуют реализации на практике идеи справедливого географического представительства и создания рабочей площадки для многостороннего диалога. Иными словами, идущие в мире процессы демонстрируют рост несогласия с идеей доминирования Западного мира и, прежде всего, США. Использование односторонних санкций, давление на Организацию Объединенных Наций и паралич многих международных структур являются ответом Соединенных Штатов Америки на трансформацию системы международных отношений и формирование нового многополярного справедливого миропорядка. Учитывая, что все больше стран сталкиваются с американской санкционной политикой, важно рассмотреть опыт Исламской Республики Иран, сумевшей не только выстоять под натиском санкций, но и стать одним из новых центров силы. Для Российской Федерации иранский опыт также представляет интерес ввиду продолжающегося с 2014 г. по настоящий день санкционного давления [2].

¹ <https://iz.ru/1685955/2024-04-22/lavrov-zaiavil-o-pochti-polnoi-dedollarizatsii-ekonomicheskikh-sviazei-rf-i-kitaia>

² <https://www.interfax.ru/business/901922>

ОПЫТ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН

С 1979 г. по февраль 2022 г. Исламская Республика Иран занимала первое место в мире по количеству объектов санкционного давления. Сегодня она на втором месте — после Российской Федерации. Несмотря на столь серьезное санкционное давление, достигшее в 2018 г. своего пика (под санкции попали более 700 банков и компаний, а также целый ряд физических лиц), Иран сумел выстоять и сегодня является примером для всех стран, подвергающихся внешнему давлению.

В 2010 г. Верховный лидер Ирана Али Хаменеи впервые использовал термин «экономика сопротивления» для организации экономической системы страны в соответствии с текущими внутренними и международными условиями. Под данным термином понимается та экономика, которая способна формировать рост и процветание страны в условиях внешнего давления и санкций. Ее практическая реализация подразумевает разработку соответствующей программы управления страной в различных экономических и политических условиях на внутренней и международной арене. Так, иранская экономическая программа сопротивления санкционному давлению сводится к 10 основным «правилам борьбы», среди которых:

1. Динамично растущая экономика, способная, прежде всего, поддерживать социальную справедливость и повышение производительности труда.
2. Стабильная экономика, способная противостоять внешним потрясениям (мир неоднократно проживал экономические и финансовые кризисы, задача стабильной экономики — выстоять в условиях внешних кризисов).
3. Наличие крепкого научно-технического, природно-географического и финансового фундамента для развития национальной экономики.
4. Соблюдение принципа: «Руководить страной нужно так, будто идет священная война»³.
5. Широкое участие народных масс в развитии и процветании страны, как во время Исламской революции.
6. Формирование экономического суверенитета через достижение полного самообеспечения нации продовольственными и стратегическими товарами.
7. Диверсификация экономики и сокращение зависимости бюджета от нефтегазовых доходов.

³ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3753096>

8. Переход к рациональному потреблению.

9. Противодействие коррупции и формирование здоровой экономической конкуренции.

10. Стимулирование научных инноваций и внедрение в реальный сектор научных достижений страны.

В связи с нынешней политической обстановкой и экономической ситуацией в мире, особенно на фоне расширения в последние годы географии санкционного давления, необходимость перехода к экономике сопротивления актуальна как никогда ранее. Сегодня Иран, Китай, Россия, Индия и другие независимые государства могут выступить против господства доллара США, поскольку Вашингтон усиливает давление на геополитических соперников посредством санкций и использует свою валюту в качестве инструмента поддержки собственной политической повестки [3]. К примеру, многочисленные санкции США и Европы, ограничившие доступ Ирана к международным банковским сетям с целью влияния на экономику страны и ее торговые связи, побудили Тегеран искать новые способы ведения бизнеса. В 2012 г. Иран отключили от SWIFT, и стране пришлось проводить операции через банки Ирака, Турции и ОАЭ, а вместо платежных систем Visa и MasterCard была введена национальная Shetab. В начале июля 2024 г. Россия и Иран завершили интеграцию национальных платежных систем «Мир» и Shetab⁴, что позволит в полной мере использовать национальные валюты для коммерческих операций. Членам БРИКС предлагается пойти по тому пути и соединить их национальные платежные системы⁵, — это всерьез повлияет на уровень дедолларизации в мире, учитывая, что на страны БРИКС приходится более 30% мировой экономики. Таким образом, применив на практике принципы экономики сопротивления, стране удалось избежать финансово-экономической изоляции. Напротив, Иран обеспечивает устойчивые каналы торговли со своими ключевыми партнерами, экстраполируя свой опыт на государства БРИКС.

Хотелось бы особо отметить стремительное увеличение объемов торговли между Россией и Ираном в условиях формирования нового миропорядка и сближения национальных эко-

номик. Например, рост товарооборота России и Ирана в 2024 г. увеличился на 14% по сравнению с показателем 2023 г..⁶ Кроме того, развивается сотрудничество Ирана с Евразийским экономическим союзом, с которым в декабре 2023 г. страна подписала соглашение о свободной торговле.

Таким образом, общие интересы и помощь друг другу в обходе санкций — важная составляющая российско-иранских отношений. Предварительные исследования показывают, что в отношении России санкций введено больше, чем против Ирана, но их легче обойти.

При этом ни одна система санкций не является достаточно жесткой. Исламская Республика Иран предприняла ответные меры для поддержания национальной экономики, среди которых:

1. Применение бартера во внешней торговле.
2. Привлечение торговых посредников для ведения торговли за рубежом.

3. Стимулирование предпринимательской активности и «мобилизация внутренних ресурсов»⁷.

4. Развитие наукоемкой экономики, внедрение и реализация комплексного научного плана, организация национальной инновационной системы и увеличение доли производства и экспорта наукоемких продуктов.

5. Увеличение внутреннего производства основных товаров, где приоритет отдается стратегическим продуктам и услугам; диверсификация источников поставок импортных товаров с целью уменьшения зависимости от конкретных стран.

6. Управление потреблением с акцентом на реформирование структуры потребления отечественных товаров наряду с повышением качества и конкурентоспособности производства.

7. Использование дипломатии для поддержки экономических целей.

8. Объяснение аспектов экономики сопротивления и ее дискурса, особенно в научной, образовательной и медийной среде, и превращение ее в общенациональный дискурс.

На примере Ирана видно, что необходимо искать альтернативные пути для стабильного развития национальной экономики и форми-

⁴ URL: <https://tass.ru/ekonomika/21303157>

⁵ URL: <https://tass.ru/ekonomika/21303157>

⁶ URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2024/07/05/23393239.shtml>

⁷ URL: <https://www.alt-invest.ru/lib/iran-economy/>

рования условий для экономического роста. Наиболее эффективным представляется развитие наукоемкого производства и стимулирование научных инноваций, особенно в приоритетных отраслях национальной экономики. Так, Правительство Ирана делает ставку на создание условий для научно-технологического прогресса страны и развитие таких отраслей современной науки, как наноиндустрия и биотехнологии. С этой позиции следует рассматривать и национальную ядерную программу, проводимую в мирных целях.

Резюмируя вышесказанное, нужно отметить, что в условиях формирования многополярного мира и понижения статуса США на мировой арене правительства стран, подвергшихся давлению, должны принять определенную программу действий и использовать внутренние возможности для дальнейшего развития. Тем более, что сегодняшние санкционные режимы демонстрируют свою неэффективность, и Америке все сложнее объяснять членам санкционной коалиции, почему подобная политика оказывает негативное влияние на их национальные экономики.

ФОРМИРОВАНИЕ И УСТОЙЧИВОСТЬ САНКЦИОННЫХ КОАЛИЦИЙ

Одним из главных элементов американской внешней политики является формирование санкционных коалиций для демонстрации экономической изоляции страны-объекта и обеспечения хоть какой-то международной легитимности подобного поведения. В ядро коалиции, как правило, входят сами США и их ближайшие союзники. Причем, как отмечают исследователи, «участники могут загоняться в коалицию в добровольно-принудительном порядке под угрозой вторичных санкций» [3]. Но интересно

то, что все больше государств видят пагубность подобной политики для их национальных экономик — помимо Венгрии, все чаще слышны голоса и других членов ЕС. Подобная тенденция стала возможна ввиду четырех основных условий. Во-первых, западные исследования доказывают, что, чем сильнее санкционное давление на страну-объект, тем более неуступчивой и непоколебимой она становится [4], мобилизуя внутренние ресурсы и перестраивая экономику, что делает санкции малоэффективными. Во-вторых, международные соглашения, заключаемые США, могут быть ими расторгнуты в одностороннем режиме без объяснения причин, что говорит о Штатах как о ненадежном партнере для союзников (яркий пример — выход США из «ядерной сделки» с Ираном). В-третьих, наличие отсутствия единства в отношении санкций в ключевых странах ЕС и самих США, что особенно видно в преддверии президентских выборов 2024 г. Конечно, санкции по-прежнему позволяют набирать американским и европейским политикам очки, но слишком дорогой ценой для их стран. В-четвертых, все чаще члены БРИКС демонстрируют политическую солидарность относительно пересмотра глобальных «правил игры» и неприятия санкций как инструмента внешней политики. Причем последняя волна расширения БРИКС говорит о новой тенденции — «к альянсу начинают присоединяться не только незападные центры силы, но и те, кто не доволен своим статусом в рамках западной коалиции или стремится его пересмотреть» [5]. Учитывая масштабы и удельный вес БРИКС в мировой экономике, альянс представляет альтернативный путь развития — с уважением национального суверенитета и формированием справедливого многополярного миропорядка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тимофеев И. Н. Политика санкций в законопроектах конгресса США. РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politika-sanktsiy-v-zakonoproektakh-kongressa-ssha/>
2. Тимофеев И. Н. Санкции против России: направления эскалации и политика противодействия: доклад. М.: НП РСМД; 2018.
3. Тимофеев И. Н., Морозов В. А., Тимофеева Ю. С. Политика санкций: цели, стратегии, инструменты. Издание 2-е, переработанное и дополненное. М.: НП РСМД; 2020. 452 с.
4. Drezner D. Targeted Sanctions in a World of Global Finance. *International Interactions*. 2015;(41):755–764.
5. Осинина Д. Д. ШОС: новые границы — новые задачи. Международный дискуссионный клуб «Валдай». URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/shos-novye-granitsy-novye-zadachi/>

REFERENCES

1. Timofeev I.N. Sanctions policy in US Congress Bills. RIAC. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politika-sanktsiy-v-zakonoproektakh-kongressa-ssha/> (In Russ.).
2. Timofeev I.N. Sanctions against Russia: Escalation directions and counteraction policy: Report. Moscow: NP RIAC; 2018. (In Russ.).
3. Timofeev I.N., Morozov V.A., Timofeeva Yu.S. Sanctions policy: Goals, strategies, instruments. 2nd edition, revised and supplemented. Moscow: NP RIAC; 2020. 452 p. (In Russ.).
4. Drezner D. Targeted sanctions in a world of global finance. *international interactions*. 2015;(41):755–764.
5. Osinina D.D. SCO: New borders — new tasks. International discussion club “Valdai”. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/shos-novye-granitsy-novye-zadachi/> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Хамид Рахим Тарги — магистр, россиеведение (факультет права и политических наук), Тегеранский университет, Тегеран, Исламская Республика Иран

Hamid Rakhim Targi — Master’s Degree in Russian Studies (Faculty of Law and Political Sciences), University of Tehran, Tehran, Islamic Republic of Iran
h.rahimtarghi78@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.06.2024; принята к публикации 11.07.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.06.2024; accepted for publication on 11.07.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-148-153
УДК 130.2:281.93(045)

Русская церковь и государство в 80-е годы XX века

Д.Л. Филатов

Кафедральный собор Храма Христа Спасителя, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Начавшаяся в 1985 г. перестройка требовала качественных преобразований во всех сферах российского общества. Бесспорно, ждали своего разрешения назревшие вопросы касательно государственно-церковных отношений. Новая общественно-политическая обстановка в стране в середине 80-х гг. привела к формированию демократических политико-правовых норм между государством, народом и религиозными организациями. Эта же внутривластная ситуация способствовала подъему религиозного чувства русского народа. На пороге знакового торжественного празднования 1000-летия Крещения Руси, 29 апреля 1988 г., М.С. Горбачев встретился с представителями Русской Православной Церкви — патриархом Московским и всея Руси Пименом и членами Синода Русской Православной Церкви. Эта встреча во многом определила судьбу государственно-церковных отношений на ближайшие десятилетия, поскольку на ней обсуждались актуальные вопросы вероисповедной политики, разрешения которых требовало острое несоответствие действующего законодательства и реальной обстановки в обществе.

Ключевые слова: перестройка; вероисповедная политика; государственно-церковные отношения; Русская Православная Церковь; религиозная организация; демократизация; антирелигиозная политика; религиозный подъем; религиозное чувство

Для цитирования: Филатов Д.Л. Русская церковь и государство в 80-е годы XX века. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(3):148-153. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-148-153

ORIGINAL PAPER

Russian Church and State in the 80s of the XX Century

D.L. Filatov

The Cathedral of Christ the Savior, Moscow, Russia

ABSTRACT

Perestroika, which began in 1985, required qualitative transformations in all spheres of Russian society. Undoubtedly, urgent issues concerning state-church relations were waiting for resolution. Since the mid-80s, a fundamentally new socio-political situation has been emerging in the country, which has led to the formation of democratic political and legal norms between the Soviet State, the people and religious organizations since the mid-80s. The same internal political situation contributed to the rise of the religious feeling of the Russian people. Russian Orthodox Patriarch Pimen and members of the Synod of the Russian Orthodox Church met on April 29, 1988, on the threshold of the landmark celebration of the 1000th anniversary of the Baptism of Rus. This meeting, in many ways, determined the fate of state-church relations for the coming decades, as it discussed topical issues concerning religious policy, the resolution of which required an acute discrepancy between the current legislation and the real situation in society.

Keywords: perestroika; religious policy; state-church relations; Russian Orthodox Church; religious organization; democratization; anti-religious policy; religious upsurge; religious feeling

For citation: Filatov D.L. Russian church and state in the 80s of the XX century. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(3):148-153. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-148-153

К началу 80-х гг. прошлого столетия Русская Православная Церковь, несмотря на более чем шестидесятилетний период притеснения, имела статус одной из пятнадцати мировых автокефальных Церквей и занимала в СССР важнейшее место среди всех существующих религиозных организаций.

Управление производилось согласно «Положению об управлении Русской Православной Церкви», принятому на Поместном Соборе Русской Православной Церкви 31 января 1945 г.

Данный документ закрепил правило, утверждающее, что высшая церковная власть принадлежит Поместному Собору. Священный Синод, в который входили три неизменных (а не пять, как до 1945 г.) и три временных члена, приглашаемых из архиерейского чина для решения общецерковных вопросов, созывался два раза в год на зимние и летние сессии [1, с. 271].

По сравнению с серединой 60-х гг., число иерархов и духовенства Церкви осталось практически неизменным. Однако сместился возрастной и образовательный ценз ее представителей. Так, значительно сократилось число престарелых священнослужителей, и средний возраст священников теперь составил 55–56 лет (в 60-х гг. — 60 лет). Повысился их образовательный уровень — 75% имели среднее государственное образование, более 80% — высшее богословское.

Среди высшего чина священнослужителей (архиереев) также понизился возрастной ценз — средний возраст стал 40–45 лет (в 60-х гг. — 50–55 лет). Известны случаи рукоположения в архиереи лиц младше 40 лет [2, с. 28].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что с начала 80-х гг. XX в. кандидатами к приятию священного сана были люди, которые сознательно избирали путь служения Богу. Они посвятили церковной карьере самые активные и плодотворные годы своей жизни, тем самым проявляя энергию, настойчивость и желание трудиться на благо Церкви.

Отсюда следует, что новое активное поколение духовенства и первоиерархов оказывали более плодотворное влияние на население, чем раньше. В религиозном сознании верующих снова, как и в дореволюционное время, закрепился образ священника как «пастыря церкви» и носителя высших духовных скреп православия.

Вместе с тем представители епископата родились и воспитывались в условиях социализма, а потому предпринимали действия, направленные на содействие социалистическому государственному строю и общественному порядку. Многие из священнослужителей и монахов (из возрастного духовенства) были участниками Великой Отечественной войны, что также придавало им авторитет как в духовной, так и гражданской жизни.

Общее количество священнослужителей к началу 1980-х гг. составило около 10 тыс. чел., и в этой среде происходили весьма положительные сдвиги. Теперь у 50% священников было среднее образование, также выросло число закончивших вузы. Более 50% представителей Церкви имели среднее светское и высшее духовное образование [3, с. 390].

Данную статистическую картину можно объяснить тем, что церковные учебные заведения, такие как семинарии и академии, переросли в серьезные богословско-просветительские центры, где училось около 2 тыс. чел. Острая необходимость в кадрах привела к тому, что за 15 лет число студентов высших духовных учебных заведений увеличилось вдвое. При этом сохранялся относительно высокий конкурс: 2,2–2,5 чел. на место [3, с. 390].

К началу 90-х гг. 25% из числа поступающих в высшие духовные учебные заведения имели высшее светское образование [4, с. 54].

Все приведенные данные свидетельствуют о том, что в стране начался новый этап перестройки, требовавший изменений во всех сферах жизни общества, в том числе — в отношении религии.

29 апреля 1988 г. на встрече М.С. Горбачева с представителями Церкви обсуждались злободневные вопросы, требовавшие безотлагательного решения, поскольку они являлись отголосками бывшего антицерковного периода, и теперь их надо было пересмотреть в связи с изменением государственного курса.

В ходе мероприятия говорилось о пересмотре вероисповедной политики, проводимой в предыдущие десятилетия; о соучастии церковных представителей в процессах нравственного воспитания российского народа; подчеркивалась важность выявления точек соприкосновения и подпитки активного социального диалога между верующими и неверующими гражданами.

ми в культурно-нравственной парадигме, «где общечеловеческие нормы и обычаи могут сподобиться нашему общему делу»¹.

Данное событие стало отправной точкой в процессе открытого признания права верующих на деятельное участие в общественных вопросах. Были сформированы ценные принципы, указывающие на значимую роль религии в русском обществе и культуре.

Подобные сдвиги возникли не на пустом месте. Им предшествовали обширные обсуждения, дискуссии, круглые столы и встречи, проводимые преимущественно на площадках средств массовой информации. Немаловажным фактором стало выступление известных представителей культуры и искусства, зарубежных и отечественных религиозных общин, призывающих к пересмотру привычного негативного отношения к вере и Церкви, а также подчеркивающих значимость религии для истории и культуры [5, с. 205].

К концу 80-х гг. были осуществлены робкие попытки к возвращению религиозных зданий в церковную собственность, единично регистрировались первые религиозные общины и группы. Однако Церковь, как стало ясно из последующих событий, не поспевала за стремительными переменами в обществе. Не выработав официальной позиции и не имея вектора развития в связи с происходящими вокруг событиями, она всю свою деятельность по старинке сводила к публичной поддержке власти и провозглашаемых реформ.

Церковные иерархи как будто ждали инструкций от государственного аппарата, и в будущем это привело к иерархическому разделению и созданию оппозиционных движений, сформировавшихся во время продолжительной переориентации церковной политики [5, с. 206].

Необходимость структурных преобразований Церковь осознала только в 1988 г., когда весь православный мир праздновал 1000-летие Крещения Руси. Этот значимый юбилей послужил толчком для активизации и в других конфессиях, выступив в качестве образца, первого шага на пути к избавлению от контроля государственно-партийной машины.

Именно с этого времени все более отчетливо стало проявляться желание преодолеть зави-

симось от идеологических убеждений Коммунистической партии. Становился очевидным разрыв между антирелигиозной политикой и настоящей ситуацией, в которой реальное отношение к религии, Церкви и верующим за недолгий срок уже сформировало новый взгляд на жизнь, требующий «живого общения не только с единомышленниками, но и с людьми, представлявшими иные взгляды, отличающиеся от наших и философски, и политически» [6, с. 60].

На фоне громких голосов о грядущей демократизации и гласности ущемление прав верующих, запреты на проведение богослужений и регистрацию новых религиозных общин, мотивируемые высокими целями коммунизма и ограждением рассудка советских граждан от «тлетворного влияния» религии, выглядели все более противоестественно.

В средствах массовой информации стали чаще звучать слова в поддержку свободного существования религиозных организаций. Громче доносились голоса с требованием переосмысления действующего права по отношению к религии и Церкви, предавались огласке случаи неправомερных действий местных властей применительно к религиозным общинам и их предводителям [5, с. 207].

При этом Русская Церковь принимала прямое участие в решении не только морально-нравственных, но и социально-экономических проблем общества. Духовенство с амвонов в своих проповедях и посланиях распространяло идеи укрепления трудовой дисциплины, призывало к экономии и бережливости к казенному и личному имуществу, пропагандировало институт семьи, осуждало тунеядство и алкоголизм, говорило об охране общественной среды, мотивировало к сохранению памятников истории и культуры.

Все эти темы получили распространение и в письменных документах: в Рождественских посланиях членов Священного Синода митрополита Алексия (Ридигера), митрополита Ювеналия (Пояркова) и в поздравлении архиепископа Кирилла (Гундяева) [3, с. 399].

Демократизация социальной жизни, создание условий для функционирования реального правового поля, прекращение монополии Коммунистической партии на идеологию сделали возможным расширение политических, идеологических, культурных структур. Религиозные

¹ Московские новости. 1988;19(409).

организации сразу же вовлеклись в этот процесс — переход к демократическому обществу стал стартовой площадкой для укрепления их позиций.

Важную роль в данном вопросе сыграла политика гласности, которая осуждала антидемократические тоталитарные структуры, разоблачала преступления против прав человека, критиковала случаи террора и геноцида, замалчиваемые во времена СССР.

Было выявлено несметное количество случаев притеснений и гонений священнослужителей, деятельности Церкви, разрушения и разворовывания религиозных строений, ущемления и очернения мировоззрения миллионов верующих, фальсификации во время судебных процессов и разбирательств по отношению к различным конфессиям.

В совокупности изложенные примеры, подкрепленные реальными доказательствами и обнародованными документами, иллюстрировали не деструктивные результаты программы идеологического атеизма, а циничные методы коммунизма. По этой причине развернувшаяся деятельность религиозных организаций нашла поддержку в широких массах. К строительству новых и восстановлению разрушенных культовых сооружений стали подключаться не только верующие, но и не имеющие отношения к Церкви люди. Как правило, средства на подобные работы собирались исключительно народом. Возобновилась издательская деятельность церкви.

Процессы демократизации затронули законодательную базу и ярко выразились в поправках в Конституцию, принятых в ноябре 1988 г. В 39 статье Закона отмечается, что «кандидатом в народные депутаты СССР от общественной организации может быть выдвинут любой член этой организации, включая религиозных деятелей»².

Так, весной 1989 г. народными депутатами от общественных организаций было избрано семь религиозных деятелей: Патриарх Московский и всея Руси Пимен, митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей (будущий Патриарх), митрополит Волоколамский и Юрьевский Пийтирим, священник Петр Бубуруз из Молдавии,

Верховный патриарх и католикос всех армян Вазген I, два председателя духовного управления мусульман Средней Азии и Закавказья: муфтии Мамаюсунов Мухаммад-Садык и Шейх-уль-ислам Аллах-шукюр Паша-заде Гуммат оглы³. При этом в советах различных уровней участвовало более трехсот представителей религии.

К концу 80-х гг. в обществе проявилось явное несоответствие законодательной базы и практической организации жизни религиозных учреждений. Отсюда следовало, что закон перестал быть силой, регулирующей общественные отношения ввиду того, что правовые акты безнадежно устарели.

Сложившаяся ситуация была разрешена только в 1990 г. с принятием нового закона «О свободе совести и религиозных организациях»⁴.

Его разработка началась еще до 1985 г., однако проект вышел только в годы перестройки. О подготовке нового закона М.С. Горбачев сообщил руководству Русской Православной Церкви на встрече в 1988 г. Вместе с тем он отметил, что в законе будут в полной мере приняты в расчет мнения и нужды всех религиозных организаций.

Уже с весны 1988 г. советская периодическая печать начала издавать публикации, в которых отмечалась потребность в принятии нового, актуального законодательства по отношению к религиозным организациям.

Так, «Литературная газета» писала: «Новое законодательство должно исходить из признания религии и церковных организаций реальностью социалистического общества, опираться на принципы демократизации нашей жизни. Надо четко определить правовое положение религиозных организаций, включая монастыри и духовные учебные заведения. В ныне действующем законе о них ничего не сказано. В нем также должны быть отражены существующие уже давно издательская деятельность религиозных организаций, их международные связи, хозяйственная деятельность. Должна быть оговорена судебная процедура при рассмотрении споров, возникающих между религиозными обществами и местными органами власти»⁵.

³ Словарь религии и народов современной России. М.: Республика, 1999. С. 85.

⁴ URL: <https://base.garant.ru/5226692/>

⁵ Литературная газета. 1988, №20 (5190).

² URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=14#VoCzwwTi2uiEOVzO>

Проект был принят 1 октября 1990 г. В нем закрепились права граждан на формулирование и высказывание личного отношения к религии, на выражение соответствующих ей убеждений, на свободное исповедание культа и следование религиозной традиции, на социальное равноправие и паритет, на сохранение прав и интересов граждан вне зависимости от отношения к религии. Вражда, оскорбление и притеснение верующих граждан отныне карались законом [5, с. 212].

Значимость принятого закона заключалась, помимо всего изложенного, в том, что религиозные организации получили необходимый правовой статус в качестве юридического лица, а также права на создание печатных изданий и деятельность в пространстве СМИ.

Таким образом, 80-е гг. XX в. для Русской Православной Церкви, наряду с прочими религиозными организациями, действительно стали временем перестройки, когда вслед за российским обществом должно было трансформироваться внутреннее устройство Церкви, которая всегда активно реагировала на происходящие в стране политические процессы.

Стимулирующим фактором к давно назревшему диалогу между Церковью и государством выступил масштабный юбилей 1000-летия Крещения Руси. Это событие ознаменовало действительный поворот в вероисповедной политике государства, а результаты первых шагов по урегулированию государственно-церковных отношений не заставили себя ждать.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Звонарев С., священник. Проект «Основных положений управления Русской Православной Патриаршей Церкви» 1943 года — малоизвестный документ истории высшего управления Русской Православной Церкви. *Вестник церковной истории*. 2008;2(10):271–278.
2. Одинцов М.И. Русская Православная Церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М.: Центральный дом духовного наследия, Объединение исследователей религии; 2002. 312 с.
3. Маслова И.И. Эволюция вероисповедной политики Советского государства и деятельности Русской Православной Церкви (1953–1991 гг.). Дис. ... доктора истор. наук. М.: МПГУ; 2005. 545 с.
4. Конюхов Д.А. Православное образование в России после 1917 г. и в СССР. *Человек и образование*. 2011;2(27):50–54.
5. Соляник О.В. Взаимоотношение государства и церкви в Российском государстве (историко-правовой аспект). Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: КубГАУ; 2007. 239 с.
6. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. М.: Политиздат; 1988. 63 с.

REFERENCES

1. Zvonarev S., Priest. Draft “Basic Provisions of the Administration of the Russian Orthodox Patriarchal Church” 1943 — a little-known document of the history of the supreme administration of the Russian Orthodox Church. *Vestnik cerkovnoj istorii = Herald of Church History*. 2008;2(10):271-278. (In Russ.).
2. Odintsov M.I. Russian Orthodox Church in the twentieth century: History, relations with the state and society. Moscow: Central'nyj dom duhovnogo naslediya, Ob'edinenie issledovatelej religii; 2002. 312 p. (In Russ.).
3. Maslova I.I. Evolution of the religious policy of the Soviet state and the activity of the Russian Orthodox Church (1953–1991). Diss. Dr. Sci. (History). Moscow: Moscow state pedagogical university; 2005. 545 p. (In Russ.).
4. Konyukhov D.A. Orthodox education in Russia after 1917 and in the USSR. *Chelovek i obrazovanie = Man and education*. 2011;2(27):50-54. (In Russ.).
5. Solyanik O.V. Vzaimorozhenie gosudarstva i churches v Rossiiskogo gosudarstva (historico-legal aspect). Diss. cand. Sci. (jurid). Krasnodar: KubGAU; 2007. 239 p. (In Russ.).
6. Gorbachev M.S. Perestroika and new thinking for our country and the whole world. Moscow: Politizdat; 1988. 63 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Даниил Леонидович Филатов — магистр теологии, священнослужитель Кафедрального Собора Храма Христа Спасителя, Москва, Россия

Daniil L. Filatov — Master of Theology, the Priest of the Minster of the Cathedral of Christ the Savior, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0009-0009-6238-9369>

28121995@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 12.03.2024; принята к публикации 15.04.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 12.03.2024; accepted for publication on 15.04.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-154-158
УДК 316(045)

Мой отец – узбек, советский солдат

М.А. Маматов

Ферганский государственный университет, Фергана, Республика Узбекистан

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется участие узбекских солдат в Великой Отечественной войне, факторы формирования межнационального сотрудничества и дружбы, повлиявшие на их менталитет. В работе обосновывается тезис о том, что характер воинов-узбеков формировался на базе российского менталитета, русской культуры, готовности русского солдата помочь другу, независимо от его национальной принадлежности. При этом узбеки сохраняли свою национальную и религиозную идентичность. По мнению автора, общие достижения в советский период, сохранение и преумножение взаимосвязей и сотрудничества в области экономики, культуры и образования играют большую роль для народов ныне суверенных государств.

Ключевые слова: узбекский советский воин; дружба; менталитет узбека; национальная и религиозная идентичность

Для цитирования: Маматов М.А. Мой отец – узбек, советский солдат. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(3):154-158. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-154-158

ORIGINAL PAPER

My father is an Uzbek, a Soviet Soldier

M.A. Mamatov

Ferghana State University, Ferghana, The Republic of Uzbekistan

ABSTRACT

The article discusses the participation of Uzbek soldiers in the Great Patriotic War and the factors that contributed to the formation of inter-ethnic cooperation and friendship, which influenced their mindset. The author argues that the character of the Uzbek soldiers was shaped on the basis of the Russian mentality, culture, and willingness of the Russian soldier to assist a friend regardless of their nationality. At the same time, the Uzbeks preserved their national and religious identities. In author's opinion, common achievements during the Soviet era, as well as the preservation and strengthening of relations and cooperation in economic, cultural, and educational fields, play an essential role for the people of the currently sovereign states.

Keywords: Uzbek Soviet soldier; friendship; Uzbek maintained; national and religious identity

For citation: Mamatov M.A. My father is an Uzbek, a Soviet soldier. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(3):154-158. DOI:10.26794/2226-7867-2024-14-3-154-158

ВВЕДЕНИЕ

Позитивное влияние русской материальной и духовной культуры на узбеков сказывалось еще до завоевания Российской империей Центральной Азии. Об этом свидетельствуют слова главного героя Атабека из романа «Минувшие дни» известного классика узбекской литературы Абдуллы Кодирий. Молодой торговец Атабек говорит, что после ознакомления в Семипалатинске с достижениями русской культуры, экономики и системы государственного управления он вернулся совершенно другим человеком [1, с. 17]. После присоединения части Центральной Азии к России (что не снизило, а усилило тяготы эксплуатации дехканов-земледельцев) [2, с. 150] вместо враждующих друг с другом ханств и эмиратов образовалась единая Туркестанская область.

Постепенно менталитет узбеков стал меняться, они начали развиваться в образовательном, социально-бытовом и политическом аспектах — в этом процессе большую роль сыграли, прежде всего, русские рабочие, политические ссыльные царской России, прогрессивная русская интеллигенция. «Здесь стали создаваться библиотеки, научные общества; международные выставки..., было ликвидировано рабство, ускорилось развитие капитализма, началось строительство железных дорог, промышленных предприятий, внедрялись новые сельскохозяйственные культуры и т.д.» [2, с. 156].

После Великой Октябрьской социалистической революции образовалась единая Советская Социалистическая Республика Узбекистан — основа нынешнего независимого государства. Благодаря решениям советского руководства и его национальной политике в Узбекистане устанавливается равенство всех наций и народностей, чего не было при царской России; создаются высшие учебные заведения, где преподавателями становятся русские профессора и доценты. Происходят коренные изменения и в социальной структуре населения новообразованного Узбекистана: если до революции оно состояло в основном из дехканов-земледельцев, мелких ремесленников, торговцев и феодалов, то теперь зарождается рабочий класс, колхозное крестьянство, появляется национальная интеллигенция, распространяется всеобщая грамотность. Таким образом, позитивное влияние русской культуры и менталитета усиливается.

ПОИСК САМОГО СЕБЯ

После великой трагедии — так в среднеазиатских республиках рассматривали распад Советского Союза — для казахов, киргизов, таджиков, туркмен и узбеков настали трудные времена поиска дружественной страны, определения своей идентичности и государственной субъектности. К сожалению, подобные изыскания часто приводили к примитивному национализму и шовинизму, направленному в первую очередь против русского населения. В этот период, не без влияния «настоящих друзей», новые центральноазиатские государства начали отворачиваться от Российской Федерации, которая, в свою очередь, сближалась с «дружественным» Западом. В результате взаимного противостояния в бывших союзных республиках резко сократилось преподавание русского языка в школах, зато там стали изучать английский и арабский [3, с. 97].

Однако миллионы совершенно не знающих или знающих очень плохо русский язык гастарбайтеров на собственном опыте показали значение русского языка для местных жителей. Денежные переводы из России от трудоспособных граждан центральноазиатских государств способствовали решению социально-экономических и демографических вопросов этих стран, смягчению политической напряженности, связанной с безработицей и низким уровнем дохода на душу населения. Таким образом, политики, национальная интеллигенция, представители культуры, рядовые граждане стали осознавать значение России для своих стран — с ее научно-технологическими достижениями и политическим влиянием. Ко всему этому добавились так называемые «цветные революции», раскрывшие истинное лицо «настоящих друзей».

После смены высшего политического руководства в азиатских государствах постсоветского пространства взаимоотношения между ними и Российской Федерацией постепенно стали налаживаться, расширяться и углубляться. А самое главное — люди начали понимать, что русский мир, достижения его представителей на международной арене, во внутренней политике, экономике и науке, их стремление сохранять, защищать и развивать традиционные исторические ценности является своего рода зеркалом, позволяющим познать самих себя, найти свою идентичность.

Внимательный, непредвзятый взгляд на историю СССР позволяет понять, что дружественные отношения и сотрудничество народов великой страны сложились в результате взаимопомощи и духовной близости, сформировавшихся в ходе приобретения исторического боевого и трудового опыта братских народов.

Многие помнят трагедию, произошедшую в Ташкенте в 1966 г., когда землетрясение в одночасье превратило город в руины. Буквально с первых минут после случившегося со всех союзных республик в Ташкент стала поступать помощь. За очень короткое время на месте разрушенного города на глазах вырос новый, современный Ташкент. В том же году — с определенной целью или в связи с этими событиями — было принято решение о подготовке в вузах России, Украины и Белоруссии учителей русского языка и литературы для Узбекистана. Это продолжалось вплоть до 1993 г., т.е. даже после распада Союза.

В настоящее время большинство бывших студентов этих вузов, в том числе и автор этих строк, продолжают успешно трудиться в учебных заведениях Узбекистана. Они видят свое предназначение в формировании у молодежи активной жизненной позиции и воспитании у нее религиозной толерантности в многоконфессиональной и многонациональной республике. Среди основных задач, поставленных в рамках реализации Стратегии развития Республики Узбекистан, — углубленное и широкомасштабное изучение литературного, научно-технического и социально-политического русского языка. Хорошее знание русского языка, культуры и понимание особенностей российского менталитета помогут сформировать современное и передовое мировоззрение, не исключающее национальную идентичность.

Идентичность — это отождествление себя с другими, для чего требуется определенный опыт и накопление исторической памяти. Немаловажную роль здесь играет фактор религиозности и система нравственных понятий у каждого народа.

Когда речь идет об узбеках, необходимо учитывать их глубокую религиозность, а также образование, культурные и нравственные ценности, экзистенциальность, которая, как писал Н.А. Бердяев, есть «интуитивное раскрытие универсального в индивидуальном» [4, с. 634].

Ислам, особенно после получения Узбекистаном независимости и суверенитета, теперь уже на новом, цивилизационном уровне, стал культурным кодом узбеков. Сейчас дружба между представителями разных народов возрождается, что связано с развитием национального самосознания и диалектикой идентичности, осознанием общечеловеческих ценностей.

МОЙ ОТЕЦ — УЗБЕК, СОВЕТСКИЙ СОЛДАТ

Для меня ярким примером формирования диалектики идентичности и внутренней цивилизованности является судьба моего отца — активного участника Великой Отечественной войны, преданного друга. Поэтому свои мысли я решил изложить через его краткую биографию.

*Маматов Ахмаджан
(1908–1968)*

Мой отец Ахмаджан, рано осиротевший и воспитывавшийся в семье своей старшей сестры, прошел Великую Отечественную войну от начала до победного конца — до Берлина.

Я очень гордился тем, что мой отец знает много тонкостей тракторной техники, чему он научился у русских трактористов на машинотракторных станциях. Однажды его ученики спросили: «Ахмаджан-ака (так обычно обращаются у узбеков младшие по возрасту к старшим), Вы нас учили тракторному делу, и мы этим занимаемся многие годы, но никак не поймем, зачем эти лишние отверстия на раме трактора?» «Они, — учил отец, — для установки боевых орудий на случай войны». Однажды я стал свидетелем беседы отца на чистом русском языке с одним из своих коллег, что меня приятно удивило. Видимо, это было плодом его трудового и боевого взаимодействия с русскими бойцами.

Мои студенческие годы проходили именно там, где в составе 2-й Украинской советской армии, дошедшей до Берлина, воевал рядовой Ахмаджан Маматов — мой отец, артиллерийский наводчик.

Я был очень счастлив, что, следуя наставлениям отца, стал студентом Каменец-Подольского педагогического института. Мой отец был убежденным коммунистом, поэтому я, желая

продолжать его дело, на втором курсе института, в 19 лет, вступил в ряды КПСС.

Отец не рассказывал нам о своей фронтовой жизни — об этом он говорил только в кругу боевых товарищей. Незаметно подслушивая их беседы, я узнавал о тяготах и ужасах войны, о солдатских слезах при потере своих однопольчан. Часто героями его воспоминаний были русские парни. По словам отца, его артиллерийская батарея была как единая крепкая семья, а фронт для него стал суровой школой жизни, примером настоящей дружбы, мужества и преданности.

Однажды по радио сказали о том, что со dna озера Балатон в Венгрии извлекли затонувший советский танк Т-34. Услышав эту новость, отец с некоторым волнением сообщил, что он был очевидцем этого случая. По его воспоминаниям, это произошло 31 декабря 1944 г.: ночью наши войска шли по заледеневшему озеру, и вдруг под тяжестью техники лед треснул. Только благодаря сплоченным действиям однопольчан отца многие бойцы спаслись.

Он помнил имена всех боевых товарищей, и с теми, кто выжил, дружил до конца своей жизни. Верность дружбе, понимание ее как высшей ценности — особая отличительная черта моего отца и, думаю, узбекского характера. Многие узбеки, среди которых и Ахмаджан Маматов, вряд ли знали слова Аристотеля, который писал: «[Дружба — это] не только нечто необходимое, но и нечто нравственно прекрасное, мы ведь воздаем хвалу дружелюбным, а иметь много друзей почитается чем-то прекрасным. К тому же [некоторые] считают, что добродетельные мужи и дружественные — это одно и то же» [6, с. 205]. Но они жили так, будто воспитывались на философии великого древнегреческого мыслителя.

ИСЛАМ КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОД УЗБЕКОВ

Большинство населения государств Центральной Азии исповедует Ислам суннитского направления, только среди таджиков встречаются мусульмане-шииты. Традиции, обряды Ислама в Узбекистане еще со времен мусульманского Возрождения стали культурным кодом народа. Вера — источник нравственного, эстетического воспитания. Религиозная идентичность узбеков на войне проявлялась в воле к жизни даже в экстремальных условиях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За время Великой отечественной войны около 2 млн мужчин из 6 млн 800 тыс. жителей Узбекистана были призваны в ряды Советской армии и отправлены на фронт. Более 500 тыс. из них погибли как герои. Это граждане СССР: узбеки, русские, евреи, казахи, таджики, татары.

Более 200 тыс. солдат и офицеров из Узбекистана были награждены боевыми орденами и медалями. 301 удостоен высокого звания Героя Советского Союза, более 70 награждены орденом Славы всех трех степеней [6]. Это и есть доказательство результата того недолгого, но удивительного образа жизни, который складывался в годы существования социалистического строя.

Дружественные отношения между народами бывшего Союза крепили не только как результат политики КПСС. Они являются плодом сохранившихся и возрождающихся в настоящее время у абсолютного большинства народов бывшего Советского Союза таких традиционных ценностей, как широта души, добрососедство, готовность протянуть руку помощи другу, верность дружбе [7, с. 247.]

Примеры крепкой дружбы русских и узбеков есть во многих семьях в Узбекистане. Они являются надежной гарантией и прочной основой взаимного сотрудничества на благо народов Российской Федерации и Республики Узбекистан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Qodiriy A. O'tkan kunlar. Toshkent: "Sharq"; 2012.
2. Ата-Мирзаев О., Генткешке В., Муртазиева Р. Узбекистан многонациональный: историко-демографический аспект. Ташкент: Янги аср авлоди; 2011.
3. Келнер-Хайнкеле Б., Ландау Я.М. Языковая политика в Центральной Азии: национальная и этническая идентичность и советское наследие. Пер. с англ. М.: Центр книги Рудомино; 2015.
4. Бердяев Н.А. Христианство. Марксизм. Экзистенциализм. М.: Академический проект; ФНИСЦ РАН; Трикста; 2012.
5. Аристотель. Этика. М.: АСТ; 2002.
6. Ионов В.В. Равнение на подвиг: навечно в строю. М.: РУСАЙНС; 2024.
7. Маматов М.А. Узбекские и русские советские солдаты в Великой отечественной войне. М.: РУСАЙНС; 2024.

REFERENCES

1. Kadiri A. Past days. Tashkent: “Sharq”; 2012. [In Uzb.].
2. Ata-Mirzaev O., Gentkeshke V., Murtazieva R. Uzbekistan multinational: Historical and demographic aspect. Tashkent: Yangi asr avlodi; 2011. [In Russ.].
3. Kelner-Heinkele B., Landau Ja. M. Language policy in Central Asia: national and ethnic identity and Soviet Heritage. Transl. from English. Moscow: Centr knigi Rudomino; 2015. [In Russ.].
4. Berdyayev N.A. Christianity. Marxism. Existentialism. Moscow: Akademicheskij proekt; FNISC RAN; Triksta, 2012. [In Russ.].
5. Aristotle. Ethics. Moscow: AST; 2002. [In Russ.].
6. Izonov V.V. Equalization of feat: Forever in the ranks. Moscow: RUSAINS; 2024. [In Russ.].
7. Mamatov M.A. Uzbek and Russian Soviet soldiers in the Great Patriotic War. Moscow: RUSAINS; 2024. [In Russ.].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Мамаджон Ахмаджанович Маматов — доктор философских наук, профессор, Ферганский государственный университет, Фергана, Республика Узбекистан

Matadjon A. Mamatov — Dr. Sci. (Philos.), Prof., Ferghana State University, Ferghana, The Republic of Uzbekistan
<https://orcid.org/0000-0002-5604-9749>

Mmamadjan@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 05.04.2024; принята к публикации 06.05.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 05.04.2024; accepted for publication on 06.05.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-159-170
УДК 32.001:167(045)

Философия Спинозы между Ильенковым и Негри: бытие, действие и диалектика

А.Р. Третьяк

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Для философии XX в. фигура Спинозы приобретает важное значение: именно в это время идеи голландского философа раскрываются в новом свете и приобретают целую плеяду интерпретаторов. В особенности это заметно в лагере марксистской философии, которая с особым вниманием пытается проследить концептуальную взаимосвязь между теориями Маркса и Спинозы. Советский философ Эвальд Ильенков отчетливо выражает в своих трудах мысль, что для современного марксизма Спиноза является актуальным мыслителем. Спиноза «опередил свое время», он мыслит диалектически и его концепции способны пролить свет на многие современные философские дискуссии. Итальянский философ Антонио Негри повторяет мотив современности Спинозы и называет его «Дикой аномалией», что выбивается из интеллектуального ландшафта той эпохи. Маркс и Спиноза оказываются в одном лагере мыслителей, но что в действительности позволяет обосновать единство этого лагеря? Реконструировать эту созвучность философии Спинозы марксистской мысли XX в. невозможно без обращения к творчеству Ильенкова и Негри. Цель данной работы — осветить актуальность и основную проблематику двух различных подходов к наследию Спинозы в марксизме XX в. Фигура Ильенкова в этом вопросе особенно интересна тем, что он идет против того течения марксистской мысли, которое старается вытеснить диалектику из самого основания материалистической философии. Уже Луи Альтюссер явно озвучивает этот поворот от диалектики в сторону изучения объективных структур, а Негри, считая диалектику скорее устаревшим философским языком, предлагает проект материалистической биополитики «общего» и имманентности бытия. Загадка диалектики в этом вопросе приобретает важное значение, поскольку Ильенков не стремится от нее отказаться, как и от наследия философии Гегеля. Проблема мышления и действия находятся в центре внимания Ильенкова, когда он прочитывает Спинозу как современного автора. Философия Ильенкова в диалоге с материализмом «имманентности» способна внести новые перспективы в изучение вопроса о рецепции Спинозы через призму современного марксизма.

Ключевые слова: Ильенков; Спиноза; Негри; бытие; субстанция; мышление; диалектика; общее

Для цитирования: Третьяк А.Р. Философия Спинозы между Ильенковым и Негри: бытие, действие и диалектика. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(3):159-170. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-159-170

ORIGINAL PAPER

Spinoza's Philosophy between Ilyenkov and Negri: Being, Action and Dialectics

A.R. Tretiak

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

For the philosophy of the XX century, the figure of Spinoza becomes very crucial, it was at this time when the ideas of the Dutch philosopher received a new perspective and acquired a whole variety of interpreters. This is especially noticeable in the camp of Marxist philosophy, which tries to trace the conceptual relationship between the theories of Marx and Spinoza. The Soviet philosopher Evald Ilyenkov clearly expresses in his writings the idea that Spinoza is an actual thinker for contemporary Marxism. Spinoza was "ahead of his time", he thinks dialectically, and his concepts are able to shed light on many contemporary philosophical discussions. The Italian philosopher Antonio Negri repeats the motif of Spinoza's contemporaneity and acknowledges him as a "Savage Anomaly" that stands out from the intellectual landscape of his era. Marx and Spinoza find themselves in the same camp of thinkers, but what really makes it possible to justify the unity of this camp? It is impossible to reconstruct this consonance of Spinoza's philosophy with Marxist thought of the XX century without referring to the works of Ilyenkov and Negri. The aim of this article is to highlight the relevance and main problematic of the two different approaches

to Spinoza's legacy in XX century Marxism. Ilyenkov's figure in this issue is particularly interesting because he goes against the current of Marxist thought, which tries to banish dialectics from the very foundation of materialist philosophy. Louis Althusser has already clearly voiced this turn from dialectics towards the study of objective structures, and Negri, considering dialectics rather an outdated philosophical language, proposes a project of a materialistic biopolitics of the "common" and the immanence of being. The question of dialectics in this matter becomes important, since Ilyenkov does not seek to abandon it, as well as the legacy of Hegel's philosophy. The problem of thinking and action is at the center of Ilyenkov's attention when he reads Spinoza as a contemporary author. Ilyenkov's philosophy in dialogue with the materialism of "immanence" is able to bring new perspectives to the study of Spinoza's reception through the prism of contemporary Marxism.

Keywords: Ilyenkov; Spinoza; Negri; being; substance; thinking; dialectics; common

For citation: Tretiak A.R. Spinoza's philosophy between Ilyenkov and Negri: being, action and dialectics. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(3):159-170. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-159-170

ВВЕДЕНИЕ

Марксизм в XX веке обнаруживает парадоксальный интерес к философскому наследию Спинозы, учитывая то, что сам Маркс уделял ему как мыслителю не так много внимания. Ранний Маркс, как указывает Бьянки, ссылаясь на Спинозу, считая его критиком мистической философии. Кроме того, философия Спинозы способствует борьбе против цензуры, политического деспотизма, развитию демократического государства [1, с. 47]. Однако уже в «Святом семействе» оценка творчества голландского философа становится более резкой. В этой коллективной работе Маркс и Энгельс решительно выступают с идеей, что материалистическая философия способна бросить вызов метафизике, и это само по себе является политическим жестом. Спиноза рассматривается вместе с другими великими мыслителями XVII в. как представитель рационалистической метафизики, против которой Маркс и Энгельс стремятся выступить: «французское Просвещение XVIII в. и в особенности французский материализм были борьбой не только против существующих политических учреждений, а вместе с тем против существующей религии и теологии, но и открытой, ясно выраженной борьбой против метафизики XVII в. и против всякой метафизики, особенно против метафизики Декарта, Мальбранша, Спинозы и Лейбница» [2, с. 139]. Исходя из этой мысли заметно, что Маркс не видел в Спинозе союзника по развитию материалистической философии и, как замечает Бьянки, вообще не включал его в систематику генеалогии французского материализма [1, с. 52].

Марксизм в XX в., наоборот, с воодушевлением смотрит на возможности синтеза между материализмом и спинозизмом. В «Размышлении о Западном марксизме» Перри Андерсон пишет о том, как Спиноза стал восприниматься философским предшественником Маркса, в осо-

бенности в прочтении Луи Альтюссера [3, с. 96]. Самым же главным фактором развития связи Маркса и Спинозы является то, что многие последователи Маркса определяют мысль Спинозы как актуальную философию, которая способна ответить на многие вызовы современности, как отмечает Томас, это становится «центральным аргументом» в современных исследованиях марксизма [4, с. 83].

Имя Эвальда Ильенкова в попытке реконструировать спинозистскую линию в марксизме нельзя обойти стороной. Он важен для понимания этой связи именно потому, что, считая Спинозу «современным» мыслителем, демонстрирует теоретические возможности мышления вместе со Спинозой «изнутри» марксистской философии, дальше и глубже расширяя ее проблематику. Несмотря на свою исключенность из традиции западного марксизма, как полагает Алекс Левант, мысль Ильенкова помогает обогатить и расширить «идеи, имеющие отношение к современным теоретическим проблемам на Западе» [5, с. 183]. Поэтому его интерпретация Спинозы должна рассматриваться не просто как отдельный элемент истории советской философии, но и как интегральная теоретическая линия, присущая многим западным мыслителям XX в., развивающая марксизм через классические понятия европейской философии, заново встраивающая их в новый контекст.

Каким образом концепции Спинозы встраиваются в контекст современного марксизма? Происходит ли это путем простой адаптации или поиска определенных параллелей? Все ли мыслители видят в Спинозе одно и то же центральное ядро, которое заставляет их встроить его в марксистскую философию? Негри и Ильенков как представители западного и советского марксизма выдвигают сходный тезис о том, что Спиноза является современным для нас мысли-

телем, что он философ будущего, а не прошлого, и что рассматривать его лишь в контексте рационалистической метафизики XVII столетия не имеет смысла, поскольку многое из того, что он говорит, работает и в текущих исторических условиях. Означает ли это, что их прочтение Спинозы в качестве «родственного» Марксу мыслителя будет одинаковым?

Первый парадокс, который мы встречаем, заключается в том, что, несмотря на сходное ценностное принятие философии Спинозы, концептуально это прочтение довольно сильно отличается, что сразу бросается в глаза. Для Негри, а еще раньше и для Альтюссера, Спиноза помогает увидеть в Марксе совершенно новый философский потенциал, который очень сильно отличается от диалектики Гегеля. Это не просто «политическое» отличие — Альтюссер будет говорить практически о совершенно другом философском языке. Негри полагает, что диалектика уже не способна полноценно выразить сложившийся капиталистический мир, ее язык становится неадекватным. Диалектика, которая строится через движение от абстрактного к конкретному, выявляет отношение между индивидом и капиталистической системой, однако, как считает Негри, эксплуатации подвергается уже нечто большее, чем индивид. В качестве альтернативы диалектической философии он стремится развить материалистическую метафизику «общего», которая раскрывала бы имманентный план бытия. Для Ильенкова, который не отказывается от гегелевского наследия, ситуация выглядит совершенно иначе, Спиноза вовсе не противопоставляется гегелевскому наследию внутри марксизма, а становится важным мыслителем для истории диалектики. И здесь возникает философское напряжение внутри самой марксистской мысли, учение Спинозы как бы оказывается одновременно раскрытым на двух противоположных течениях марксистской мысли. Исследовательский вопрос, который возникает здесь, касается поиска центра этой философской напряженности, то есть возможности раскрытия спинозистского марксизма внутри и за пределами диалектики.

СОЮЗ ДИАЛЕКТИКИ И ФИЛОСОФИИ СПИНОЗЫ

Как справедливо замечает Алекс Левант, среди попыток обратиться к Спинозе внутри марксистской философии Ильенкова выделяет то, что он

не противопоставляет Спинозу Гегелю [6, с. 10], а пытается выстроить единую линию развития диалектической логики. Вместе со Спинозой и Гегелем Ильенков явно выступает против позитивизма и дуализма Декарта, что позволяет Леванту назвать его посткартезианским антидуалистом.

Каким же образом Ильенков видит Спинозу в контексте философии XX в.? Ильенков подходит к этой проблеме исходя из того, что внутри философии Спинозы скрывается некоторое рациональное, актуальное ядро, которое необходимо тщательно интерпретировать. Задача в исследовании Спинозы должна заключаться в том, чтобы ясно представить этот внутренний корень его системы, отделив от тех формальных структур и понятий, которыми нагружены многие тексты голландского философа. Поэтому необходимо «показать ту реальную проблему, в которую уперлась мысль Спинозы, совершенно независимо от того, как он сам ее осознавал и в каких терминах выражал для себя и для других» [7, с. 21]. В итоге мы получаем концептуальный каркас понятий Спинозы, который не виден нам сразу, исходя из его собственных слов и понятий, который спрятан за привычным для него языком и нуждается в определенной реконструкции.

Ключевой тезис, который Ильенков развивает, говоря о Спинозе, заключается в том, что голландский мыслитель имеет прямое отношение к диалектике, и именно исходя из этой перспективы необходимо прочитывать Спинозу. Его мысль описывает одна значимая в истории диалектики фраза: «Мышление он понимал неизмеримо более содержательно и, по существу, диалектически. И именно для истории диалектики фигура Спинозы представляет особенный интерес: он едва ли не единственный из великих мыслителей домарксистской эпохи, сумевший соединить блестящие образцы остродиалектической мысли с последовательно и неукоснительно проведенным через всю систему материалистическим принципом понимания мышления и его отношения к внешнему — в пространстве вне человеческой головы простирающемуся — миру» [7, с. 19]. Исходя из его интерпретации, можно выделить три ключевых понятия: материализм, диалектика и мышление. Именно ими Спиноза и будет представлен в ретроспективе той философии, которую Ильенков считает важным противопоставить другим современным тенденциям, в особенности — позитивизму.

Теперь рассмотрим, каким образом материалистическая диалектика может стать главным ориентиром для прочтения Спинозы. Центральное положение ильенковской критики метафизики Декарта заключается в том, что разделение мира на две субстанции ведет к такому же рассмотрению человека: разделению его на две составляющие, функционально не связанные друг с другом. Теория Спинозы представляется как материалистическая альтернатива такому разделению, поэтому человека необходимо рассматривать в единстве мышления и телесности. Поскольку сам Ильенков, рассматривая историю диалектической логики в одноименной работе, заинтересован именно в гносеологическом аспекте (именно так он саму диалектику и определяет, в русле гносеологии), то и здесь он будет решать эту проблему через фокус на то, каким образом мышление можно определить диалектически. Как итог мы видим следующее определение: «Мышление — такое же свойство, такой же способ существования тела, как и его протяженность, т.е. как его пространственная конфигурация и положение среди других тел» [7, с. 22]. Мышление как способ существования тела прочно связывает две субстанции, образуя единое действие, и поэтому само мышление можно трактовать как определенное действие человека.

Мышление, не являясь отдельной субстанцией, находится внутри определенного контекста действия, этот контекст и является Природой, самой субстанцией, внутри которой мышление как действие оперирует и решает свои задачи. Логика функционирования мышления внутри контекста субстанции объясняется материалистически, как наличие множества взаимодействующих структур, вполне телесных по своей сущности: «Реально существуют не мышление и пространство сами по себе, а только тела природы, увязанные цепями взаимодействия в безмерное и безграничное целое, обладающее и тем и другим» [7, с. 23]. Целое субстанции образуется именно как цепи взаимодействия, можно сказать, что мышление находится внутри сложно переплетающихся действующих структур, которые, в свою очередь, детерминируют само мышление.

Логика понимания субстанции прочитывается как реальный материальный контекст для мыслящего тела. Мышление выстраивается через сложную систему взаимоотношений с другими

телами. Как действие в материальном мире оно реализуется благодаря имманентной логике взаимосвязи всех вещей. Ильенков подчеркивает это, когда говорит, что мышление ориентируется в мире через вполне телесные ориентиры, «схемы» других тел: «В мыслящей вещи надо выявить и открыть те самые структурные особенности, которые позволяют ей осуществлять свою специфическую функцию, т.е. действовать не по схеме собственного устройства, а по схеме устройства и расположения всех других тел, включая сюда и свое собственное тело» [7, с. 39]. В итоге проблематика субстанции помещается в конкретный гносеологический аспект и рассматривается чисто материалистически. Субстанция-природа оказывается важным условием, средой взаимодействия «мыслящего тела» с окружающей его материальной действительностью.

Сама по себе эта концепция мыслящего тела, которую обрисовал Ильенков, подвергается критике, в частности А.Д. Майданский демонстрирует, что «образ этот, однако, был так мало похож на оригинал, что даже преданные ученики Ильенкова остались в недоумении» [8, с. 128]. Веса Ойтинен, отмечая оригинальность интерпретации Ильенкова, показывает, что его трактовка основана на нескольких избирательных тезисах [9, с. 326]. Проблематика монистической субстанции и теория деятельности находится в основании всего проекта Ильенкова. Тем не менее диалектическое напряжение между проблематикой мышления и телесности, которые опосредуются понятием действия, остаются в качестве ключевого видения для ильенковского преодоления дуалистической метафизики. Поэтому, несмотря на критику, проект Ильенкова сам по себе остается важной точкой для развития марксистского спинозизма.

Схожее видение мышления как мыслящего тела обнаруживаем и в работе Витторио Морфино. В тексте «Множественная темпоральность», противопоставляя метафизику Лейбница и Спинозы, он показывает, что Спиноза мыслит за пределами иерархии форм. «Иерархия формы» является примером такой метафизики, которая ставит в центре своего здания устойчивые сущности, формы, которые стягивают на себя остальные объекты универсума. Спиноза предлагает другое видение, считает Морфино: «В то время как тело, жизнь, упорядочивается у Лейбница иерархией форм, уровень которых, а именно, их положение

на иерархической лестнице бытия, задано раз и навсегда (хотя постоянное изменение тел делает немислимым, чтобы душа действительно обладала живыми существами более низкого уровня) у Спинозы разум никоим образом не является формой тела, он не является сведением к единому множества материи. Это и есть само тело, но выраженное в соответствии с другим атрибутом» [10, с. 140]. Тело, выраженное в соответствии с другим атрибутом, то есть атрибутом мышления, образует мыслящее тело, которое, в отличие от модели Лейбница, не образует замкнутую на себя монаду, а само является составным объектом, вступающим в сложные и разнообразные системы взаимодействия с другими телами.

Субстанция как напряженное поле для сложной системы взаимодействий оказывается своеобразным толчком к развитию материалистического спинозизма Ильенкова. Еще одним важным шагом оказывается представление о субстанции как о «целом», которое не является просто суммой частей, но, как говорит Ильенков в докладе о Спинозе, демонстрируется логикой цело-сообразности: «именно Спиноза раскрыл тайну цело-сообразности как простой факт цело-сообразности, — как факт обусловленности частей со стороны целого (а не «цели» в ее спиритуалистически-идеалистическом толковании)» [11, с. 175]. Вместо представления о субстанции как о цели, или идеальной форме, она является реальным материалистическим контекстом, «целым», которое определяет и связывает каждую свою часть, являясь имманентной причиной их существования. Целое субстанции образует свою внутреннюю систему правил, свою имманентную логику детерминации, которая влияет на все конкретное, отсюда диалектика восхождения от абстрактного к конкретному легко вписывается в своеобразный язык спинозизма, который создает Ильенков.

Итак, Спиноза оказывается в одном ряду с Гегелем на пути построения материалистической метафизики. Ключевой тезис о деятельности на характере мышления позволяет обосновать мощь диалектики как способа, в котором реальность суверенно, независимо разворачивается перед субъектом, который включен в нее посредством действия. Здесь образуется цепочка взаимодействий, сама субстанция трактуется диалектически, как то, что, с одной стороны, является контекстом, внутри которого разворачиваются конкретные

взаимосвязи, а с другой, как то, что само и является глобальным продуктом взаимосвязи всех вещей. Спиноза не определяет субстанцию как внешнюю, трансцендентную причину, а трактует ее именно как имманентную причину всех вещей [12, с. 54]. Ильенкову удалось предложить такое диалектическое прочтение Спинозы, которое включает его в обоснование современного марксизма, но является ли диалектика единственным ключом к тому, чтобы включить Спинозу в марксистскую философию? Возможно ли найти обходные пути?

ИСКУССТВО ОТКРЫВАТЬ НОВОЕ: СПИНОЗА И ПРОБЛЕМАТИКА ОБХОДНОГО ПУТИ

Французский философ Луи Альтюссер был одним из тех, кто во второй половине XX в. предложил серьезное переосмысление марксизма на новых началах. Его ранние работы посвящены тому, чтобы отвязать привычное понимание Маркса от того образа, в котором главная заслуга Маркса заключается в том, что он «повернул» гегелевскую диалектику на материалистический путь. Альтюссер решительно старается преодолеть этот взгляд и показать, как возможно представлять марксизм за пределами диалектики. Его союзником в борьбе против гегельянской «идеологии» в марксизме оказывается Спиноза.

Телеологичность мысли Гегеля, которая усматривает в каком-либо феномене возможность внутренней «истины», что развивает движение диалектики на шаг дальше, не удовлетворяет поиску научности познания у Маркса, как полагает Альтюссер. Вместо этого французский философ постулирует возможность «разрыва», когда никакая «внутренняя» истина не способна обосновать специфику какого-либо предмета. «Разрыв» означает возможность радикального различия, которое предполагает поиск совершенно новых вопросов: «Но позиция Маркса, как и вся его критика идеологии, предполагают, что по самому своему смыслу наука (которая постигает реальность) представляет собой разрыв с идеологией и что она утверждает себя на другой почве...» [13, с. 114].

Альтюссер стремится расширить брешь между Марксом и Гегелем и тем самым найти возможность для иного обоснования философии марксизма. Критика диалектики заключается в том, чтобы поставить под вопрос самую логику

ку диалектического познания, ее внутренние структуры [13, с. 135]. Проблематизация самой структуры диалектики обращает внимание на необходимость разработки другого спектра понятий, способных вывести марксизм за пределы диалектики. Мысль Маркса, полагает Альтюссер, не «переворачивает» диалектику, сохраняя ее как метод, вместо этого следует говорить о необходимости осмысления «структурных различий» со старой философской традицией.

Какой же другой спектр понятий предлагает разработать Альтюссер на смену привычной диалектической логике? Если диалектику необходимо поставить под вопрос изнутри ее специфических структур, тогда на ее месте должна появиться другая логика, другой инструментарий, с помощью которого возможно обосновать революционный марксистский опыт. Альтюссер приходит к тому, что можно назвать логикой «разрыва» и что в итоге выкристаллизовывается в его знаменитое понятие «сверхдетерминации». От привычного гегелевского «противоречия» необходимо отказаться в пользу разработки более динамичного понятия, способного ухватить больше, чем просто противоречие между какими-либо историческими реалиями. Можно сказать, что логика разрыва фиксирует более сложную структуру противоречия: «Для того, чтобы противоречие стало «активным» в сильном смысле этого слова, чтобы оно стало принципом разрыва, необходимо такое накопление «обстоятельств» и «тенденций», что какими бы ни были их истоки и направленность...они тем не менее, «сливаются» в единстве разрыва...» [13, с. 143].

Мышление, которое ставит на место противоречия разрыв, фиксирует, что всякая конкретная констелляция событий может быть детерминирована разнообразием переплетающихся факторов, которые способны породить нечто радикально новое, выходящее за рамки предсказуемых событий. Философское значение идеи сверхдетерминации раскрывается тогда, когда мы рассмотрим ее методологический потенциал. Теоретический ход, который развивает здесь Альтюссер, связан с возможностью остановиться, осмыслить «разрыв» или даже вернуться назад и найти «обходной путь» (detour). Философия, считает Альтюссер, развивается с помощью подобного мыслительного движения, она может

пойти назад [14, с. 134] или попытаться осмыслить разрыв. Философия развивается через прояснение различий или возвращение к некоторой другой философии для того, чтобы лучше осознать, каким образом данная философия может «сработать» в конкретных исторических условиях, как она может выгодно отличаться, какие теоретические заимствования могут быть приемлемыми, а какие нет.

Альтюссер старается найти своеобразный «обходной путь», который позволит ему более детально продумать основные понятия марксизма. Принимая во внимание, что Маркс как мыслитель формировался через философию Гегеля, но в определенный момент преодолел ее, Альтюссер продумывает возможность другого «обходного пути», который поможет прояснить философию Маркса в современном ландшафте. Построить этот «обходной путь» ему помогает философия Спинозы: «Мы проделали окольный путь через Спинозу, чтобы лучше понять философию Маркса. Если быть точным: поскольку материализм Маркса вынудил нас осмыслить значение необходимого обходного пути через Гегеля, мы сделали этот обходной путь через Спинозу, чтобы прояснить наше понимание обходного пути Маркса через Гегеля» [14, с. 135].

Обходной путь через Спинозу позволяет Альтюссеру более четко сформулировать те тезисы, которые он пытался выстроить, критикуя гегелевскую диалектику. Спиноза — как философ, который говорит о Боге, избегает телеологии истории. Мысль Спинозы не исходит из того, что в Природе в целом или модусах Природы заложена внутренняя цель: «Но Спиноза, поскольку он «начинает с Бога», никогда не ставит перед собой никакой Цели, которая, даже когда она «прокладывает себе путь» в имманентности, все равно остается фигурой и тезисом трансцендентности. Таким образом, обходной путь через Спинозу позволил нам, напротив, разглядеть радикальное качество, отсутствующее у Гегеля» [14, с. 136]. Философский ландшафт Спинозы позволяет осмыслить значение истории через логику имманентности, когда вместо скрытой цели история предстает как переплетение сложно детерминированных противоречий.

Перри Андерсон видит в этом интересе к Спинозе попытку представить философского предшественника Маркса [3, с. 96], возможность включить другие философские источники

в ретроспективу развития марксистского материализма. С этой точки зрения задача Альтюссера заключается в том, чтобы построить более точную философскую картину развития материализма, что поможет лучше понять смысл исследовательских открытий Маркса. Питер Томас, рассматривая проблематику Спинозизма в теории Альтюссера, отмечает, что более удачной стратегией обоснования такого интереса к Спинозе будет не заимствование идей Спинозы, а попытка встроить его в новый политический ландшафт. Тем самым мысль Спинозы не просто актуализируется, но его понятийный аппарат получает реальную возможность применить себя в новых условиях: «Поэтому, чтобы расширить это пространство и в качестве первой попытки теоретизировать один из элементов обходного пути Альтюссера, я предложу следующий тезис: вместо прямой транскрипции мысли Спинозы, утверждаемой Андерсоном, или продолжения и развития, предложенных Монтэгом, Спинозизм Альтюссера можно охарактеризовать как очень сложное перенесение формальных структур мысли Спинозы на совершенно иное содержание марксистской политики двадцатого века» [4, с. 96]. Спиноза важен для марксизма как пространство другой философии, сознательное возвращение к которой позволяет расширять потенциал марксистской мысли. Иными словами, это не столько поиск «истока», «предтечи», сколько поиск новой интерпретации, творческое развитие новых понятий.

БИОПОЛИТИКА ОБЩЕГО ПРОТИВ ДИАЛЕКТИКИ

Философию Спинозы как антидиалектическую рассматривает и Негри. Спиноза раскрывается в перспективе онтологической проблематики, в центре находится понятие бытия. Бытие — это мир имманентности, в котором каждая вещь воспринимается как взаимосвязанная через многочисленные, сложно переплетающиеся линии с другими вещами. Негри резюмирует эту идею следующим образом: «В отличие от всей другой философии того периода, философия Спинозы начинается с определения: реальное определение — бытие говорит, философия объясняет реальную связь; генетическое определение — бытие продуктивно, философия следует образцу продуктивности бытия; синтетическое определение — бытие логически связано, фило-

софия открывает и раскрывает его посредством последовательных синтезов» [15, с. 46]. Для Негри важно отметить, что мышление голландского философа не использует фигуру опосредования (т.е. некий элемент, который связывает другие вещи, сам не находясь при этом внутри этой взаимосвязи), к которой Негри относится с подозрением, философия Спинозы исходит из чистого утверждения имманентного бытия. Понятие бытия так важно для Негри, поскольку оно не фиксирует простую тотальность всех вещей, некое безразличное единство, которое противостоит множеству. Диалектику единого и многого Негри также отвергает, поскольку в этом случае единое предстает как цель или источник многого, а оно в свою очередь является зависимой от него частью. Вместо этого, на самых разных уровнях, как политическом, так и онтологическом, Негри будет стремиться обосновать независимость и автономность множества [16, с. 277].

Выделяя в творчестве Спинозы две фазы, или основания, Негри концентрируется на двух уровнях: онтологическом и политическом. Имманентность бытия означает, что оно само по себе обладает интенсивностью, и на этом уровне Негри вводит понятие «мощи»: «Проблема динамики тотальности, по сути, подразумевает, что концепция мощи (*potentia*) принимается не только во всей ее актуальности, как существенный принцип самооснования бытия (и это в той мере, в какой она раскрывается в первых пятнадцати положениях), но и в своей обширной актуальности, как принцип артикуляции различных уровней реальности...» [15, с. 51]. Мощь как «потенция» присуща всему, что существует, у самого Спинозы это понятие уже встречается в теореме 34, где говорится, что мощь Бога (т.е. его «потенция») есть сама его сущность [12, с. 10], и поэтому Бог не является творцом всего именно с точки зрения некой телеологии, или наличия у него свободной воли. Бог детерминирует каждую вещь исходя из тотальности своей природы, его мощь и составляет этот план имманентности, внутри которого всякая вещь детерминируется его природой. Границ у этой природы нет, всякая вещь находится внутри этого абсолютного контекста мощи Бога.

Негри углубляет эту аргументацию, рассматривая отношения между единичностью

(сингулярностью) и тотальностью субстанции и атрибутами. Онтологически мир представляет не иерархически разделенное пространство, а универсальный, плоский горизонт, внутри которого всякая вещь реализует себя в бытии, обладая «мощью». Атрибуты субстанции, говорит Негри, «не представляют собой агентов организации, а подчинены (и почти устранены) линейному горизонту, в пространстве, где проявляются только сингулярности» [15, с. 63]. В итоге субстанция представляется как совокупность взаимосвязей, как точка пересечения множества сложноустроенных отношений, внутри которых сингулярности и проявляют себя без всякого опосредования. Данная модель имеет логическую схожесть с концепцией сверхдетерминации Альтюссера, где форма диалектического противоречия заменяется на множественное переплетение сложных условий, внутри которых исключение из правил всегда как бы является «правилом». Субстанция как Бог и единичная вещь не нуждаются в посредниках, которые бы отдельно, «извне» регулировали бы их отношения, всякая единичная вещь уже встроена в цепь сложных переплетающихся отношений, которые взяты в своей абсолютной тотальности и определяются как субстанция.

Как мы уже сказали, данная интерпретация Спинозы отвергает диалектику. В центре диалектической логики находится идея о том, что для постижения чего-либо необходимо проанализировать момент единства противоположностей, когда знание и реальность способны схватить объективное противоречие. В небольшой работе «Размышления о диалектике и том, как она понималась в ряде случаев» Негри цитирует Ильенкова, приводит его определение диалектики и тут же признается, что эти слова сегодня уже не являются такими понятными [17, с. 12]. Связано это с тем, что изменился сам контекст материализма, теперь — это биополитика, проблематика живого труда, эксплуатация которого не создает «простого» противоречия, а требует иного осмысления понятий. Тем не менее Негри не вчитывается внимательно в то, как Ильенков интерпретирует Спинозу, останавливаясь на тезисе о том, что Ильенков принадлежит к числу тех, кто пытался создать гуманистическую версию диалектики, что старается не забывать о человеке и осмыслить его положение в эксплуатационных механизмах современного капитализма.

Диалектике единства противоположностей, диалектике, которая стремится обнаружить конкретное, Негри противопоставляет материализм общего. Общее, повторяет он, является живым трудом: «Если «общее» есть живой труд как базис и тенденция, представляющая себя на сцене производства, то, следовательно, и сам антагонизм отныне предстает как базис и непреодолимая тенденция. То есть как радикальное ослабление любого диалектического «соприсутствия противоположностей» или же, как невозможность какого-либо «всеобщего» разрешения или решения противоречия» [17, с. 12]. В ситуации невозможности разрешения диалектического противоречия она попросту перестает работать как метод, Негри наводит читателя на мысль, что историческая ситуация развития этой гуманистической диалектики завершилась в тот момент, когда возникла потребность в осмыслении новых форм труда, приобретающих нематериальный характер. Поэтому поиск противоречия оказывается для него «устаревшей» процедурой, биополитика общего требует того, чтобы найти свое выражение в новых формах социальных движений: «диалектика всегда строится как такое «отображение» процесса в его целостности, которое неизбежным образом притягивает на некую истину как раз там, где сегодня в ситуации кризиса капиталистического развития и его культурных и институциональных форм слово может быть передано лишь «экспрессивной» способности субъектов. «Общее» конституируется не как представление, но как выражение. И здесь завершается всякая диалектика» [17, с. 13]. Завершение диалектики означает, что ее старый принцип работы — представление абстрактного через конкретное, раскрытие этого конкретного противоречия больше не помогает понять многослойную структуру живого труда, который формирует биополитический материализм. Здесь наконец вырисовывается ряд ключевых для Негри концептуальных связок, которые помогут нам увидеть специфику его интерпретации Спинозы. Итак, «диалектика — противоречие — конкретное», данная связка, которая перенимается от Гегеля некоторыми современными марксистскими учениями, уже преодолена новыми историческими формами капитализма. «Биополитика — общее — множество», эта новая связка понятий является опорным пунктом для материалистической философии Негри.

На политическом уровне онтология субстанции трансформируется в политическую философию общего, что выходит на первый план в совместном труде Негри и Хардта «Ассамблея». Проблематика общего является попыткой разработать такое понятие в области политической мысли, которое полностью бы отражало их интуитивное онтологическое воззрение на мир, в рамках которого диалектика единого и многого заменяется другой формой отношений, в которой множественность изначальна и выступает именно как коллективный план имманентности, всеобщей взаимосвязи. Политическая логика общего описывается следующим образом: «общее, напротив, в основе своей продуктивно и не просто регулирует существующие социальные отношения, а скорее создает новые институты “совместного существования” ... общее создает общество демократических отношений сотрудничества, управляемых снизу... общее живет благодаря сотрудничеству сингулярностей, каждая из которых способна вносить конкретный вклад в создание институтов» [18, с. 99]. Совместность, горизонтальное сотрудничество, демократия «снизу» — все это ключевые политические ценности, которые авторы пытаются обосновать еще и метафизически. Обращение к философии Спинозы явно способствует решению не просто философских, метафизических задач, но и несет в себе осязаемое политическое ядро.

Философия Спинозы оказалась в столкновении между двумя линиями марксистской философии, одна из которых использует суверенную мощь диалектики как движение от абстрактного к конкретному, а другая отходит от диалектики и гегельянского наследия ради биополитики «общего». Почему Спиноза оказывается в этих двух стратегиях мысли таким значимым автором? Действительно ли это поиск «обходного пути», как объяснил это Альтюссер? Нужно отметить, прежде всего, что сама философия Спинозы предоставляет теоретические ресурсы для того, чтобы переносить формальные структуры его мышления на новый исторический ландшафт современности. Философия марксизма нуждается в выходе на новые философские горизонты всякий раз, когда возникает попытка осмыслить изменяющиеся условия капиталистической системы. Несмотря на различия в интерпретации,

и у Ильенкова, и у Негри можно обнаружить повторяющийся мотив: имманентная структура субстанции-Природы, которая позволяет материалистически обосновать отношения между индивидуальным и общим. У Ильенкова здесь важным ориентиром выступает категория «целого», а у Негри — «общего».

Довольно удачно этот общий мотив имманентности субстанции удается выразить Морфино. Описывая проблематику темпоральности субстанции, он подчеркивает, что, с одной стороны, она находится за пределами «человеческого» времени, с другой — не становится при этом трансцендентной структурой: «Другими словами, вечность субстанции, которая является имманентной структурой столкновений между модусами, которые существуют вечно, никогда не проявляется в присутствии, как это имеет место в случае абсолютного знания в Феноменологии Духа, но только в конечном переплетении временностей, которое вечно именно потому, что оно есть освобожденный от всякой гипостазации времени, то есть от любого антропоморфного образа вечности» [10, с. 152]. Субстанция, рассматриваемая с точки зрения вечности, действительно избавлена от чисто человеческого времени, но в то же время она не противостоит ему как абсолютная форма, а является тем контекстом, внутри которого происходят имманентные столкновения и детерминируются взаимосвязи между модусами. Поэтому, как говорит Морфино, субстанция и содержит в себе множественную темпоральность. Подобное философское достижение идей Спинозы позволяет включить его одновременно как и в диалектическую версию марксизма, так и в биополитическую философию общего, которую разрабатывает Негри.

ВЫВОДЫ

Философия Спинозы проделала достаточно долгий путь, полный концептуальных трансформаций, и прочно закрепилась внутри современной марксистской философии. Хотя для самого Маркса Спиноза не оказался основополагающим автором, его последователи в XX в. обратились к философии Спинозы как к источнику новых теорий. Спиноза как мыслитель оказывается необходимым для развития новых направлений внутри марксизма. В итоге марксизм возрождается на концептуальном основании многих идей Спинозы.

Тем не менее результат этой реактуализации идей Спинозы зачастую оказывается неоднозначным. Негри и Ильенков с одинаковым энтузиазмом провозглашают Спинозу актуальным и современным мыслителем, для Негри он «дикая аномалия», выбивающаяся из своей эпохи. Ильенков видит в нем диалектического мыслителя, с помощью которого советский марксист выступает против позитивизма и метафизики XVII в. Если западный марксизм поворачивается к Спинозе для того, чтобы выйти за пределы гегельянского наследия (как это особенно четко заявлено у Альтюссера), фигура Ильенкова, оказывается интересна именно потому, что не отказывается от этого наследия в своем развитии спинозизма. Негри выступает против диалектики, считая ее язык устаревшим, и предлагает поиск нового биополитического контекста, в котором на первый план выступает категория «общего». Диалектика Ильенкова сталкивается с политической онтологией общего Негри именно в этом вопросе о реактуализации идей Спинозы. Марксистский спинозизм не обрел своего четкого контура, но уже ясно заявил о себе в довольно противоречивой форме.

Означает ли это, что сам проект марксистского спинозизма обречен на провал? Несмотря на различие в подходах к тому, каким именно образом вписывать Спинозу в контекст марксизма, схожие мотивы прослеживаются и у Негри, и у Ильенкова. Центральные понятия «общее» и «целое», которые нам удалось

рассмотреть, несут в себе следы имманентной структуры субстанции, что можно обнаружить у Спинозы. Выражаясь словами Морфино, речь идет о множественной темпоральности, которая не становится точкой гегельянского абсолюта и трансцендентности, и в то же время не превращается в чистый субъективизм, не становится выражением только антропологического взгляда на устройство мира. Проблематика целого и общего раскрывается в свете важного положения Спинозы об имманентной причинности субстанции.

Субстанция как множественная темпоральность схватывает момент переплетающейся сложной структуры, целого, если использовать идеи Ильенкова, которое само служит и контекстом и сплетается из разнообразных столкновений модусов. Этот мотив имманентной логики целого-общего можно рассматривать как важное звено для формирования марксистского спинозизма сегодня. Таким образом, несмотря на концептуальные различия между Ильенковым и Негри, центральной темой остается сама задача перенесения формальных структур мышления Спинозы на новый исторический этап развития философии марксизма. В этом новом историко-политическом ландшафте способы мысли, которые предложил Спиноза, оказываются актуальными именно потому, что они позволяют расширить классические категории марксизма и создать альтернативный позитивистским и постмодернистским проектам философский язык.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 24-18-00130.

ACKNOWLEDGEMENTS:

The research was completed with the financial support of the Russian Science Foundation (RGNF) within the framework of scientific project No. 24-18-00130.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Bianchi B. Marx's reading of Spinoza: On the alleged Influence of Spinoza on Marx. *Historical Materialism*. 2018;26:35–58.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство. Сочинения. Т. 2, изд. 2-е. М.: Госполитиздат; 1955:3–230.
3. Андерсон П. Размышления о западном марксизме. М.: Common Place; 2016. 350 с.
4. Thomas P., Philosophical strategies: Althusser and Spinoza. *Historical Materialism*. 2002;10(3):71–113.
5. Levant A.E.V. Emancipating open Marxism: E.V. Ilyenkov's post-cartesian anti-dualis. *Historical Materialism*. 2014;60:183–200.
6. Levant A.E.V. Ilyenkov and creative soviet marxism: An introduction to dialectics of the ideal. *Historical Materialism*. 2014;60:3–24.

7. Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М.: Издательство политической литературы; 1974. 271 с.
8. Майданский А.Д.: Советский Спиноза: вера в поисках разума. *Свободная мысль*. 2012;1633(5/6):124–136.
9. Oittinen V. Evald Il'enkov as an interpreter of Spinoza. *Studies in East European Thought*. 2005;57:319–338.
10. Morfino V. Plural temporality: Transindividuality and the aleatory between Spinoza and Althusser. Brill: Leiden; 2014. 187 p.
11. Ильенков Э.В. К докладу о Спинозе. Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков (Книга — диалог). М: Институт философии РАН; 1997:170–182.
12. Спиноза Б. Этика. СПб.: Азбука-классика. Non-Fiction; 2016. 336 с.
13. Альтюссер Л. За Маркса. М.: Практика; 2006. 392 с.
14. Althusser L. Essays in self-criticism, London: NLB; 1976. 224 p.
15. Negri A. The savage anomaly: The power of Spinoza's metaphysics and politics. Minneapolis: University of Minnesota Press; 1991. 277 p.
16. Хардт М., Негри А. Множество: Война и демократия в эпоху Империи. М.: Культурная революция; 2006. 559 с.
17. Negri A. Some thoughts on the use of dialectics. *African yearbook of rhetoric*. 2012;3(1):3–11.
18. Hardt M., Negri A. Assembly. Oxford University Press; 2017. 368 p.

REFERENCES

1. Bianchi B. Marx's reading of Spinoza: On the alleged influence of Spinoza on Marx. *Historical Materialism*. 2018;26.4:35–58.
2. Marks K., Engel's F. The Holy Family. *Sochineniya = Writings*. Volume 2. Moscow, Gospolitizdat; 1955:3–230. (In Russ.).
3. Anderson P. Considerations on western marxism. Moscow: Common Place; 2016. 350 p. (In Russ.).
4. Thomas P., Philosophical strategies: Althusser and Spinoza. *Historical Materialism*. 2002;10(3):71–113.
5. Levant A.E.V. Emancipating open marxism: E.V. Ilyenkov's post-cartesian anti-dualis. *Historical Materialism*. 2014;60:183–200.
6. Levant A.E.V. Ilyenkov and creative soviet marxism: An introduction to dialectics of the ideal. *Historical Materialism*. 2014;60:3–24.
7. Il'enkov E.V. Dialectical logic: History and theory. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury; 1974. 271 p. (In Russ.).
8. Majdanskij A.D. Soviet Spinoza: Faith in search of understanding. *Svobodnaya mysl' = Free thinking*. 2012;1633(5/6):124–136. (In Russ.).
9. Oittinen V. Evald Il'enkov as an interpreter of Spinoza. *Studies in East European Thought*. 2005;57:319–338.
10. Morfino V. Plural temporality: Transindividuality and the aleatory between Spinoza and Althusser. Brill: Leiden, 2014. 187 p.
11. Il'enkov E.V. Report on Spinoza. The drama of Soviet philosophy. Evald Vasilyevich Ilyenkov (Book — dialogue). Moscow.: Institut filosofii RAN; 1997:170–182. (In Russ.).
12. Spinoza B. Ethics. Saint-Petersburg: Azbuka-klassika, Non-Fiction; 2016. 336 p. (In Russ.).
13. Al'tyusser L. For Marx. Moscow: Praksis; 2006. 392 p. (In Russ.).
14. Althusser L. Essays in self-criticism, London: NLB; 1976. 224 p.
15. Negri A. The savage anomaly: The power of Spinoza's metaphysics and politics. Minneapolis: University of Minnesota Press; 1991. 277p.
16. Hardt M. i A. Negri. The multitude: war and democracy in the age of Empire. М.: Kul'turnaya revolyuciya; 2006. 559 p. (In Russ.).
17. Negri A. Some thoughts on the use of dialectics. *African yearbook of rhetoric*. 2012;3(1): 3–11.
18. Hardt M., Negri A. Assembly. Oxford University Press; 2017. 368 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Артур Романович Третьяк — кандидат философских наук, старший преподаватель, кафедра гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия

Artur R. Tretiak — Cand. Sci. (Philos.), Senior Lecturer, Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/00000-0002-1642-8066>

artretyak@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.06.2024; принята к публикации 11.07.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.06.2024; accepted for publication on 11.07.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.